С. Михалков. Первая тройка, или год 2001-й

ПИОНЕР

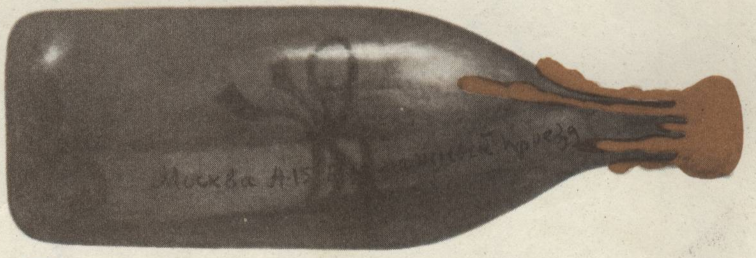
ЯНВАРЬ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

Письмо с Тихого океана

Неизвестный матрос принес в редакцию небольшой сверток. Оставил и ушел. В свертке бутылка. Внутри бутылки бумага с надписью на трех языках — русском, французском и английском — «Просьба доставить по адресу» и адрес «Пионера».

Мы развернули и... прочитали.

Тихий океан 21°3′ с. ш. 170°20′3″ в. д.

Тысяча извинений, дорогие друзья, но мы лишены возможности вернуться в очередной номер.

Не сердитесь на нас. Читайте, друзья, читайте этот печальный отчет, и вы все поймете.

Как вы знаете, все у нас было прекрасно и шло, вернее, несло нас по программе. И вдруг этакая глупость, а точнее сказать, трагедия.

Мы лежали под фонарем и сочиняли кроссворд на тему «Цветы и цифры». Увлеклись, конечно. Вдруг Зет поднимает голову и начинает быстро нюхать воздух. «Ребята, пахнет паленым». А мы уж и сами почувствовали. Запах доносился с правого борта, от печки. Кинулись туда. В ковре — дыра диаметром 645 мм, и язычки пламени бегут по краям. Воздух со свистом вырывался из нее со скоростью 43 м в секунду, у Игрека сдуло с головы шляпу. Икс принял командование на себя. Но ковер-самолет быстро терял высоту. Дыра нарушила его великолепные аэродинамические качества.

Все лишнее за борт!» — приказал Икс.

План атолла

Ящики с «антимолью», пылесос, телескоп, веник полетели вниз. Но ковер терял высоту... Что ждет нас?! И тут мы увидали влево по осту маленькое светлое пятнышко. Атолл! Еще шесть страшных минут, и мы зацепились якорем за макушку огромной пальмы.

Стоим на Земле! Ура! Ура! Ура!

Вот уже 288 часов, или, точнее, 17 280 минут, или 1 036 800 секунд, как мы на атолле. Ковер-самолет почти заштопан. Температура у всех 36,6°С.

Через 72—96 часов взлетаем. Посылаем подробный план и описание атолла.

Координаты 21°3′ северной широты 170°20′3″ восточной долготы. Атолл на картах не отмечен и необитаем. Следов пребывания человека не обнаружили. Думаем, что мы первыми на него вступили. Размеры атолла:

Длина от края до края 441 метр 58 см.

Ширина в среднем 63 метра. Под ногами белый песок.

Животный мир: черепахи (около 132 штук). И много попугаев. До сих пор точно подсчитать не удалось. Они перелетают с пальмы на пальму. В окружающих водах огромное количество акул. Климат: тропический, хороший. Так как остров открыли мы, дать ему имя — наше право.

Объявляем конкурс на лучшее название

До скорого свидания в журнале.
С математическим приветом.
Ваши неизвестные.

В память о посещении атолла мы из коралловой глыбы высекли памятник. Современно и красиво, не правда ли? Стоит он на одном из островов Алгебры. Видно его на расстоянии 62 км 350 м!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Издательство «Правда»

1970 г.

«Здравствуйте, новые наши друзья!» —
говорит КЛЮЧИК тем ребятам,
которые в этом году стали читателями «Пионера».
«Прощайте, но не забывайте журнал», —
говорит КЛЮЧИК тем, кто вырос
и станет теперь выписывать другие журналы.

Редакция «Пионера» для первого номера
приготовила ИСТОРИЮ ИЗ БУДУЩЕГО.
Поворот страницы, и вы уже в 2001 году.
Действие этой истории происходит
на советской земле и в космосе.

В этом номере вы увидите
фотографии, на них ЛЕНИН,
и рассказывают они
об одном дне жизни Владимира Ильича.

С этого номера журнал будет рассказывать,
о ЧЕМ ПИШУТ ВЗРОСЛЫЕ ГАЗЕТЫ,
то есть обо всем важном, о чем размышляют,
спорят и советуются взрослые люди.

Кто написал «Горе от ума»? ГРИБОЕДОВ.
А когда жил Грибоедов и как?
И что он был за человек,
и почему же это «от ума» да вдруг «горе»?
Об этом мы рассказываем в журнале.
Прочитайте!

Еще в номере
и СТИХИ, и РАССКАЗЫ, и СКАЗКА.
Сказка смешная.

Интересно, успеваете ли вы
во время хоккейного матча следить
за действиями судьи на поле
и понимаете ли вы его знаки?
Так вот О ЗНАКАХ
ХОККЕЙНОГО СУДЬИ,
о командах его
вы прочтете у нас.

«КОРАБЛИК»? Есть.
«СОРОК СОРОК»?
И они прилетели.
А вот «ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ»
находятся в неизвестности,
но пишут нам
письма с дороги.

И еще,
если вы заметили,
в декабрьском номере
у нас появилась
девочка, зовут ее
КАЛИНКА,
она все знает,
все умеет
и в новом году
будет появляться
часто.

ОДИН из наисчастливейших дней

И. КОЛЧИНА

В Центральном партийном архиве среди других документов хранятся вот эти четыре фотографии. Любая из них очень дорога нам. Но, собранные вместе, они обретают еще большую ценность. Они раскрывают перед нами один день жизни Ленина — 7 ноября 1918 года.

Москва еще не знала такого праздника: алыми флагами полыхала вся Красная площадь. Не колокольный звон — революционные песни гремели над древним Кремлем. Отовсюду стекались к центру города демонстранты.

«Празднование первой годовщины Советской власти проходило при очень приподнятом настроении,— писала Надежда Константиновна Крупская и вспоминала, как был в эти дни воодушевлен Ленин.— Он непрестанно выступал. Лицо его радостно светилось... Октябрьские дни первой годовщины были одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича. Однако ни на минуту не забывал Владимир Ильич о том, какой еще трудный путь лежит перед Советской властью».

В Большом театре заседал VI Чрезвычайный съезд Советов. Но в то утро, 7 ноября, заседания не было. К десяти часам приехал сюда Владимир Ильич, и делегаты съезда построились в большую колонну. Праздничные, радостные, направились все к площади Революции.

Сейчас на этой площади воздвигнут гранитный памятник Карлу Марксу. А тогда памятник был совсем другим. В первую свою годовщину Страна Советов поставила временный монумент вождям всемирного пролетариата Марксу и Энгельсу. И вождь рабочих, осуществивших великую революцию, открывая его, произносит яркую и страстную речь.

В. И. Ленин осматривает памятник Марксу и Энгельсу.

— Мы переживаем счастливое время, когда... предвидение великих социалистов стало сбываться...

А вот Ильич снова во главе праздничной колонны. Ее марш теперь — на Красную площадь. На Сенатской башне Кремля, пока еще скрытая от глаз,— мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов...». Работа скульптора Сергея Коненкова. Ее тоже открывает Владимир Ильич.

Мы видим, как его бережно поддерживает кто-то из товарищей. Он уже поднялся на маленькое возвышение перед доской, чтобы разрезать ленточку. Мгновение — и перед собравшимися предстала символическая фигура женщины в лучах восходящего солнца.

Скорбно звучит мелодия «Вы жертвою пали...». Толпа, как один, обнажает головы. На трибуну, обтянутую красной материей, под бурю аплодисментов поднимается Ленин.

— Лучшие люди из трудящихся масс,— говорит он,— отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм... Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму.

Торжественно двигались колонны по Красной площади. Пролетали бело-красные аэропланы. Голубями кружили листовки — падали к ногам демонстрантов, шуршали по тротуарам.

Праздник продолжался.

Светлой памяти ЮРИЯ ГАГАРИНА посвящается
Автор.

Сергей **МИХАЛКОВ**

Героическая феерия в двух частях, семи картинах

Консультант — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Алексей ЛЕОНОВ.

Действующие лица

Федя Дружинин, **Вадим Гонтарев**, **Наташа Печатникова** — школьники 12—14 лет.
Дружинина Зоя Петровна — Федина бабушка.
Титов Герман Степанович — летчик-космонавт, Герой Советского Союза. По воле автора пьесы — начальник Главного управления межпланетных сообщений СССР.
Артамонов Артем Иванович — академик.
Павловский — представитель горкома комсомола.
Леночка — секретарша.
Ричард Вуд — корреспондент американской газеты «Уоркер».
Первая девочка.
Вторая девочка.
Диктор телевидения.

ОТ АВТОРА. Действие происходит на советской земле и в космосе в начале XXI века. В пьесе частично использованы записи бесед с крупнейшими советскими учеными, обобщенные журналистом В. Губаревым в книге «ЧЕЛОВЕК, ЗЕМЛЯ, ВСЕЛЕННАЯ».

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Первая картина

Просторная комната в квартире Дружининых. В комнате удобная, современная мебель, большой радиотелевизионный и телефонный комбайн. Над диваном — фотография военного летчика, отца Феди Дружинина. В комнату вбегает Федя. За ним входят Наташа и Вадим. Федя подбегает к столу и залпом выпивает несколько стаканов воды из графина.

НАТАША *(Феде)*. Смотри, лопнешь!

ФЕДЯ. Пусть. *(Отдышавшись.)* Последнее слово все равно будет за мамой. Это уж проверено... Это уж будьте спокойны...

НАТАША. В конце концов мы с Вадиком тоже не безмамные.

ВАДИМ. А в нашей семье все папа решает. Но тут и мама не возражала. Мы с ней всегда находим общий язык.

ФЕДЯ. В родительском вопросе нет мирового стандарта, а сознание многих пап и мам, несмотря на стремительное развитие науки и техники, все еще остается на уровне шестидесятых годов прошлого столетия. Моя мамуля — это моя мамуля! Со всеми особенностями! Я для нее единственный и неповторимый. У нее вся жизнь во мне, как она говорит...

НАТАША. Она знала, что ты принимал участие в конкурсе?
ФЕДЯ *(пожимает плечами)*. Разговора на эту тему не было.
ВАДИМ. Твоя мама, выходит, и радио не слушает и телевизор не смотрит. Ведь заключительный тур передавался по Всемирному радио и телевидению.
ФЕДЯ. Она не любит смотреть телевизор. Она говорит, что от этого у всего человечества испорчено зрение.
ВАДИМ. Я убежден, что все уладится. Не будет же она лишать тебя такого удовольствия. Все-таки это не обычная экскурсия.
ФЕДЯ. Все это так... Все это верно... Но тут нет места логике. Нет места здравому смыслу. Здесь играют роль эмоции и инстинкты! Моя мама — мама! В полном смысле этого слова. Вы же ее не знаете! Познакомитесь — поймете!
ВАДИМ *(мечтательно)*. Не исключена возможность, что в день нашего старта «Пионерская правда» выйдет на всех языках мира и нам посвятят целый номер газеты. Это же как-никак событие мирового значения!
НАТАША. Прямо не могу свыкнуться с мыслью, что мы первые ребята. Честно говоря, я не очень-то надеялась. Больше боялась за астронавигацию. А ты, Вадик, за что боялся?
ВАДИМ. За радиоэлектронику и немножко за небесную механику.
ФЕДЯ. А я за маму, только за маму... Боялся и боюсь!
ВАДИМ. Не смеши! Что говорить, проверочка была основательная: шесть академиков, три доктора наук, два генерала авиации. И все спрашивают, все проверяют... Одним словом, нам здорово повезло!
ФЕДЯ. Представляете, как будет обидно, если моя мама упрется! Что тогда? Что тогда, я вас спрашиваю?
ВАДИМ. Тогда твое место займет болгарский пионер Асен Босев. Он из следующей тройки! То ему своей очереди ждать, а так он полетит в первый рейс.
ФЕДЯ. Я этого не переживу.
НАТАША. Федя! Зачем ты нас к себе пригласил?
ФЕДЯ. Как идейное подкрепление... Познакомить с мамой...
НАТАША. Как зовут твою маму?
ФЕДЯ. Анна Захаровна.
ВАДИМ. Да! Ребятишки! Говорят нас уже завтра должны вызвать к Герману Степановичу Титову. Он будет с нами проводить собеседование.
ФЕДЯ. Сколько же ему сейчас лет?
ВАДИМ. Наверное, лет семьдесят с небольшим. Но он бодро выглядит. Я его несколько раз видел.
НАТАША. Подумать только! Второй советский космонавт! Он тогда совершил всего-навсего суточный полет вокруг Земли на высоте двести километров и сразу стал Героем Советского Союза!
ФЕДЯ. Но когда это было! Сорок лет тому назад. На заре космонавтики!
НАТАША. Кстати, кто знает, когда мы к нему пойдем, что нужно иметь на руках, кроме дипломов?
ВАДИМ. Письменное согласие родителей.
ФЕДЯ *(мрачнея)*. Ну вот, еще и письменное... Напишет она... ждите.

Звонок в передней. За ним второй, третий.

НАТАША *(вопросительно смотрит на Федю)*. Мама? Да?
ФЕДЯ *(растерянно)*. Она! Ребята, не забудьте: Анна Захаровна! Анна Захаровна! И только не сразу! Не сразу! Постепенно! А то она не переживет! *(Выбегает открыть дверь.)*
ВАДИМ *(Наташе)*. Последнее испытание!

В комнату стремительно входит Федина бабушка. За ней появляется растерянный Федя.

ДРУЖИНИНА *(с порога)*. Твоя мать еще с ума не сошла!
ФЕДЯ *(робко)*. Послушай...
ДРУЖИНИНА. И слушать не хочу!
ФЕДЯ *(умоляюще)*. Я тебе не успел сказать...
ДРУЖИНИНА. Радио было со мной откровеннее, чем родной, близкий человек. Я все знаю: «Первая тройка»! «Победители Всемирного детского космического конкурса»! «Сто пятьдесят тысяч участников»! Мне все известно! Не пущу! Не пущу! Ни за что!
ФЕДЯ. Пойми...
НАТАША *(деликатно)*. Вы меня, пожалуйста, извините, Анна Захаровна...
ФЕДЯ *(хватается за голову, шепчет)*. Зоя Петровна! Зоя Петровна!

Наташа и Вадим недоуменно переглядываются.

НАТАША *(невозмутимо)*. Анна Захаровна! Вы напрасно так боитесь. Это же лететь не куда-нибудь в полную неизвестность, а на Марс! Взрослые туда летают? Летают!
ДРУЖИНИНА. Ну и пусть себе летают! Мало ли, куда они летают теперь? А ему нечего там делать. А вы, собственно говоря, почему заступаетесь? Я вас вообще первый раз вижу. И потом зовут меня Зоя Петровна, а не Анна Захаровна.
ФЕДЯ *(обретая дар речи)*. Бабушка! Познакомься, пожалуйста! Это Наташа Печатникова из Киева и Ва-

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

дим Гонтарев из Челябинска. Ребята! Это моя бабушка!

ДРУЖИНИНА *(не сразу).* А вы «Первая тройка»?

ФЕДЯ. Да. Это мы. И я как раз третий!

ДРУЖИНИНА *(приглядываясь к ребятам).* Вы, стало быть, тоже собрались на Марс? И вас дома отпускают?

НАТАША. Конечно. Наши родители не против. Ведь в этом соревновании участвовало более двадцати пяти тысяч советских ребят, не считая ребят других стран. А победило всего шесть человек. И мы — в первой тройке! Это что-нибудь да значит!

ДРУЖИНИНА. Нет, как вам это нравится! Если бы я сегодня утром не включила радио, я так бы ничего и не узнала! *(Поясняет.)* Я ведь живу теперь одна, за тридевять земель... Пришлось взять первый же космолет и прилететь сюда, чтобы образумить внука. Как могла ему прийти в голову эта безумная мысль — лететь на Марс! Уверена, мать его не пустит. Так рисковать!

ВАДИМ. В настоящее время космические полеты совершенно безопасны.

ФЕДЯ. Бабуся! Ты себе не представляешь, какая это техника! Какая совершенная аппаратура! На Марсе нас встретят, все нам покажут и отправят обратно на Землю: Земля — Марс — Земля! Все будет «о'кэй»!

ДРУЖИНИНА. Я даже не представляю, сколько туда километров!

НАТАША *(быстро).* Двести двадцать семь миллионов километров с хвостиком.

ДРУЖИНИНА *(хватается за голову).* Боже мой! Какая даль!

ФЕДЯ. Но это же не на космолете лететь! Тут совсем другая скорость!

ДРУЖИНИНА *(решительно).* Нет, нет и нет. Так далеко одного я тебя не пущу!

ВАДИМ. Почему одного? Нас же будет трое!

НАТАША. Анна Захаровна! *(Поправляется.)* Зоя Петровна! Это кажется, что далеко. Марс не какой-нибудь необитаемый остров в океане. Там живут наши люди. Осваивают планету.

ДРУЖИНИНА. Кто только выдумал эту экскурсию?

ВАДИМ. Международный комитет детей и юношества.

ФЕДЯ. Для советских школьников это большая честь — побывать на Марсе первыми.

ДРУЖИНИНА. Если бы твой отец при жизни мог себе это представить...

ФЕДЯ *(убежденно).* Бабуся! Неужели он бы меня не пустил? Папа ведь сам был космолетчиком!

Телефонный звонок. Дружинина энергично снимает трубку с аппарата, вмонтированного в комбайн. На большом экране телевизора возникает крупным планом лицо интеллигентного человека в роговых очках.

ВУД *(по-русски, с иностранным акцентом).* Это Москва? Квартира Дружининых?

ДРУЖИНИНА. Да, да! Вас слушают.

ВУД *(вежливо).* Добрый вечер! *(Поправляется.)* Простите, я хотел сказать: добрый день! Госпожа Дружинина... *(Поправляется.)* Товарищ Дружинина! С вами говорят из Вашингтона. Корреспондент американской коммунистической газеты «Уоркер» Ричард Вуд. Я обращаюсь к вам в связи с предстоящим первым полетом трех советских школьников на планету Марс. Как нам стало известно, ваш сын Федор Дружинин вошел в первую тройку победителей. Это верно?

ДРУЖИНИНА. Да. Это так. Только это не мой сын, а мой внук. С вами говорит его бабушка. Его матери сейчас нет дома.

ВУД. Простите. *(Помолчав.)* Все наши газеты печатают сегодня сообщение о первом полете советских детей на Марс и портреты «Первой тройки», а также их биографии.

ДРУЖИНИНА. Уже печатают?

ВУД *(продолжает).* Да. Все газеты. Американские школьники, впрочем, как и дети всего мира, поздравляют своих советских друзей и шлют им братский, международный привет. Каждый ребенок Америки хотел бы быть сегодня на их месте. Не могли бы вы нам ответить на один вопрос?

ДРУЖИНИНА. На какой?
ВУД. Нам известно, что Федор Дружинин — сын Героя Советского Союза, летчика-испытателя космолетов. Это правда?
ДРУЖИНИНА. Да. Это правда.
ВУД. Что бы вы могли, как мать героя и как бабушка Федора Дружинина, передать миллионам читателей нашей рабочей газеты? Вы меня поняли? Должен я повторить вопрос?
ДРУЖИНИНА. Не надо повторять. Я вас поняла. Я не глухая.
ВУД. Я записываю.
ДРУЖИНИНА. Передайте, что я горжусь своим сыном *(неожиданно для самой себя)* и внуком...
ВУД. Благодарю вас. Большое спасибо, товарищ Дружинина! Желаю счастья вашей семье!

Экран гаснет. Лицо человека в очках исчезает. Дружинина опускает трубку на рычаг и медленно садится.

ДРУЖИНИНА *(после паузы)*. Так сколько же всетаки километров до вашего Марса?
ФЕДЯ *(осторожно)*. Двести двадцать семь миллионов восемьсот тысяч километров!
ДРУЖИНИНА *(неожиданно)*. Только со мной!
ФЕДЯ. Бабушка! Но ты же не прошла конкурс.
ДРУЖИНИНА. Ну и что из этого? Я до сих пор плаваю, ныряю, прыгаю, бегаю и танцую! Управляю автомобилем! В конце концов я вам могла бы пригодиться в этом путешествии.

В передней прерывисто звонят.

ФЕДЯ. Это мама! Бабуся! Уговори ее! Умоляю! Ты одна можешь! Пожалуйста.
НАТАША. Мы вас тоже просим. Очень просим!
ВАДИМ. Теперь, после того, как вы дали такое интервью корреспонденту американской газеты, отступление уже невозможно!

В передней продолжаются прерывистые звонки.

ДРУЖИНИНА *(Феде)*. Да открой же матери дверь! Открой!

Федя выбегает. Все молча ждут.

Вторая картина

Кабинет начальника Главного управления межпланетных сообщений СССР Г. С. Титова. На стене портрет Юрия Гагарина. Карты Луны, Венеры, Марса. Большой глобус. Модели космолета и космоплана. Сложная аппаратура связи. В момент поднятия занавеса Титов беседует с Артамоновым. На коленях академика лежит теннисная ракетка в чехле.

АРТАМОНОВ. Как я вам уже сказал, Герман Степанович, готовится решение правительства о направлении в Марсианск специальной группы астрогеологов, поскольку на Марсе обнаружены чрезвычайно ценные металлы, которых мало на Земле. Необходимо получить более точные данные об этих запасах. Но что для нас особенно привлекательно, так это то, что эти металлы, представьте себе, оказывается, чуть ли не в чистом виде!
ТИТОВ. Выходит, Артем Иванович, не за горами то время, когда наша металлургия из промышленности, обслуживающей космос, может стать потребителем «космического сырья»?
АРТАМОНОВ. И мы сможем использовать сырье прямо на месте, а не возить его с Земли. Вот, Герман Степанович, до каких времен мы с вами дожили! А ведь я отлично помню тот исторический день — полет вашего друга Юрия Гагарина.
ТИТОВ *(серьезно)*. Жаль, что он не дожил до наших дней. В Марсианске собираются установить памятник первому космонавту. И правильно. Юрий заслужил его.

АРТАМОНОВ *(помолчав)*. Герман Степанович! А как вам нравится вся эта затея с юными космотуристами? Я, как член советской секции Большого жюри, экзаменовал наших кандидатов. Талантливые ребята! «Первая тройка», как их теперь называют. Лет тридцать тому назад любому из них можно было запросто присвоить звание кандидата наук. Когда вы предполагаете осуществить этот необычайный рейс?
ТИТОВ. Вычислительный центр укажет точную дату. Уже получено разрешение на полет «Первой тройки».
АРТАМОНОВ. Естественно. Беспрецедентный случай. Мне, признаться, по душе это мероприятие. Человек с планеты Земля стал жителем солнечной системы. Еще лет тридцать тому назад был бы невозможен, к примеру, такой диалог: «Где вы прописаны?» «На Земле». «А где вы работаете?» «На Марсе». А сегодня такой диалог вполне реален. Чудеса!

В раскрытое настежь окно кабинета доносится далекий рев какого-то животного.

АРТАМОНОВ *(прислушивается)*. Кто это там ревет?

Рев повторяется.

ТИТОВ *(улыбнувшись)*. Это последние цари на Земле! Львы. Тут недалеко зоопарк.

Звучит зуммер. На большом экране аппарата «Секретарь» вспыхивает свет. Появляется лицо секретарши Леночки.

ЛЕНОЧКА. Герман Степанович, извините! В приемной «Первая тройка». Вы просили доложить, когда они придут.
ТИТОВ. Пусть заходят. *(Академику.)* Если вы, Артем Иванович, никуда не торопитесь, поприсутствуйте. Проведу с ребятами небольшое собеседование.
АРТАМОНОВ. К сожалению, не смогу. У меня в 15.00 тренировка.
ТИТОВ *(улыбаясь)*. Простите, Артем Иванович, сколько вам лет? Извините за нескромный вопрос.
АРТАМОНОВ *(смеется)*. Не угадаете! Сто десять лет, Герман Степанович. Сто одиннадцатый пошел! С тех пор, как изобрели наш отечественный препарат долголетия «жизнеин», возраст, как видите, не имеет уже значения! Вчера с олимпийцем Ваней Петренко играл!

Входят дети.

ТИТОВ *(пожимая ребятам руки)*. С академиком Артамоновым вы, ребята, кажется, уже знакомы?
НАТАША. Конечно, знакомы.
АРТАМОНОВ *(здороваясь с детьми)*. Не скрою, мне доставило удовольствие общение со столь образованными собеседниками. Я прощаюсь. Желаю успехов! Летите, голуби! Летите! *(Выходит.)*
ТИТОВ. Располагайтесь, голуби! *(Показывает на кресла.)*

Все садятся.

ТИТОВ *(не сразу)*. Ну, так что ж... Значит, летим на Марс? Так, что ли? Земля уже надоела?
ФЕДЯ. Земля не может надоесть.
НАТАША. Мы ведь не насовсем...
ТИТОВ. Да уж возвращайтесь, пожалуйста!
ВАДИМ. За нами дело не станет.
ТИТОВ. Ну, а как насчет согласия родителей? Благословляют? *(Ребята протягивают бумаги. Титов просматривает их.)*
НАТАША *(объясняет)*. У нас по две подписи, а у него *(показывает на Федю)* только одна. У него нет отца.
ТИТОВ *(серьезно)*. Я знаю.
ФЕДЯ. У меня тоже две подписи. Одна — бабушкина.
ТИТОВ *(отложив в сторону бумаги)*. Итак, друзья,

путешествие вам предстоит необычайное и не из ближних...

НАТАША. Мы знаем.

ТИТОВ. А знаете ли вы, когда и как полетите?

ВАДИМ. Это мы догадываемся.

ТИТОВ. Поделитесь со мной своими догадками.

НАТАША. Наименьшее расстояние между Марсом и Землей бывает в момент великих противостояний...

ТИТОВ. Точно.

НАТАША. Последнее противостояние произошло в марте прошлого года.

ТИТОВ. И это верно.

НАТАША. Выходит, мы опоздали!

ТИТОВ. Что поделаешь! Можно, конечно, подождать до следующего противостояния.

ФЕДЯ. Долго ждать придется. Следующее будет лет через пятнадцать — семнадцать.

НАТАША. Наш полет зависит сейчас от выбора траектории перелета вне сфер действия планет.

ТИТОВ. Вот именно. Этими расчетами мы как раз сейчас и занимаемся.

НАТАША. Сколько времени мы будем в пути? Приблизительно.

ТИТОВ. Весь путь туда и обратно, с тем чтобы некоторое время пробыть на Марсе, займет около двух лет. Вы со школой все уладили?

ВАДИМ. Мы досрочно сдали все выпускные экзамены и фактически окончили школу.

ТИТОВ. Прекрасно. Ну, а что вы знаете о самом Марсе?

Ребята недоуменно переглядываются.

НАТАША. Мы все о нем знаем. Пожалуйста! Марс старше Земли на несколько миллиардов лет. Климат там очень суровый. Атмосфера сильно разрежена и в большей своей части состоит из азота, углекислоты и небольших долей пара и озона. Днем на Марсе тепло...

ВАДИМ *(продолжает)* ...а ночью очень холодно. Поэтому условия для жизни людей с Земли тяжелые, но... все равно нам очень интересно там побывать и все увидеть своими глазами.

ТИТОВ. А что вы знаете о Марсианске?

ФЕДЯ *(вдохновенно)*. Марсианск — это поселок, построенный советскими строителями, инженерами и учеными... Он находится под гигантским сферическим куполом. Под этим самым куполом создана искусственная «земная атмосфера».

ВАДИМ *(продолжает)*. А в обшивку купола вмонтированы миллионы полупроводников. Днем они запасают энергию Солнца, а ночью отдают ее городу.

НАТАША. Дома там круглые, из прозрачного материала и весят всего несколько десятков килограммов: ведь сила тяжести на Марсе значительно меньше, чем на Земле.

ТИТОВ. Я вижу, друзья, вы хорошо подготовились. А теперь, позвольте, я вам расскажу, как вы полетите. Подойдите-ка сюда!

Титов выходит из-за стола, подходит к модели космоплана. Ребята становятся рядом.

ТИТОВ. Вот, посмотрите! Перед вами — космоплан. На таком же и вы полетите. При подлете к планете назначения космоплан при помощи тормозных двигателей замедлит движение и станет спутником планеты. Вы понимаете, почему корабль не опустится на поверхность Марса?

ФЕДЯ. Для этого понадобился бы слишком большой расход топлива.

ТИТОВ. Молодец! На Марс вас доставит специальная посадочная ракета, и она же доставит вас обратно на космический корабль.

НАТАША. Космоплан станет спутником Марса, а потом состыкуется с посадочной ракетой?

ТИТОВ. Правильно. Затем вы перелетите на околоземную космическую станцию, оттуда возьмете курс к Земле. Управлять космопланом будет служба Земли. Но вы, конечно, не пассивные пассажиры! Вы будете принимать команды с Земли и точно следовать всем указаниям. Соответствующие знания в этой области у вас есть. Важно, чтобы у вас на корабле была хорошая атмосфера моральной связи — дружеская солидарность и взаимопонимание. Лететь вам вместе не день и не два... Вы давно знаете друг друга?

ФЕДЯ. Порядочно. Уже два года.

ВАДИМ. Мы познакомились и подружились во время конкурса.

ТИТОВ *(серьезно)*. Характеры-то у вас, надеюсь, покладистые?

НАТАША. Как будто. Мы друг другу не завидовали.

ФЕДЯ. Помогали...

ТИТОВ. Здоровье у вас отличное. Знания совершенные. Все необходимые испытания вы прошли на «отлично». Что еще? Теперь ждите старта!

Титов провожает ребят. Вернувшись к столу, Титов включает аппарат связи.

ТИТОВ. Аркадий Сергеевич! Как там у нас обстоит дело с отправкой оборудования на Марс?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Вчера ушла третья ракета. Через неделю посылаем еще пяток.

ТИТОВ. У вас ко мне ничего нет?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Когда вы намечаете нулевой старт?

ТИТОВ. У вас там все в порядке?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Светотехнические неполадки устранены. Аппаратура действует нормально.

ТИТОВ. Ждите указаний.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Есть ждать.

Титов подходит к стене, на которой висит карта Марса. Задумывается.

Третья картина

Этой картине предшествует трехминутная музыкальная увертюра. Ее тревожное, бурное начало, характеризующее старт космоплана, переходит в плавное звучание космического полета.

По окончании увертюры перед зрителями возникает комфортабельная кабина космического корабля конструкции начала двадцать первого века. Из кабины есть выходы в несколько отсеков. Один из них ведет в космическую оранжерею. В момент поднятия занавеса в кабине находятся Вадим и Федя. Они одеты в легкие, удобные костюмы космонавтов. Сложная автоматическая аппаратура космоплана приведена в действие; мигают и зажигаются разноцветные лампочки, по шкалам бегут светящиеся строчки цифр и формул.

ВАДИМ *(продолжая беседу)*. Химия — это один из четырех «китов» современной науки. Она давно вышла из «младенческого возраста». Раньше она была экспериментальной, а сейчас химики проникают в «мир первовещества», раскрывают механизм химических реакций.

ФЕДЯ. Не удивительно! Они вооружены самым мощным оружием—математикой! Нельзя открывать новые вещества и материалы случайно, их свойства заранее рассчитываются.

ВАДИМ. Кто с этим спорит.

ФЕДЯ *(продолжая мысль)*. Прежде чем начать серию экспериментов, химики знают, какова цель исследований.

ВАДИМ. Мой отец — химик, и он всегда говорит, что в его работе главное — безукоризненно логичный математический расчет.

ФЕДЯ. Космические исследования немыслимы без механики.

ВАДИМ. Да. Небесная механика — это, так сказать, «космический отдел математики». Я думаю, что математика — это второй из четырех «китов», на которых держится вся современная наука.

ФЕДЯ. Это уж точно...

ВАДИМ. Какое сегодня число?
ФЕДЯ. Восьмое августа.
ВАДИМ. Вторую неделю летим.
ФЕДЯ *(вздохнув)*. Да-а... Летим...
ВАДИМ. Чего так тяжело вздыхаешь?
ФЕДЯ. Так просто. Вздохнулось...

Из «оранжерейного» отсека появляется Наташа. Она тоже в костюме космонавта. За ее спиной на какое-то время становится видна «зеленая кладовая» космоплана. В руках у Наташи несколько свежих помидоров.

НАТАША. Братцы! Помидоры начинают созревать! Первый урожай!
ВАДИМ. А как там огурчики?
НАТАША. Маленькие еще. Не все сразу. Сегодня попробуем космические помидоры. Ребята, вам не жарко?
ВАДИМ. Нет, а что?
НАТАША. Мне как-то не по себе...
ФЕДЯ. В оранжерее засиделась. Какая там температура?
НАТАША. Не посмотрела.
ВАДИМ. У нас в кабине плюс двадцать по Цельсию. Нормально. Может, ты простудилась? Смотри, Наташка, перезаразишь нас космическим гриппом.
НАТАША. Я вообще не простужаюсь. Наверное, просто так... немного понервничала.
ФЕДЯ. У тебя-то какая причина нервничать?
НАТАША. Так... кое-что вспомнила.
ВАДИМ. Что именно? Поделись!
НАТАША. Про своего Марсика. Как про него подумаю, так меня сразу в жар бросает. Просто не понимаю, как я забыла сказать маме, чтобы она отдала его дедушке на воспитание. Все-таки щенку всего три месяца. За ним нужен особый уход.
ФЕДЯ. А за твоим дедушкой не нужен уход?
НАТАША. Ничего. Он у меня старой закалки, как Герман Степанович! Как вы думаете, мы бы могли Марсика взять с собой? Жалко, мы не спросили! Вдруг нам разрешили бы? Ведь летали же когда-то в космос Лайка и другие.
ВАДИМ. Это было бы смешно: первый пес на Марсе! И к тому же Марсик! Там ведь наверняка нет ни собак, ни кошек!
ФЕДЯ *(мрачно)*. Откуда ты знаешь? Может, уже развелись!
ВАДИМ. А зачем они там? Мышей и крыс там нету, а марсиане — народ мирный и честный, что им друг от друга сторожить?
НАТАША. Совсем не обязательно держать собаку только как сторожа. Собака вообще друг человека. А кошек тоже многие держат в доме не из-за мышей и крыс, а как средство против одиночества.
ФЕДЯ *(неожиданно)* Какую вы ерунду мелете! Послушал бы сейчас Герман Степанович ваши разговорчики, он бы сделал выводы. Серьезные, образованные люди, а болтаете бог знает что! *(Наташе.)* Может, записать твои переживания в бортовой журнал? Сейчас как раз время записывать.
НАТАША *(обиженным тоном)*. Можешь записать.
ФЕДЯ. Записываю. *(Записывает.)* «8 августа 2001 года. 13.00 по московскому времени. Бортовая аппаратура работает нормально. Наташа Печатникова почувствовала легкое недомогание. Приведенные доводы: «Воспоминание о трехмесячном щенке системы...» *(Наташе.)* Какой системы?
НАТАША. Не системы, а породы эрдельтерьер!
ФЕДЯ *(записывает)* «...системы «эрдельтерьер» по кличке Марсик, оставленном ею на произвол судьбы». Записал.
НАТАША. Прочитал бы эту запись Герман Степанович, он бы сделал вывод, что космотурист Федор Дружинин тоже почувствовал легкое недомогание в области умственных способностей. Здесь! *(Стучит себе пальцем по лбу.)* Ну, ладно, кормить мне все равно вас придется, небось, проголодались? Уже время обедать!
ВАДИМ. Да, товарищ стюардесса-космодресса! Кормите!

Наташа достает продукты. Подает каждому специальный подносик с отделениями, в которых размещены тюбики с концентратами пищевых продуктов. Все садятся на свои места, располагаются в удобных креслах и едят. По радио звучит известная песня шестидесятых годов: «На пыльных дорогах далеких планет останутся наши следы».

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Четвертая картина

Кабина космоплана. Наташа, Вадим и Федя на своих местах. Вадим раздвигает шторки иллюминатора, и нежно-розовый свет озаряет внутренность кабины.

НАТАША. Как красиво! Просто потрясающе! А вчера в это время все было бледно-зеленым, а потом фиолетовым. Помните выставку космических пейзажей космонавта Алексея Леонова? Точно, как у него...
ВАДИМ. Послушаем «Последние известия». *(Включает телерадио.)*

На экране возникает лицо женщины-диктора.

ДИКТОР. Париж. Конгресс наций. Сегодня, на утреннем заседании, большинством голосов было принято предложение, внесенное от имени правительства Советского Союза советским представителем товарищем Столбовым, об открытии государственных границ во всех странах мира для беспрепятственного передвижения граждан Земли.
ВАДИМ. Теперь покупай билет на космолет и лети в любую часть света! Здорово!
ДИКТОР. Нью-Йорк. На днях сюда после трехмесячного пребывания на Луне возвратилась группа американских ученых во главе с профессором Генри Батлером.
Марсианск. Советскими учеными, работающими по плану внеземных изысканий на планете Марс, обнаружены запасы ценных металлов в чистом виде. Ведутся дальнейшие изыскания.
ВАДИМ. Интересно, что за металлы?
ФЕДЯ. Прилетите, узнаете.
ДИКТОР. Продолжаем сообщения по нашей планете. Иран. Сегодня в древнем Персеполисе состоялась торжественная церемония подписания представителями правительств всех стран мира международного соглашения о восстановлении памятников мировой культуры в связи со всеобщим разоружением.
Передаем сводку погоды...
ВАДИМ *(помолчав)*. Странно, почему это о нашем полете ничего не передают. Ни слова.
НАТАША. Может быть, ограничились только сообщением о нашем старте, а мы его пропустили? Федя, как ты думаешь?
ФЕДЯ *(равнодушно)*. Земле лучше знать, что сообщать, а что замалчивать. По распорядку дня у нас, кажется, сейчас должен быть отдых?

Ребята устраиваются в своих креслах.

НАТАША *(нарушая молчание)*. Какое сегодня число? Пятнадцатое?
ВАДИМ *(не сразу)*. Пятнадцатое.
НАТАША *(тихо)*. Ровно две недели летим.
ФЕДЯ *(бормочет)*. Летите, голуби, летите...

И вдруг раздается сигнал тревоги. Вспыхивает и гаснет красная лампочка. Вадим включает связь с Землей.

НАТАША. Что там, Вадим?
ВАДИМ *(отвечает Земле).* Я «Пионер-1»! Слышу вас хорошо. Я вас понял.
НАТАША. Что случилось?
ВАДИМ *(стараясь оставаться спокойным).* Обнаружен отказ автоматической части системы навигации. Это может привести к отклонению от заданной траектории полета. Наташа! Уточни, пожалуйста, на вычислительной машине наши координаты.

Наташа подходит к секстанту, установленному у иллюминатора, и замеряет координаты звезд.

НАТАША. Федя! Записывай: Созвездие Большого Пса: Альфа Пса — Лимб 230°, Сектор 30°, Бета Пса — Лимб 220°, Сектор 51°, Эпсилон Пса — Лимб 180°, Сектор 27°...
ФЕДЯ. За последние трое суток пятая тревога.

Наташа забирает у Феди бортжурнал и начинает оперировать клавишами бортовой вычислительной машины.

ВАДИМ. Странно. Я вообще ничего что-то не понимаю. То одно, то другое...
ФЕДЯ *(напевая себе под нос).* Летите, голуби, летите...
НАТАША *(взволнованно).* Ребята! Наши координаты не сходятся с расчетами!

Земля вызывает «Пионер-1».

ВАДИМ. Я «Пионер-1». Слышу вас хорошо. *(Пауза.)* Настроение экипажа?
НАТАША *(подсказывает).* Бодрое! Бодрое!
ВАДИМ (Земле). Настроение экипажа бодрое. Я вас понял: действовать согласно аварийной инструкции. Я вас понял... *(Выключает связь.)*
ФЕДЯ *(спокойно).* Мы попадаем в аварийную обстановку. Отклонение больше, чем на несколько метров в секунду.
НАТАША. Вадим, ты слышишь?
ФЕДЯ. Где-нибудь да сядем!
НАТАША. Что ты говоришь? «Где-нибудь да сядем». Мы вообще можем оказаться неизвестно где. Вы, пожалуйста, не подумайте, что я паникую. Я просто мыслю логически. Федя!
ФЕДЯ. Ну, что тебе? *(Что-то записывает.)*
НАТАША. Я всегда была уверена в том, что системы управления наших космических кораблей работают весьма надежно.
ВАДИМ *(принимает команду Земли).* Я «Пионер-I»! Слышу вас хорошо. Принимаю команду Центра. *(Слушает.)* Я вас понял. Я вас понял. *(Выключает связь.)*
НАТАША. Ну, что? Какая команда?
ВАДИМ *(спокойно и решительно).* Нас возвращают на Землю.
НАТАША *(с удивлением).* Нас возвращают на Землю?
ВАДИМ. Да. Наш полет прерывается по техническим причинам. Команда дана от имени Титова.
НАТАША *(разочарованно).* Вот это да-а... Летели, летели и прилетели...
ФЕДЯ. Еще не прилетели. Надо еще благополучно приземлиться. Ну, ничего... Приземлимся...
НАТАША. Федя! Я на тебя смотрю и удивляюсь!

Пятая картина

Зоопарк. Солнечный день. Тенистые деревья. За ограждением видна часть острова, где живут львы. Время от времени из разных углов зоопарка доносятся голоса птиц и животных. Появляются две девочки.

ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА. Честное слово, это они, «Первая тройка». Я их сразу узнала.
ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Давай пройдем еще раз мимо бегемотов. Они там стояли.
ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА. И попросим дать нам автографы.
ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Но они же еще не слетали на Марс!
ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА. Но они уже знаменитые! Это же «Первая тройка»! *(Проходят.)*

Сцена некоторое время пуста. Затем появляются Вадим, Наташа и Федя. Ребята садятся на скамью. Наташа подходит к ограждению.

НАТАША *(после паузы).* Лев спит...
ВАДИМ. Нарочно закрыл глаза, чтобы не видеть любопытных посетителей.
НАТАША *(присматривается).* Храпит.
ВАДИМ. Притворяется.
НАТАША. Спит. *(Садится рядом с мальчиками.)*
ВАДИМ *(помолчав).* Называется запустили! Вместо Марса в зоопарк! Спасибо, что не в клетку!
НАТАША. А мы фактически были в клетке. Только мы были не львами, а подопытными кроликами. Выращивали космические помидорчики, ждали космических огурчиков, смотрели в иллюминатор, а нас, дурачков, просто-напросто разыгрывали. И не час, не два, а целых две недели. За окошечком то голубое, то розовое... Вспоминать противно!
ВАДИМ. Но надо им отдать должное. Все было хорошо продумано: и работа приборов, и ощущение невесомости, и световые эффекты, приближенные к реальной космической обстановке. Здорово! Ничего не скажешь!
НАТАША. И все равно обидно. Неужели нельзя было обойтись без этого цирка? Непонятно, чего они только добивались?
ФЕДЯ. Они проверяли нас на дружбу и товарищество в условиях космического общежития.
ВАДИМ. Жестокая проверочка. Мы же не отрывались от Земли.
НАТАША. Имитация. Да еще какая! Бессовестная! Я думаю, что они напрасно тратили на это время и силы. Нас можно было запустить на Марс и не прибегая к таким обманам. И вообще... выходит, что нам не доверяли.
ФЕДЯ. Говорят ведь: «Доверяй, да проверяй!» Вот они и проверяли.
НАТАША. Так проверять нечестно.
ФЕДЯ. Почему? Они хотели понаблюдать, как мы будем себя вести при аварийной обстановке.
НАТАША. И все?
ФЕДЯ *(продолжает).* Как мы общаемся друг с другом. Представим себе, что мы начали бы вдруг ссориться из-за пустяков. Не говоря уже о серьезных вещах.
ВАДИМ. Ну, и что было бы? Нас бы отстранили от полета?
ФЕДЯ. Не исключаю.

Появляются две девочки. Они, как бы никого не замечая, подходят к ограждению.

ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА *(читает вслух надпись на табличке).* Лев. Кличка Лунатик (редкий экземпляр). Подарок московскому зоопарку Всеафриканского союза охотников в 1987 году.
ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Он что, спит или умер?
ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА. По-видимому, послеобеденный сон. Он же дышит.
ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Интересно, чем его кормят?
ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА. Кроликами. *(«Первой тройке».)* Ребята! Вы не знаете, он скоро проснется?
ВАДИМ. Мы сами ждем.
ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. А разбудить его нельзя?
ВАДИМ. Там же написано: «Просьба животных во время сна не тревожить!»
ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА *(второй).* Тогда пойдем к обезьянам! Может быть, они не спят. Ты слышала, на Венере обнаружены колоссального размера животные, похожие на наших крокодилов!
ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Что ты говоришь? *(Уходят.)*
НАТАША. Вы думаете, их этот дремучий лев за-

интересовал? Просто они нас узнали. Сейчас вернутся и попросят автографы. Вот увидите!

ВАДИМ. Я очень красиво расписываться научился.

НАТАША. Не дури! Нет, правда, когда же мы полетим по-настоящему?

ВАДИМ. Сегодня, наверное, узнаем. Ребятишки, а мы не опаздываем? Который час?

ФЕДЯ. Без десяти три.

ВАДИМ. Титов назначил нам прийти в 15.30. Время еще есть.

НАТАША *(кивает в сторону спящего льва)*. Может, он все-таки проснется?

ФЕДЯ. А почему тебе так хочется, чтобы он обязательно проснулся? Пусть себе спит на здоровье и смотрит свои африканские сны. *(Неожиданно.)* Ребята! Я должен вам сказать что-то.

ВАДИМ. А что именно?

ФЕДЯ. Очень важное. *(Серьезно.)* Вы должны сначала дать клятву, что на меня не обидитесь!

ВАДИМ. Клятву? Какую еще клятву?

ФЕДЯ. Поклянитесь самым дорогим!

ВАДИМ. Что это еще за глупости! Ну, говори скорей.

ФЕДЯ. Сначала поклянитесь, что не обидитесь на меня.

НАТАША. Пожалуйста! Давай, Вадик, поклянемся! Клянусь здоровьем дедушки. Учтите, что ему 90 лет и он был участником Великой Отечественной войны! Клянусь! Не обижусь!

ВАДИМ. Клянусь своим местом победителя. Пусть вместо меня летит кто угодно! Клянусь! Не обижусь!

ФЕДЯ *(не сразу, очень медленно)*. Ребята! Если старт состоится, то без меня.

Большая пауза.

НАТАША. Что ты сказал? Повтори!

ФЕДЯ. Я не полечу на Марс. Понятно?

НАТАША. Мама?

ФЕДЯ. Нет.

ВАДИМ. Струсил?

ФЕДЯ. Ну, вот еще! С чего бы это? Ничего я не струсил.

НАТАША. Ну, тогда почему же вдруг... отказываешься?

ФЕДЯ. Не скажу.

Появляются две девочки.

ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА. Ребята! Он еще не проснулся?

Ребята не отвечают.

ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Тогда пойдем к попугаям. Там есть один очень образованный. Разговаривает на трех языках.

ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА *(неожиданно, Наташе)*. Девочка! Вы Наташа Печатникова?

НАТАША. Да. А что?

ВТОРАЯ ДЕВОЧКА *(смущаясь)*. Вы бы не могли дать нам свой автограф? *(Ребятам.)* И вы тоже. Мы вас сразу узнали. Вы «Первая тройка»!

ВАДИМ. А на чем вам расписаться?

ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА. На чем-нибудь.

ВАДИМ. На чем-нибудь мы не расписываемся.

ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Ой! А вы еще тут посидите? Мы сейчас в киоске купим открытки, и вы на них распишетесь.

Девочки убегают.

НАТАША *(поднимаясь)*. Что я говорила? Пошли! Глупо в нашем положении давать еще какие-то автографы...

Все поднимаются.

ФЕДЯ. Вы поняли, что я сказал? Я не могу лететь. И не могу сказать, почему. Не имею права...

Все уходят. Проснувшийся лев громко рычит.

Шестая картина

Обстановка второй картины. Титов и Павловский ведут беседу.

ПАВЛОВСКИЙ. Стало быть, Герман Степанович, ребята и это испытание выдержали?

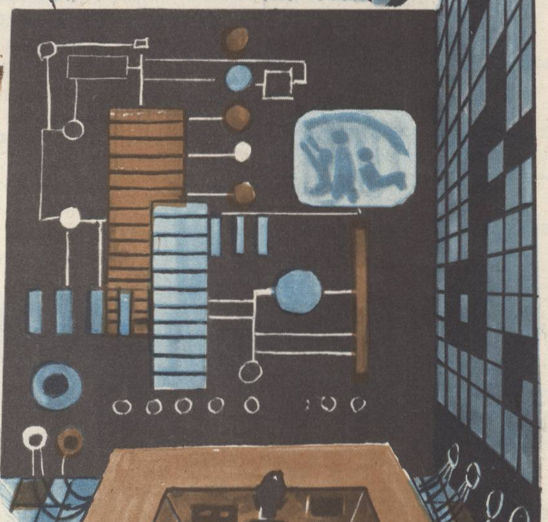
ТИТОВ. И причем с отличными показателями. Вот, взгляните на их электроэнцефалограммы. *(Показывает, поясняет.)* Вспыхнул сигнал тревоги, ребята реагируют на сигнал опасности — кривая взметнулась. Опасность ликвидирована — альфа-ритм успокаивается. Понятно?

ПАВЛОВСКИЙ. Да, да понятно.

ТИТОВ. А теперь посмотрите на эти записи. Что вы видите? В них отражены эмоции наших ребят. Наташа реагировала на сигналы тревоги более активно, чем ее товарищи. Однако самообладания не теряла. Вадим сдержан, решителен. Федор Дружинин, я бы сказал, более чем спокоен. Его нервное и психическое состояние в критический момент не соответствует раздражителю. Сердечный ритм ни

разу не нарушался... Какой-то феномен! Итак, последний, наиболее щепетильный эксперимент завершен. Пионерский экипаж готов к длительному полету в космос.

ПАВЛОВСКИЙ. Мы очень рады. Кстати, ребята должны доставить на Марс почетные грамоты ЦК ВЛКСМ строителям Марсианска.

ТИТОВ *(шутит)*. И красные галстуки юным марсианам?

ПАВЛОВСКИЙ *(серьезно)*. Кто знает, может быть, когда-нибудь придется посылать и галстуки. В наше время ни за что нельзя ручаться.

ТИТОВ *(улыбается)*. Сами-то, небось, хотели бы совершить подобное путешествие?

ПАВЛОВСКИЙ. Еще бы! Мечта! Но, к сожалению, вряд ли осуществима. Я лично такого конкурса бы не выдержал, а специальность у меня самая не марсианская, я по образованию лесовод.

ТИТОВ. Простите, вы какого года рождения?

ПАВЛОВСКИЙ. 1970-го, 22 апреля. Родился в день столетия великого Ленина.

ТИТОВ. В хороший день вы родились!

ПАВЛОВСКИЙ. Вы, конечно, помните тот день?

ТИТОВ. Еще бы! Как мы готовились к нему!.. Какой это был подъем духа, мысли и труда!.. Всенародное торжество, охватившее всю страну, всех от мала до велика. Хотя международная обстановка была тогда тревожной... Вьетнам... Израиль... Насилие, убийства, террор... В Греции — фашизм... Время военных авантюр и политических заговоров, роковых покушений на жизнь прогрессивных деятелей и время величайших научных открытий, время неустанной, героической борьбы всех честных людей за единство и за мир на Земле... Время реакции и прогресса. И вот мы с вами сегодня, в двадцать первом веке, живые свидетели всепобеждающих ленинских идей! Какое это счастье — отправлять наших юных питомцев на далекую планету. Здорово!

ПАВЛОВСКИЙ. Согласен, Герман Степанович!

ТИТОВ. Кстати, пора бы уже и явиться нашим питомцам. *(Вызывает звонком секретаря.)*

ЛЕНОЧКА *(в дверях)*. Я вас слушаю, Герман Степанович!

ТИТОВ. Леночка! Там кто-нибудь ждет?

ЛЕНОЧКА. Представитель Географического общества товарищ Воробейчик и «Первая тройка». Я полагала, вы заняты...

ТИТОВ. Птичка обождет, а «Тройка» пусть въезжает!

Леночка выходит.

ТИТОВ *(искренне)*. Испытываю некоторую неловкость. Как-никак ребятам нанесена психологическая травма. У нас была запланирована хорошо продуманная научная игра. Но тут уж ничего не поделаешь, надо было им пройти и через это...

Входят ребята. Вид у них потерянный.

ПАВЛОВСКИЙ. Здравствуйте, ребята! Будем знакомы! Павловский Николай из горкома комсомола. Поздравляю вас от всей души от имени комсомола столицы и от себя лично!

ВАДИМ *(мрачно)*. С чем?

ПАВЛОВСКИЙ. Не скромничайте, не скромничайте! Разве так уж и не с чем поздравить? С удачным завершением последних испытаний и с предстоящим полетом на Марс!

Ребята молчат. Мнутся на месте.

ТИТОВ. Садитесь, друзья! Поговорим по душам.

Все садятся. Большая пауза. Титов включает экран «Секретаря». На экране лицо Леночки.

ТИТОВ. Леночка! Организуйте нам, пожалуйста, чаю, что ли, или кофе... фруктов там каких-нибудь, конфет...

ЛЕНОЧКА. Сейчас, Герман Степанович!

ТИТОВ *(не сразу)*. Ну? Как настроение?

НАТАША *(вяло)*. Ничего. Хорошее.

ТИТОВ *(лукаво)*. Хорошее или удовлетворительное? Если честно?

НАТАША. Удовлетворительное.

ТИТОВ. Удовлетворительное или плохое? Если честно!

НАТАША *(выдавив из себя улыбку)*. Плохое.

ТИТОВ. Я так и думал, ребята, что вам будет тяжело.

ВАДИМ. Ну, раз надо было...

ТИТОВ *(серьезно)*. А вели вы себя превосходно. Одним словом, замечаний нет.

Леночка вносит поднос с угощением. Ставит все на стол и, улыбнувшись детям, выходит...

ТИТОВ. Налегайте, ребята! Не стесняйтесь! *(Берет себе яблоко.)* Теперь могу сообщить вам точную дату уже настоящего старта: 1 сентября 2001 года. Через две недели. И уж тут без подвоха, честное стариковское!

ПАВЛОВСКИЙ. Подтверждаю! Честное комсомольское!

ТИТОВ *(показывая на фрукты)*. Давайте, давайте ребята!

Наташа сосредоточенно чистит апельсин. Вадим грызет бублик. Павловский помешивает ложечкой в стакане чай. Федя мрачно играет с бумажной салфеточкой.

ПАВЛОВСКИЙ *(нарушая молчание)*. У нас на днях состоится встреча в горкоме. Хотим вам дать ответственное поручение: вручить почетные грамоты ЦК комсомола первым строителям Марсианска. Кстати, вы тоже награждены такими грамотами и значками.

ВАДИМ. Какими значками?

ПАВЛОВСКИЙ. Победителей конкурса.

ВАДИМ. Спасибо.

ТИТОВ. Нет, я вижу, что у вас еще не отлегло от сердца. Вот ты, Федя, чего нос повесил?

НАТАША *(собравшись с духом)*. Герман Степанович! А ведь у нас ЧП.

ТИТОВ. Какое ЧП?

НАТАША. Дружинин отказывается от полета.

ПАВЛОВСКИЙ *(поперхнувшись чаем)*. Э... э...

ТИТОВ *(с удивлением)*. Отказывается? Неужели?

ФЕДЯ *(глухо)*. Нет, верно, я не могу лететь.

ТИТОВ. То есть как это?

ФЕДЯ. Не могу, и все...

ТИТОВ. Это, брат, не ответ. Как это так «не могу»! Что случилось?

Федя молчит.

ПАВЛОВСКИЙ. Герман Степанович! Кто же тогда полетит вместо него?

ТИТОВ. Есть кому лететь-то. «Вторая тройка» наготове. Но не это главное! Почему же все-таки Федор Дружинин считает возможным так подвести своих товарищей?

ФЕДЯ *(горячо)*. Я никого не хочу подводить и не подвожу. Если бы я хотел... *(Замолкает.)*

ТИТОВ. Договаривай, договаривай! Если бы хотел, то что?

ФЕДЯ *(помолчав)*. Ничего.

ТИТОВ *(ходит по комнате)*. Ну и загадки ты нам тут задаешь, молодой человек! Выходит, нет у тебя чувства товарищества! Вот чего стоят все наши испытания и проверки. Ты своим отказом разрушаешь всю тройку!

ФЕДЯ *(глядя в пол)*. Почему разрушаю? Вместо меня может полететь Асен Босев из Болгарии... или просто они вдвоем...

ТИТОВ *(решительно)*. Ну, вот что, товарищи! Мы, я вижу, так ни до чего не договоримся. На сегодня считаю разговор исчерпанным!

Все поднимаются.

ПАВЛОВСКИЙ. А как же, встречу в горкоме отложить придется?.. Странно все это и непонятно. *(Пожимает плечами.)*

ТИТОВ *(ребятам)*. Вы, ребята, идите! *(Феде.)* А ты задержись!

Федя остается, остальные уходят.

ТИТОВ *(Феде)*. Ну! Давай, как говорится, поговорим без свидетелей. С глазу на глаз. Согласен? *(Федя молчит.)* Так что же все-таки у тебя стряслось? Ведь не струсил же ты? Уверен, что нет. Ты не трусливого десятка. Я должен знать причину. Я отвечаю за этот рейс перед правительством. Перед всеми ребятами на свете... Тебе не стыдно молчать?

ФЕДЯ *(выдавливает из себя)*. Стыдно, но сказать еще стыднее.

ТИТОВ. А ты не стыдись, я пойму тебя, как отец.

ФЕДЯ. Я не имею права лететь.

ТИТОВ *(подумав)*. Не имеешь права? Что же ты натворил?

ФЕДЯ. Ничего я не натворил. Просто... *(Замолкает.)*

ТИТОВ. Ну, говори, говори!

ФЕДЯ *(решившись)*. Хорошо. Я скажу. *(Не глядя на Титова.)* Я знал перед испытанием, что это не настоящий полет...

ТИТОВ *(помолчав)*. Кто же и когда раскрыл тебе нашу тайну?

ФЕДЯ. Не знаю... Перед самым «стартом». За несколько минут. Я случайно услыхал, как кто-то сказал за спиной: «Две недели полное ощущение полета в этой бандуре, а потом полное разочарование...»

ТИТОВ. В бандуре, значит? Так и сказал?

ФЕДЯ *(кивает головой)*. В бандуре!

ТИТОВ. И ты не сказал ребятам?

ФЕДЯ. Конечно. Какое же это было бы товарищество? Ведь скажи я им, что все это «липа», испытание сорвалось бы. Пусть уж лучше я один. *(Вспоминает.)* Слышу сигнал тревоги, думаю про себя: «липа»! За окошком серо-буро-малиновое — тоже «липа»! Наташа беспокоится за своего Марсика, а я-то все знаю и только злюсь. «Через две недели,— думаю,— расцелуешь свое сокровище!» Теперь понимаете, почему я не имею права лететь? Для меня ведь испытанием было только молчать в тряпочку и терпеть, а для них это было испытание настоящее.

ТИТОВ *(сочувственно)*. Да-а-а. Не ожидал... Не легко тебе было эти две недели.

ФЕДЯ *(неожиданно оживляясь)*. А вообще-то здорово, ловко придумано. Если не знать секрета, то ни в жизни не догадаешься! *(Лукаво.)* Хотя одна накладочка у вас все-таки была!

ТИТОВ. Какая же?

ФЕДЯ. Ребята ждали, когда по радио о полете объявят, а сообщения-то не было. Можно ведь было бы на пленочку записать и прокрутить, для полной убедительности.

ТИТОВ. Молодец! Верно подметил. Учтем на будущее. Ну вот что, сынок. Разговор у нас с тобой был доверительный, но все же мне придется объяснить комиссии, почему ты не можешь лететь... Не имеешь права... как ты говоришь...

Седьмая картина

Вадим и Наташа в кабине космоплана «Пионер-1» на пути к Марсу. Цифры и формулы сменяют друг друга на светящихся шкалах аппаратуры. Мигают разноцветные лампочки. Вадим что-то записывает. В кабине на видном месте висит фотография Марсика.

ВАДИМ *(рассуждает вслух)*. Если скорость нашего корабля относительно Земли при выходе из сферы земного притяжения была равна двум и тридцати восьми сотым километра в секунду и направления скоростей t и d совпали друг с другом, то через двести тридцать семь суток после старта мы должны достигнуть орбиты Марса... Сегодня 31-е число... Выходит, что летим мы уже сто двадцать вторые сутки.

НАТАША *(прислушиваясь)*. Если мы только летим!

ВАДИМ *(смеется)*. Летим! Летим! Теперь уже и по радио передавали.

НАТАША. Могли и передавать. Федя же у нас чересчур умный, посоветовал им в следующий раз записать на пленочку.

ВАДИМ *(вздыхает)*. Нет уж! На этот раз летим понастоящему! Между прочим, ты заметила, совсем другое ощущение?

НАТАША *(серьезно)*. Знаешь, я часто мысленно возвращаюсь к тем двум неделям, которые для нас были испытанием, а для него пыткой. Каким же надо обладать характером, чтобы все знать, а нам даже не намекнуть!

ВАДИМ. Представляешь, если б мы все трое знали? Ой! У нас бы все валилось из рук. Мы бы просто оскандалились.

НАТАША. Нет, что ни говори, а он показал себя настоящим другом. Жаль, конечно, что ему пришлось все это пережить. Одному.

Из «оранжерейного» отсека появляется Федя. В руках у него поднос с только что собранным урожаем.

ФЕДЯ *(возбужденно)*. Ребята! Лимоны созрели! Радио скорее включайте! И так уж, наверное, все пропустили!

НАТАША. Ой! Как это мы заболтались! Вадим, что ж ты на самом деле?! Скорей включай! Неужели пропустили?

Вадим торопливо включает радио. Из Москвы передают новогоднее послание советскому народу. Звучат заключительные слова послания.

ДИКТОР *(мужской голос.)* ...Социалистических Республик, шлют свои сердечные поздравления советским людям, находящимся при исполнении служебного долга на других планетах. Советский народ желает счастливого полета школьникам Советского Союза: Наташе Печатниковой, Вадиму Гонтареву и Федору Дружинину — экипажу космоплана «Пионер-1», совершающему рейс Земля — Марс. С Новым годом, дорогие ребята! С Новым годом, товарищи! С Новым годом, Вселенная!»

Начинают бить кремлевские куранты. Наташа, Вадим и Федя заключают друг друга в объятия.

Бертольд БРЕХТ

Непобедимая надпись

Во время мировой войны
В камере итальянской тюрьмы Сан-Карло,
Битком набитой дезертирами, бродягами и ворами,
Солдат-социалист нацарапал карандашом на стене:
«Да здравствует Ленин!»

Написанные высоко, под самым потолком в полутемной камере,
Эти слова были едва различимы.
Но сторожа заметили их и послали в камеру маляра,
Который, вооружившись кистью, мелом, закрасил опасную надпись.
Но он закрасил ее, водя своей кистью по написанному,
И на стене вновь возникла надпись — уже не карандашом, а мелом:
«Да здравствует Ленин!»

Пришел другой маляр и замазал всю стену.
И надпись уже было исчезла, но утром,
Когда высохла влага, сквозь мел проступило опять:
«Да здравствует Ленин!»

Тогда сторожа ввели в дело каменщика со скребком.
Целый час он выскабливал букву за буквой,
Но когда он закончил, то в камере снова сияла
Врезанная в камень непобедимая надпись:
«Да здравствует Ленин!»

Перевел с немецкого
И. МОИСЕЕВ.

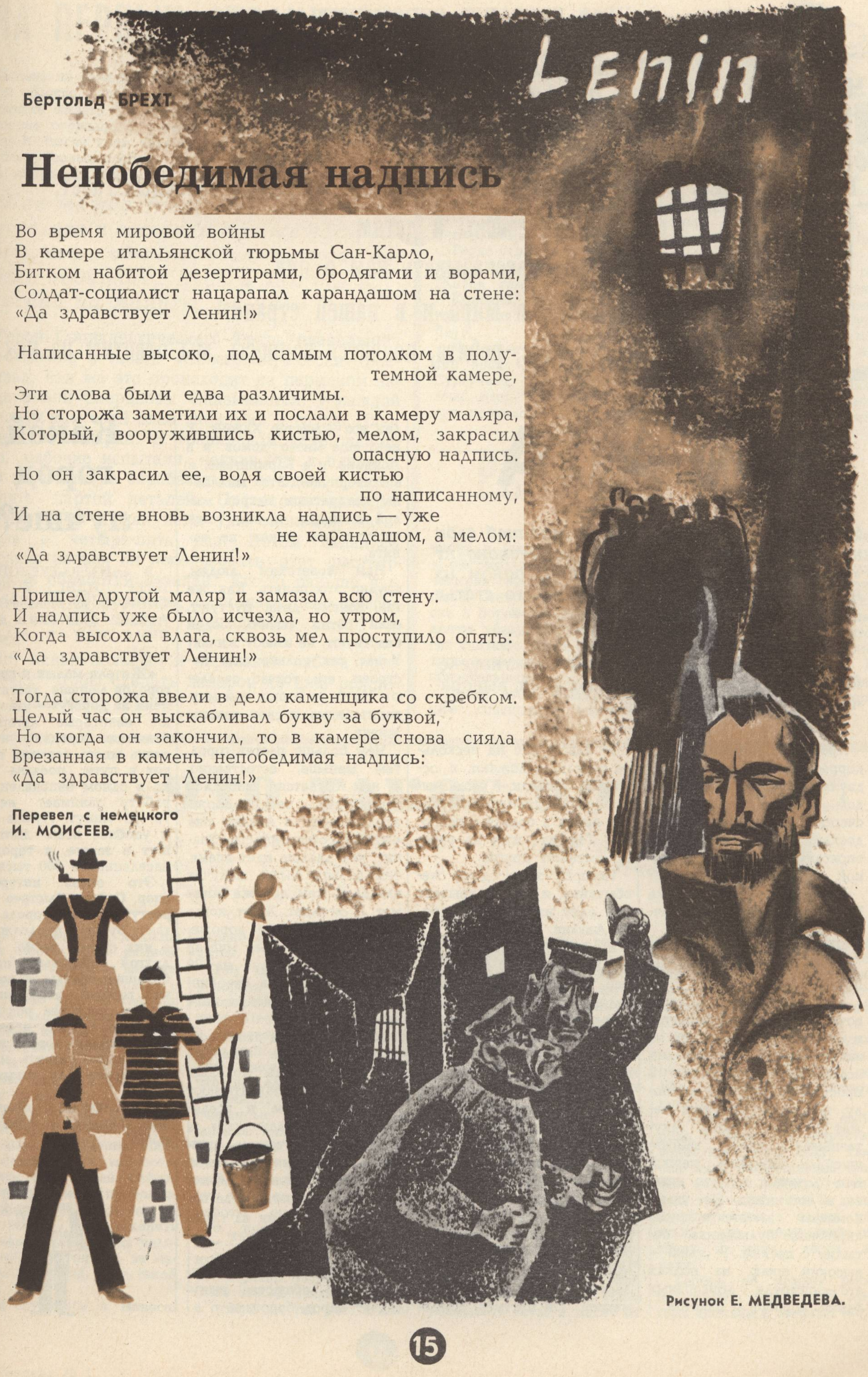

Рисунок Е. МЕДВЕДЕВА.

О ЧЕМ ДУМАЮТ ВЗРОСЛЫЕ?
О ЧЕМ ГОВОРЯТ И СПОРЯТ?
ЧТО ИХ РАДУЕТ ИЛИ ВОЛНУЕТ?
Обо всем этом пишется в газетах.
Некоторые статьи и корреспонденции из взрослых газет, конечно, интересны и детям.
Мы будем рассказывать вам о них, о событиях в мире и в нашей стране.
А если у вас, ребята, появятся вопросы, мы ответим на них.

ОСАДА

У каждой большой газеты за границей свои корреспонденты. В Англии корреспондент «Известий» — Виталий Кобыш. В одном из номеров газеты была напечатана его статья «Осада». Она начиналась так:

— Документы!

Несколько пар настороженных глаз нацелены нам в лица, они ощупывают руки, выворачивают карманы...

Проверив, жильцы зовут корреспондента в дом. Это двухэтажный кирпичный дом, каких в Лондоне не счесть. Но дверь его забита досками. Окна закрыты и опоясаны колючей проволокой. Как же войти?

Из окна на втором этаже Кобышу бросают веревочную лестницу:

— Ловите!..

Какой странный дом, не правда ли?

Корреспондент по веревочной лестнице взбирается и влезает в окно. То, что он видит внутри, похоже на осажденную крепость. В просторной комнате на полу, покрытом газетами, лежат вповалку люди, закутавшись в пледы, забравшись в спальные мешки. Кто-то читает, кто-то играет в шахматы... По углам комнаты высятся груды кирпичей, булыжника, бутылки с песком. У стены — высокий шкаф, на полках его — штабеля консервных банок, коробок и пакетов.

— Еды у нас на несколько недель, снабжают в основном соседи,— рассказывают корреспонденту.— Мы все время в боевой готовности. Тех, кто идет на работу, сменяют другие.

История этого дома необычайна, и она раскрывает нам одну из трагедий народа Англии.

В Лондоне не хватает жилья. Более 170 тысяч семей, то есть около миллиона человек, занесены в списки нуждающихся. Они ютятся в сырых, ветхих, неотапливаемых помещениях, прозябают в приютах для бездомных. Квартирная плата высока: она съедает четвертую, а то и третью часть заработка рабочего.

В это же время в том же Лондоне стоит 500 тысяч пустых, незанятых домов. Два года назад в центре города, на Тотенхам-Коурт-роуд, был построен 33-этажный небоскреб. В этом доме десятки тысяч квадратных метров. Он пустует. Владелец его — мистер Хайэмс. У него еще много домов и в Лондоне, и в Бирмингеме, и в Ливерпуле. Это миллионы квадратных метров жилой площади, и она тоже пустует, она никем не занята.

Нам, советским людям, трудно это понять. Как же так, почему дома пустуют, если сотни тысяч людей бедствуют, не имеют жилья? У нас, как только дом построен, его тотчас заселяют. Но то-то и оно: там мир капитализма и свои законы жизни...

Чем больше растет город, тем меньше, естественно, в нем остается свободной территории, тем дороже земля — ведь в Англии она частная собственность. Значит, чем дальше идет время, тем больше выгод получит владелец, тем дороже возьмет. И он ждет. Ждет, когда будет еще и еще дороже. За последние 12 лет мистер Хайэмс стал богаче на 30 миллионов фунтов стерлингов,— так поднялись в цене его дома.

В Англии из-за этого возникло движение «сквоттеров». Это отряды молодых людей. Они захватывают пустующие дома и вселяют в них нуждающихся в жилье. «Сквоттерам» приходится обороняться. Полиция преследует их. Дом, похожий на крепость, куда попал Кобыш,— один из таких захваченных «пустых домов».

Сама жизнь в капиталистическом обществе вынуждает народ бороться.

Какой город лучше?

В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» ИДЕТ ГОРЯЧИЙ СПОР: В КАКОМ ГОРОДЕ ЛУЧШЕ ЖИТЬ — В БОЛЬШОМ ИЛИ В МАЛЕНЬКОМ?

«Жители малых и средних городов меньше тратят времени на дорогу»,—утверждают некоторые авторы. В больших городах человек очень много времени проводит в пути: поездка только в одном направлении на работу занимает нередко 75—85 минут. Лучше всего и удобнее всего жить, пишут в газете, в городах с населением в 500 тысяч.

Это очень интересный спор. Сейчас быстрее всего растут большие города. Если так будет продолжаться, в них станет тесно. Но, с другой стороны, строить большие заводы в маленьких городах, чтоб они, эти города, поскорее росли, тоже трудно. Надо прокладывать и новые дороги и коммуникации, строить множество домов для новых жителей.

Спор еще не окончен. Мы еще вернемся к этому вопросу.

НА ПЕРВЫХ СТРАНИЦАХ

Маленькие заметки. Сообщения. *Колхозники Орловской области перевыполнили план заготовки хлеба. В Саранске вместо шести дизелей в месяц бригада Галушкина собрала 15 дизелей. Доменщики Челябинска дали 80 тысяч тонн чугуна сверх плана...*

Это трудовые подарки нашего народа к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Как же удается на том же рабочем месте, что и всегда, и в те же часы работы, что и обычно, сделать такие дорогие подарки?.. Ведь и так все рассчитано на минуты, на часы...

Герой Социалистического Труда плавильщик А. Семенов в газете «Советская Россия» рассказал, как же это происходит на пермском заводе имени Свердлова. Оказывается, у каждой бригады там свой план экономии и труда. План будущего подарка. В травильном цехе, например, рабочие испытали, нельзя ли в одном и том же растворе обрабатывать не одну, а четыре-пять партий деталей. Оказалось, выходит хорошо. Вот, пожалуйста, уже экономия материала в четыре-пять раз. Потом задались мыслью: нельзя ли использовать этот раствор и после обработки деталей? Его-то раньше выливали. И обнаружили, если несколько разбавить, он еще может пригодиться в других цехах.

Вот какая большая и серьезная работа идет в цехах, чтобы сделать подарок ко дню рождения Владимира Ильича.

СВОЙ ДОКТОР

В поселок Кышик охотники приезжают сдать пушнину, а рыбаки — рыбу. Сдадут, пополнят запасы провианта, возьмут новые орудия лова или охоты и опять уезжают. Здесь, в Кышике, у них база, а почти весь год они проводят в тайге.

Редко-редко кто заглядывает к ним в такую даль. Жизнь там трудная.

Конечно, может человек там и заболеть, попасть в беду.

Приехала в Кышик молодой врач Зоя Софроновна Сургучева. Она сама из этих мест. Окончив институт, поехала сюда к своему народу — манси. Ее очень беспокоила судьба таежных охотников.

Она нередко ездила проведать их—то на моторной лодке, то на оленьей упряжке. С ее приездом меньше стало несчастий, болезней. Зоя стала добиваться, чтобы у промысловиков в тайге были аптечки и рации.

Недавно кышикская радиостанция приняла сигнал бедствия — с одним охотником случилась беда. Не будь с ним рации, он бы не мог подать весть о себе. Кто бы и узнал, что с ним?.. А тут к нему тотчас поспешила Зоя Софроновна. Прибыла вовремя, и человек спасен.

РЕЙД НА УРОКЕ

Как идет урок физкультуры в школе, проверила «Комсомольская правда» в четырех городах: в Куйбышеве, Ставрополе, Челябинске и Воронеже. Корреспонденты убедились, что многие считают уроки физкультуры второстепенными, необязательными.

После этого было большое совещание учителей и директоров школ. Решено было изменить неверное отношение к физкультуре. Надо, чтобы все дети в школе любили и охотно занимались ею. На совещании пришли к выводу, что количество уроков физкультуры можно увеличить. В школах без спортзалов обязательно должны быть спортивные площадки.

ЧТО ТАКОЕ НОТ?

За что браться сначала: за тяжелое или легкое? Как угнаться за машиной? Отчего устает оператор?

Два работника должны были убрать груду камней. Один перекидал все мелкие, потом взялся за крупные, а сил у него уже не хватило. Другой же сначала перенес тяжелые, крупные, под конец оставив камни поменьше,— и легко справился. Вот как важно с умом подойти к делу!

Эту притчу мы прочли в газете «Ленинское знамя». Там была напечатана большая статья о том, как организован труд людей. Сейчас это очень важная проблема.

Оказывается, можно во много-много раз ускорить ход машины. Но тогда человеку-то не угнаться за машиной. Не под силу такой темп.

Так случилось в Новосибирске на прокатном стане «810».

Там нашли способ, как ускорить прокатку металла: расширить нагревательные печи. Печи выдержат — ну, а оператор, тот, кто управляет ими?.. У него сейчас такое множество приборов, что он едва-едва успевает принимать их сигналы. В считанные доли секунды должен находить решение. Только так кажется, будто ему легко: сиди да нажимай кнопки. Установлено, что уже после 4—7 часов работы оператор устает. Это показало исследование — сейчас есть специальный аппарат: универсальный регистратор утомления.

На заводе взялись искать, а отчего же так устает оператор? Подумали: может быть, неудобное у него сиденье? Поехали на аэродром и выпросили у летчиков кресло со старенького самолета — решили испробовать это кресло у себя. Летчики кресло подарили, но оно не подошло, тут надо было, видно, придумать что-то свое.

Самим же было не под силу. Попросили помочь ученых. Это ведь по их части: НОТ — так сокращенно называется «научная организация труда».

Оказалось, мало изменить сиденье. Надо еще изменить и расположение кнопок на пульте. Надо поднять повыше освещение, чтоб оно не резало глаза. Надо уменьшить шум в цехе: от шума люди очень устают. Заметили ученые даже то, что под движущимися кранами — тени и они мешают смотреть за работой прокатного стана.

Первые итоги НОТ уже сказались. Производительность стана повысилась на 10%, а операторы устают куда меньше.

...А на трикотажной фабрике в Можайске «переставили» цеха — по НОТ. Там они были расположены так, что каждый костюм, который тут шился, то и дело путешествовал с этажа на этаж, его перетаскивали вверх и вниз, вверх и вниз.

Теперь по новому расположению цехов этих потерь времени и энергии нет.

Какие ребята нам нравятся,

В редакцию приходят письма. Одна девочка, Наташа, из города Советская Гавань пишет, что она очень хочет дружить с ребятами, но сама не замечает, как ссорится с ними. Другая девочка, Светлана, она живет в Новосибирской области, рассказывает, что в своем классе она чувствует себя чужой. В классе восемь девочек, и все они дружат между собой, а Светлана всегда одна. И Вове из Харькова живется трудно: его дразнят все мальчики и даже девочки.

Эти письма не о пустяках. Они об очень важном. Не складываются отношения с товарищами, тебя не понимают, не хотят с тобой дружить. Почему? Кто виноват в этом? Может ли кто-нибудь тебе помочь, или ты сам должен во всем разобраться? Какие ребята всем нравятся? За что они нравятся? А каких не любят? И почему? Мы спросили об этом разных ребят.

Симонов Саша:

Мне нравится мой друг Коля, потому что он сильный и заступается за маленьких и за слабых. Он бегает очень быстро. Когда мы играли в войну, он всегда брал пленных. Когда мы ходили ловить рыбу, он ловил больше всех, потому что он знал места. И вообще он очень смелый, находчивый и жизнерадостный.

Однажды Коля предложил мне: «Пойдем на большое болото, посмотрим ястребиное гнездо». Я быстро собрался, взял кусок хлеба, и мы пошли. По дороге Коля набрал много шишек. «Для чего они?» — небрежно спросил я. «Чтобы защищаться»,— ответил он. «От кого?» — поинтересовался я. «От ястреба»,— пояснил он. Я ничего не сказал.

Пришли. Около болота небольшая поляна. На поляне сосна, а на верхушке сосны гнездо. Мы осторожно подкрались к сосне и стали на нее лезть. Вдруг из-за деревьев прямо на нас полетел ястреб. Коля не растерялся, он стал кидать в ястреба шишками. Ястреб смутился и пролетел мимо. С Колей никогда не скучно.

Чернова Марина:

Один раз в лагере мы сидели в палате и ели черешню. И вдруг одна девочка заметила у себя на простыне пятно от сока черешни (видно, мы ей нечаянно капнули). Она начала на нас ругаться. Мы ей сказали: «Оля, извини, пожалуйста. Мы сейчас застираем!» Она ничего не ответила и куда-то ушла. Мы быстро выстирали ей простыню. И вдруг видим, в палату входят Оля и наша вожатая Галя. Галя нас отругала и ушла. Оказывается, Оля пошла и пожаловалась на нас. Не люблю ябед.

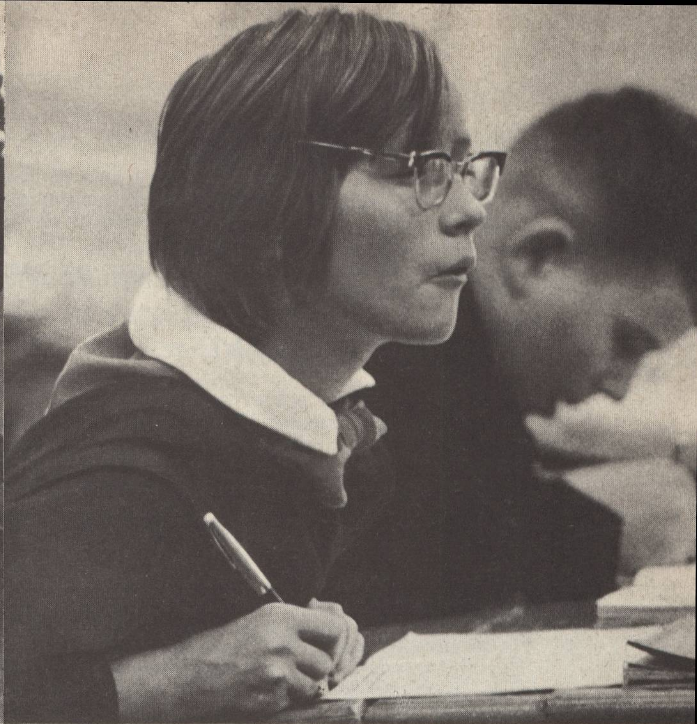
Щербаков Саша:

И у нас есть девочка, она если что-нибудь узнает, что делают мальчишки, сразу говорит учителю или классному руководителю. Ее ненавидят все мальчишки.

ВОПРОС ЖУРНАЛИСТА: А мальчики бывают ябедами?

ЯНЧАРЕК ЗИМИК: Бывают. Однажды мы с ребятами шли из Д. К. и шутя одного мальчишку пихнули. Совсем несильно. А он упал и заплакал и лежал, пока народ не собрался. И нас долго ругали и разбирали на классном собрании.

а какие нет?

Тараканов Коля:

У меня был друг, а теперь он мне не друг. Мы играли в военную игру «Зарница». Выбрали разведчиков, саперов, гранатометчиков. Нас с другом и с Сашей Скукоревским послали в тыл врага. Надо было по-пластунски переползти поле и сделать переправу через ручей. Когда мы делали из досок переправу, нас заметили враги и захватили в плен. Нас стали допрашивать, во сколько пойдет в наступление наш батальон. Я и Скукоревский ничего не сказали, а он не выдержал и все рассказал. И наша операция провалилась.

Пухтина Лариса:

А у нас был такой случай. У одной девочки Риты была подруга Лена и еще три подруги. Однажды у Риты был день рождения. И она всех подруг позвала, но почему-то не позвала Лену. Когда мы ее спросили: «Почему ты не позвала Лену?» — то Рита ответила: «Она такая неуклюжая и плохо одета». А ведь они с ней дружили. Таких, как Рита, никто не хочет уважать.

Хаустов Сергей:

Мой любимый товарищ — Борька. Он сильный, смелый и добрый. Я приведу один пример. Мы с ребятами купались на станции «Водник». Я тогда плохо плавал. Мои товарищи прыгали с моста, а я плавал у берега. Мне одному около берега стало скучно, и я решил тоже прыгнуть с моста. У меня вышло сальто-мальто, и я пошел под воду. Я уже захлебывался и думал, что утону. Борис прыгнул за мной в воду, схватил за ногу и вытащил на берег. Когда он вытащил меня на берег, у меня из носа лилась вода и мне было плохо. Я думаю, Борис — очень хороший товарищ, он не оставил меня в беде.

Годунова Надя:

В нашем классе была девочка. Она всегда выскакивала. Один раз на утреннике мы пели песню «Шумела в поле злая осень». Она старалась петь громче всех, сбила девочек с мотива и очень быстро и громко стала сама допевать песню. Таких случаев было много. Она всегда делает как захочет и не считается с другими.

Все девочки соберутся играть в волейбол, а она говорит: «А я хочу в прятки». Все хотят идти в кино, а она говорит: «Давайте рисовать». Мне не нравятся люди, которые думают только о себе.

Ерастов Игорь:

У нас во дворе есть один мальчик. Он у всех пользуется авторитетом. Один раз мы стояли на автобусной остановке. Когда автобус подошел, то он первым не полез, а пропустил девочек. А в автобусе не сел сам, а посадил бабушку. Еще он любит животных. У него дома есть собака и два попугая, за которыми он ухаживает.

ВОПРОС ЖУРНАЛИСТА: А бывает так, что вовсе не лучшие ребята пользуются авторитетом?

ЛУБКИН АЛЕКСАНДР: Еще как бывает! У нас в классе есть один такой человек, он всех понукает. Попробуй сделай не так, как он хочет, он тебе или влепит, или припугнет тебя. Ему никто не прекословит. Все его слушаются, потому что боятся. Однажды на уроке физкультуры я оказался впереди на беговой дорожке, так он, когда стал меня обгонять, взял и сильно ударил меня ногой. Я сбился с темпа. А после уроков решился и первый раз дал ему как следует. Теперь он ко мне не пристает.

Лямочкин Миша:

Я не люблю ребят, которые вредят птицам и зверям. Однажды я видел, как мальчики бьют ногами котенка. Эти мальчики — живодеры. Они очень жестокие. Когда они подрастут, они все равно не будут хорошими людьми.

Гарасова Лена:

У нас во дворе живет один мальчик. А у меня нет папы. Вот однажды он мне сказал: «Безотцовщина». Мне так стало обидно, что я заплакала и сидела два дня дома. Мне все как-то стыдно было, сама не знаю почему. Маме я не сказала. Я думаю, когда он вырастет, он поймет, как тяжело человеку переносить это прозвище.

Горбунов Михаил:

А мой товарищ Игорь очень благородный. Однажды мы с Игорем поссорились. И когда вышли из школы, он шел в стороне. И вдруг из-за угла на меня налетели ребята. Их было пятеро. Игорь увидел это, бросил папку с книгами и побежал на помощь. Ребята были сильные, но Игорь не испугался. Он растащил всех противников, и бой кончился благополучно. Я считаю, что Игорь — самый лучший товарищ.

Кириллов Николай:

У нас есть один нечестный мальчик. С ним никто не хочет дружить. Он часто обманывает нас, учителей и вожатых. Однажды мы пошли в поход, и этот мальчик сказал, что он натер ногу. Его рюкзак отдали нести ребятам. Он шел и хромал очень сильно, а когда мы вернулись, он хромать перестал и нога у него не болела.

Врунам доверять нельзя: они всегда могут подвести.

Хромов Вова:

А мне не нравятся ребята, которые нечестно играют. Однажды мы с моим соседом пошли на пруд купаться. Пришли, разделись, полезли в воду. В воде стали играть в салочки. Маялся я. Осалил его, а он не захотел маяться. Я ему говорю: «Майся!» — а он не хочет. Я ему говорю: «Майся, нечестно»,— а он меня оскорбил нехорошими словами. И так кончилась наша игра.

Белозерский Миша:

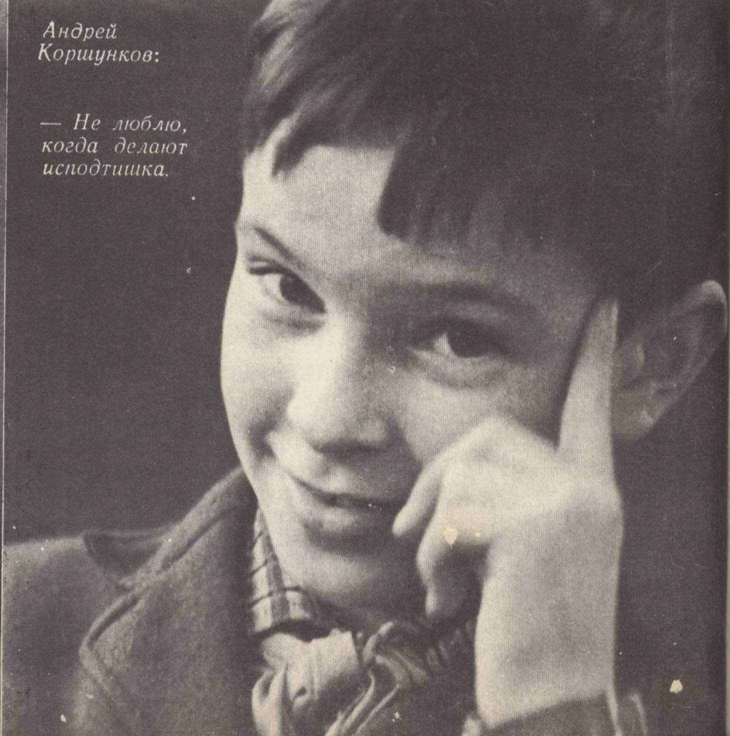
Мне не нравится один мальчик Вова. Я с ним встречаюсь в зимнем лагере. Он жадный, никому не дает свою клюшку и шайбу. Однажды наш отряд играл в хоккей с третьим отрядом. У одного игрока сломалась клюшка, и Вову попросили дать ему клюшку, но он не дал. Этого мальчика удалили с поля, и наш отряд проиграл со счетом 2:6. Потом еще я попросил у него книгу «Незнайка на Луне». Срок он не уточнил. А наутро прибежал: «Миша, отдай книгу». Я попросил: «Оставь мне книгу хоть на час». Но он и слушать не хотел. «Это моя книга, и она должна быть у меня»,— сказал он. Я отдал ему книгу. Жадина не может быть хорошим товарищем.

ВОПРОС ЖУРНАЛИСТА: А приходилось кому-нибудь из вас признаваться себе: «Это я был неправ. Я виноват в том, что случилось»?

КУЗЬМИНА НАТАША: Я расскажу один случай. Мы переехали в новый дом, и я плохо знала ребят во дворе. Как-то мама купила мне большой кулек конфет. Я с этим кульком вышла на улицу. Ребята попросили у меня конфет, но я им не дала. Тогда они перестали со мной водиться. Мне было очень плохо, и я все время думала, что эти ребята нехорошие, вредные. А они вовсе не были вредными, они были дружные и добрые. Я вынесла во двор свои игрушки и санки и сама подошла к ним. И мы все стали кататься на санках. Этот жадный мой случай мне запомнился. Он научил меня дружить с ребятами.

Коля Кириллов:
— Я ненавижу таких девчонок, которые сперва к нам лезут, а потом плачут.

Андрей Коршунков:
— Не люблю, когда делают исподтишка.

ВОПРОС ЖУРНАЛИСТА: Случалось ли так, что человек тебе не нравился, а потом ты стал думать о нем иначе?

КАЗАНЦЕВА ЛЮСЯ: Я сижу на парте с моей подругой Людой. Мы с ней часто ругаемся, потому что она всегда спорит. Вот один раз у нас было рисование, и у Люды сломался грифель. Мы договорились, что будем рисовать по очереди моим карандашом. У Люды был ластик, а у меня не было. Я попросила у нее ластик, а она мне сказала: «Дам, когда сама сотру. Подожди немного». Я подождала и говорю: «Ну, скоро?» А она мне отвечает: «Успеешь!» Я обиделась и говорю: «Отдавай тогда мой карандаш». «Ну и возьми свой карандаш». Она отшвырнула его, и у него выскочил грифель. Мы остались без карандаша. Тогда я убрала альбом, достала книгу и начала читать. Только прочитала две строчки, а она уже меня толкает и говорит: «Не заезжай на мою половину». А я отвечаю: «Когда ты на мое сиденье заезжаешь, я тебе ничего не говорю». Я взяла линейку и циркуль и начала проводить границу. Люда следила за мной. А потом говорит: «Хитренькая какая, себе больше сделала». А я говорю: «Ну на тогда ты прочерти линию». Она взяла циркуль и начала корябать парту. Я не вытерпела и говорю: «Люд, ты уж совсем, наверное, окосела. Даже отсюда видно, что ты провела линию неровно». «Сама ты косая»,— сказала она мне. «Убери свои локти»,— сказала я. Так мы ругались до тех пор, пока нас не выгнали из класса. За дверью мы еще тоже ругались, а потом неделю не разговаривали. И так всегда. В другой раз мы шли вместе домой и по дороге рассказывали друг другу разные истории. Но когда мы подошли к скверу, Люда сказала: «Пойдем моей дорогой». И стала тянуть меня за рукав. Я говорю: «Нет, очередь моей дорогой идти». А Люда уже не говорит, а кричит: «А помнишь, последний раз мы шли твоей дорогой?» А я тоже кричу: «Кто это мы?» Людка говорит: «Я и ты». Я говорю: «Ну знаешь что?» А она говорит: «Что?» — и стукнула меня своим портфелем, и я тоже. Тут у нас началась драка. После драки мы все были в снегу и пошли каждая своей дорогой. Я поняла, что дружить с ней невозможно, у нее ужасный характер.

Но однажды я сильно заболела, и Люда сразу ко мне пришла. Я очень долго не ходила в школу. Люда приходила каждый день и занималась со мной. Я не просила ее приходить, потому что она занимается в изокружке и еще в гимнастической секции и времени у нее мало. Из-за Люды я не осталась на второй год. Теперь я знаю, что у человека может быть трудный характер, но сам он может быть хорошим.

ЖУРНАЛИСТ: Прекрасная и очень правильная мысль. Только непонятно, почему ты решила, что это у Люды трудный характер? В ваших ссорах ты выглядишь ничуть не лучше.

Вот и кончился наш разговор. Мы надеемся, что рассказы ребят помогут тебе взглянуть на себя со стороны. Постарайся это сделать честно. Легко ли с тобой товарищам? Как они к тебе относятся? Хороший ли у тебя характер? Хотелось бы тебе изменить что-то в нем и как ты собираешься это сделать? Напиши нам об этом.

В нашем разговоре принимали участие ребята из пятых и шестых классов 499-й школы Москвы, 4-й и 16-й школ Клина, 6-й школы Жуковского. Вели разговор журналисты Ирина Данилова и Лия Симонова.

Алла Сабитова: — Я не люблю, когда мальчишки дерутся и дергают за косы. Поэтому я их обрезала.

Андрей Потапов: — Мне не нравятся единоличники.

Владислав
КРАПИВИН

Далекие горнисты

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. БАГИНА.

Это просто сон. Я расскажу его точно, как видел. Ни до этого раза, ни потом не снились мне такие подробные и яркие сны. Все помню так отчетливо. Помню, как трогал старые перила в лунном доме и рука ощущала теплое дерево: волнистые прожилки и крепкие затылочки сучков, отшлифованных многими ладонями. Помню, как пружинили доски деревянного тротуара, когда на них качался Братик. Помню, какой большой и выпуклой была тогда луна...

Я видел, что мне одиннадцать лет и я приехал на каникулы к дяде в Северо-Подольск. Не знаю, есть ли на свете такой город. Если и есть, то не тот и не такой. А дядя и вправду есть, но живет он в Тюмени. Впрочем, это неважно, в рассказе он все равно не участвует.

Сон мой начинался так: будто я проснулся в дядином доме, в пустой деревянной комнате, звонкой, как внутренность гитары. И понял, что пришло хорошее утро.

Утро и в самом деле было славное. Весело ссорились воробьи, и чириканье их громко отдавалось в комнате. Часто вскрикивали автомобили. В большом городе такого не услышишь.

Я и раньше знал, что дядин дом стоит у крепостного холма, но не думал, что так близко. Окно смотрело пря́мо в заросший откос. Он был щедро усыпан цветами одуванчиков. Неба я не видел, но одуванчики горели так ярко, что было ясно: солнце светит вовсю.

Я машинально потянулся за одеждой. На спинке скрипучего стула оказались старень-

кие синие шорты и клетчатая рубашка. Я таких у себя не помнил, но было все равно. Оделся. Заметил, что рубашка чуть маловата и одна пуговка болтается на длинной темной нитке.

Потом я распахнул окно. Зеленый с желтой россыпью откос как бы качнулся мне навстречу. Я встал на подоконник и прыгнул в утро, полное травы и солнца.

Я стал подниматься по холму к развалинам белых башен. Солнце сразу взялось за меня. Даже сквозь рубашку я чувствовал его горячие ладони. Кеды скользили по траве, и я немного устал. Вытянул руки и лег лицом в желтые одуванчики. Они были мягкие и пушистые. Вы замечали, что у них даже запах какой-то пушистый? Запах летнего утра. Пахло еще травой и землей, но этот пушистый запах был сильнее.

Лежал я недолго. Солнце слишком припекло спину, я вскочил и одним броском добрался до остатков крепости.

Только снизу они казались белыми. Здесь камень был светло-серый с рыжими подпалинами какого-то лишайника.

Стены почти все были разрушены. Уцелевшими выглядели только две остроконечные шатровые башни. Совсем такие, как рисуют в книжках с русскими сказками. А еще на холме был высокий собор с заколоченным крест-накрест ходом, полуразрушенная часовенка и низкий каменный дом. Тоже пустой.

И тихо-тихо. Ни кузнечиков, ни воробьев.

Я оглянулся на город. Увидел коричневое железо крыш, темную зелень тополей, электричку, бегущую по желтой насыпи, два подъемных крана... Там все было так, как нужно. А здесь было не так. Я оказался как бы на острове.

У разрушенной стены валялась чугунная пушка с выпуклым двуглавым орлом на черной спине. Чугун был теплый и шероховатый, весь в оспинках. Я погладил уснувшую пушку, перелез через камни и вошел в густую траву.

Хорошо помню это ласковое ощущение детства: идешь по высокой траве, раздвигаешь ее коленками, и метелки травы мягко щекочут кожу.

Мне хотелось найти старинную монету или обломок меча, но кругом были трава и камни. Тогда я пошел к башне. Низко, за травой, темнел полукруглый вход.

Я сделал несколько шагов — пять или шесть, — и ничего не случилось, но, как мягкий толчок, меня остановило предчувствие тайны. Тайны или приключения. Так бывает и во сне и наяву: возникает вдруг беспокойное ожидание чего-то необычного. Во сне это чувствуешь резче.

Я остановился и стал ждать. И тут появились эти двое.

Впрочем, не было в них ничего странного. Просто двое мальчишек. Пригнувшись, они вынырнули из похожего на туннель входа и пошли мне навстречу.

Одному было лет одиннадцать, как мне, другому поменьше — наверное, восемь.

Старшего я не сумею описать точно. Знаю только, что он был темноглазый, тонкоплечий, с темной, косо подрезанной челкой. Похожий, пожалуй, на мальчишек, каких рисует для «Пионерской правды» и «Юности» московский художник Женя Медведев. Черты лица почти забылись, но его выражение, сосредоточенное и сдержанно-грустное, я помню очень хорошо. И запомнилась еще такая мелочь: пуговицы на темной его рубашке шли наискосок, словно через плечо была переброшена тонкая блестящая цепочка.

Потом, когда мы узнали друг друга, я называл его по имени. Имя было короткое и звучное. Я забыл его и не могу придумать теперь ничего похожего. Я буду называть его Валеркой: он похож немного на одного моего знакомого Валерку. Но это потом. А сначала он был для меня просто Мальчик, немного непонятный и печальный.

Младшего я помню лучше. Это странно, потому что он все время был как-то позади, за старшим. И не о нем в общем-то главная речь. Но я запомнил его до мелочей. Ясноглазый такой, с отросшим светлым чубчиком, который на лбу распадался на отдельные прядки. Он был в сильно выцветших вельветовых штанишках с оттопыренными карманами и в светло-зеленой, в мелкую клетку, рубашке. Одной пуговицы не хватало, помятая рубашка смешно разъехалась на животе, и, как василек, голубел клочок майки.

У него были темные от въевшейся пыли коленки и стоптанные сандалии. На левой сандалии спереди разошелся шов — получилась щель, похожая на полуоткрытый рыбий рот. Из этого «рта» забавно торчала сухая травинка.

На переносице у малыша сидели две или три крапинки-веснушки, а на подбородке темнела длинная царапина. Она была уже старая, распавшаяся на коричневые точки.

Верхняя губа у него была все время чуть приподнята. Казалось, что малыш хочет что-то спросить и не решается.

Конечно, разглядел все это я позже. А пока мы сходились в шелестящей высокой траве, молча и выжидательно посматривая друг на друга. Я опять ощутил оторванность от мира. Будто я не в середине города, а в незнакомом пустом поле, и навстречу идут люди из неведомой страны. Почти сразу это прошло, но ожидание таинственных событий осталось.

Вдали протяжно затрубил тепловоз. Оба они обернулись. Младший быстро и порывисто, старший как-то нехотя.

— Ничего там нет, — громко сказал Мальчик.

Я подумал, что он говорит про башню, где

недавно был. Видимо, это были «исследователи» вроде меня.

— Что вы ищете? — спросил я.

— Следы, — сказал Мальчик.

Малыш встал на цыпочки и что-то зашептал ему в ухо. Мальчик улыбнулся чуть-чуть и молча взъерошил малышу затылок. Тот смущенно вздохнул и смешно сморщил переносицу. «Братик», — подумал я. И с той минуты всегда звал его про себя Братиком. Может быть, это звучит сентиментально, однако другого имени я ему не найду. Был у Мальчика не просто младший брат, не маленький братишка, а именно братик — молчаливо-ласковый и преданный.

Но вернемся к разговору. Мальчик сказал, что они ищут следы.

— Чьи следы?

— Времени, — спокойно ответил он.

— Ничего нет, — понимающе сказал я. — Никаких монет, никакого ржавого обрывочка кольчуги не найдешь. Только пушка. Но ее не утащишь для коллекции.

— Пушка — это не то, — сказал он рассеянно. И спросил, как бы спохватившись: — А камней с буквами не видел?

— Нет.

— Значит, никто не знает, где мы, — сказал он почти шепотом и опустил голову. — Иначе они вырубили бы на камнях какой-нибудь знак. Такой, что не стерся бы... Хотя бы одно слово.

— Твои знакомые? Туристы? — спросил я с разочарованием, потому что только туристы пишут на старинных камнях.

— Нет, — с короткой усмешкой ответил он. — Тогда туристов не было.

«Когда?» — хотел спросить я, но что-то помешало. Не страх и не смущение, а какая-то догадка. И потом, когда он все рассказал, я не удивился и поверил сразу.

Мы стояли по колено в траве, и на ее верхушках лежала между нами тень жестяного флага — флюгера башни. Я шагнул, разорвал тень коленями и встал рядом с Мальчиком.

— Пойдем, — не то сказал, не то спросил он, и мы пошли рядом, словно сговорившись, что у нас одна дорога.

Из травы мы выбрались на каменистый пятачок. Там сидел и щурился рыжий котенок. Он увидел нас и разинул маленький розовый рот: или зевнул, или сипло мяукнул.

— Ой!.. — радостно сказал Братик. Шагнул было к котенку, но раздумал и стал шевелить пальцами в разорванной сандалии. Торчащая соломинка задергалась. Котенок припал к камню и задрожал от азарта.

Потом он прыгнул на сандалию.

— Пф, — сказал Братик и легонько топнул. Ух, какой свечкой взвился рыжий охотник! А потом вздыбил спину и боком, боком, на прямых ногах ринулся прыжками в травяные джунгли.

— Ой! — уже встревоженно воскликнул Братик. И помчался следом. И мы тоже.

Котенка мы не нашли, но было так здорово бежать по траве под горячим солнцем! Мы промчались через весь холм и остановились у противоположного откоса. Глинистая крутая тропинка сбегала среди одуванчиков к городу. Братик раскинул руки и помчался, поднимая подошвами дымки рыжей пыли. Мальчик молниеносно и как-то встревоженно бросился за ним. И я помчался!

Цветы одуванчиков сливались в желтые полосы. Синий воздух шумно рвался у щек и свистел в ногах. Город летел ко мне, и я летел к нему навстречу.

Впрочем, внизу я полетел по-настоящему — запнулся за кирпич. И приземлился плашмя. Левое колено попало на щебень. Еще не открывая глаз, я знал, что кожа содрана до крови. Тоже ощущение детства, хотя и не очень ласковое. Конечно, хотелось зареветь, но пришлось сдержаться. Я открыл глаза.

Мальчик лежал рядом. Ничком. Над ним встревоженно склонился Братик. Резкий страх поднял меня на ноги. Я тряхнул Мальчика за плечо.

— Что с тобой?

Он приподнял голову и посмотрел так, словно хотел увидеть не меня, не эту улицу, а что-то совсем другое.

— Ничего, — устало сказал он и встал. — Все то же.

Я занялся своей раной. На колене багровел кровоподтек. Из длинных черных царапин щедро выкатывались алые горошинки крови.

— Приложи подорожник, и все пройдет, — негромко, но со знанием дела посоветовал Братик. Я кивнул и, хромая, отправился искать подорожник. И не знаю, как оказался в незнакомом переулке. Темнели с двух сторон массивные старинные ворота. Лежала тень, и сами по себе скрипели деревянные тротуары.

Стало грустно, что вдруг потерялись новые друзья. Чувствовал я, что встреча была не случайной.

Я стал искать. Менялись улицы, наклонялись навстречу дома. Пружинили под ногами тротуары, и качались травы. Солнце уходило за купола крепостного собора.

Наконец я увидел Мальчика и Братика. Они стояли у массивных ворот бревенчатого дома. Дом был похож на деревянную крепость.

Мальчик стоял, прислонившись к столбу калитки, а Братик лениво качался на прогнувшейся доске тротуара

— Куда вы исчезли? — обрадованно сказал я. — Бегаю, ищу...

— Никуда, — равнодушно сказал Мальчик.

— Пойдем наверх?

— Куда вы исчезли? — обрадованно сказал я.— Бегаю, ищу...

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

— Ну... разве здесь лучше?

— Не знаю... — опять сказал он. — Не пойму. Здесь все какое-то ненастоящее. Будто все только кажется. — Он пошатал доску забора, словно проверяя: может быть, и она не настоящая?

Я не удивился, только стало обидно.

— А я? — спросил я с неожиданной горечью. — Значит, и я не настоящий? Ну, посмотри... — Я протянул ему ладонь.

Он подумал, взял меня за рукав. Потом его узкая ладонь охватила мою кисть.

— Ты? Ты настоящий! — сказал он как-то светло и радостно. И я понял, что он мне очень нужен, что я хочу такого друга.

Помню, что с этого момента я стал звать его по имени, а Братик смотрел на нас молча и покачивался на доске.

Над крышами зеленел край холма, и острые башни с флюгерами белели, как декорация к сказке.

Глядя на башни, Валерка сказал:

— Мы жили здесь... Вернее, здесь, но... не так. Крепость была целая, и башни — новые. И люди там жили... А кругом — поля. И такая высокая трава. Она при луне, как серебро.

— Когда же это было? — спросил я, и стало немного страшно.

Он вздохнул и, как бы делая трудный шаг, тихо ответил:

— Ну... наверное, пятьсот лет.

— Да, — неожиданно подтвердил Братик.

Как будто холодная волна прошла между нами. Словно все эти пятьсот лет дохнули ветром, чтобы развеять нас в стороны. Я торопливо шагнул ближе к Валерке.

— Слушай... А может быть... это тебе только приснилось?

Он не обиделся и не ответил. Только головой покачал. Потом сказал:

— Это здесь, как во сне... если бы не ты.

И было так хорошо, что он сказал: «Если бы не ты». Значит, он тоже хотел, чтобы я был. С ним!

Но это время... Пятьсот лет!

— Как же ты... Ну, как вы попали сюда?

— Я расскажу. Потом, ладно?

Мы помолчали.

— А как вы живете, у кого?

Валерка небрежно оглянулся на дом.

— Не знаю. Мне все равно. Какие-то старики... Вот он знает, наверное... — И Валерка посмотрел на Братика. Тот молчал и понимающе слушал нас. Видимо, он знал. Кажется, он вообще знал больше брата.

— А... — начал я и вдруг замолчал, устыдившись пустых слов. Отчетливо и на всю глубину вдруг почувствовал, какая же тоска должна быть у этого мальчишки. Как ему хочется домой, где новые белые башни и лунная трава у крепостных стен.

— И никак нельзя вернуться?

Он медленно поднял глаза на меня и пожал плечами.

И тогда опять на цыпочки встал Братик. Он что-то сказал ему. Валерка слушал недоверчиво, но внимательно. Потом произнес:

— Да ну... сказка.

Братик зашептал опять. Валерка виновато взглянул на меня.

— Он говорит, что если найти очень старый дом... со старинными часами...

— Ну?

— И перевести часы назад...

— На пятьсот лет? — спросил я у Братика.

— Да, — шепотом сказал он.

— И тогда что?

— Тогда, наверное, порвется цепь...

— Какая цепь?

— Не знаю...

— А откуда ты все это взял?

— Не знаю... — Он чуть не плакал, оттого что не знает.

Валерка ласково взял его за плечо.

Я сказал:

— Рядом с нами есть очень старый дом. Он заколочен.

— А часы?

— Надо посмотреть.

Но я уже был уверен, что часы там есть.

События нарастали, и время ускоряло бег. Я помню пустой солнечный двор старого дома. Крыльцо с витыми столбиками, потрескавшиеся узоры на карнизах, галерею с перилами. Окна и дверь были забиты досками. Мы подошли к окну.

— Надо оторвать доски, — сказал я.

— А если увидят? — засомневался Валерка.

— Все равно, лучше сейчас оторвать. Если сейчас увидят, скажем: просто так, поиграть хотели. А если ночью заметят, решат, что воры...

— Давайте, — согласился он.

И тут пришел страх. Непонятный и тяжкий. Это бывает лишь во сне: кругом пусто и солнечно, а страшно так, что хочется бежать без оглядки. Но если побежишь, ноги откажут, и случится что-то жуткое.

Я не побежал. Тугим, почти физическим усилием я скрутил страх и взялся за край доски. Валерка — за другой. С отвратительным кряканьем выползали ржавые гвозди.

Освободив окно, мы пошатали раму, и створки мягко разошлись. В доме стоял зеленый полумрак, пробитый пыльным солнечным лучом. Часов мы не увидели, но из глубины доносилось тяжелое металлическое тиканье.

Страх медленно проходил.

— Лезем, — прошептал я.

— Надо в полночь, — возразил Валерка.

— Конечно! — сказал я с неожиданной досадой. — Ну, конечно! Все такие дела обязательно делаются в полночь... Чушь какая-то!

— Да не обязательно, — откликнулся он виновато. — Но стрелки можно вертеть, пока бьют часы. Вертеть надо очень долго, а в полночь часы бьют дольше всего.

На это нечего было возразить. Мы закрыли окно.

— Слышишь? — вдруг спросил Валерка.

— Что?

— Труба играет. Далеко-далеко.

Я не слышал. И сказал:

— Наверное, электричка трубит.

— Да? — неуверенно проговорил он. А Братик посмотрел на меня осуждающе.

И тут наступил вечер.

Мы снова поднялись на холм, к развалинам стены, и сели на пушку. Она еще не остыла от дневного солнца. От стены тоже веяло теплом, но воздух посвежел. Резко пахло холодными травами. Последние краски дня перемешались с вечерней синевой. И встала круглая луна. Очень большая и какая-то медная.

— Луна была такая же, — вдруг тихо сказал Братик.

Я не видел его, потому что между нами сидел Валерка. Я наклонился и посмотрел на Братика. Мне показалось, что он плачет, но он просто сидел упершись лбом в колени. И щипал траву. Потом он резко поднял голову.

— Опять, — напряженно сказал Валерка. — Слышишь?

Я прислушался и на этот раз действительно услыхал, как играют горнисты. Далеко-далеко. Пять протяжных и печальных нот медленно перекатывались в тишине. Вернее, где-то позади этой тишины, за горизонтом уснувших звуков. «Та̀-а-та-та, та̀-а-а-та».

— Ну и что? — неуверенно спросил я. — Кругом много лагерей. Отбой играют. Что такого?

— Наверное... — согласился Валерка. — Только... разве это отбой?

— Это зовущий сигнал, — спокойно и уверенно сказал Братик. — Ты не помнишь?

Валерка не ответил.

Сигнал, печальный и незнакомый, звучал во мне и все повторялся, повторялся. Как-то сами собой подобрались к нему слова: «Спаать не ложи-и-ите-есь... Ждет вас дороо-о-ога-а...»

Что им не спалось, горнистам?

— Я был трубачом, — вдруг сказал Валерка, не глядя на меня. — Ну... я обещал рассказать. Я был трубачом и дежурил на левой угловой башне... Всегда... И в тот вечер тоже. Они взяли крепость в кольцо, а у нас не хватало стрел. Они жгли костры, и всадники Данаты скакали у самого рва...

— Кто такой Даната? Князь? Или вождь?

— Начальник арила, — сказал Валерка. И я больше не стал спрашивать.

— ...И Даната послал Ассана, своего брата и друга, будто для переговоров. Ассан поднял шлем на копье, и мы, когда увидели его без шлема, опустили мост. Мы не знали... Он въехал на мост и перерубил канат; мост уже нельзя было поднять. Даната с конниками ворвался в ворота. А следом вошли тяжелые меченосцы. И полезли на стены, на галереи. На башни...

— Ты был без оружия?

— Вот у него, — Валерка посмотрел на Братика, — был маленький лук. Ну, игрушка. Даже кожаный щит пробить было нельзя. А меченосцы пришли в панцирях... Они, наверное, не тронули бы нас, но я заиграл, чтобы наши у дальних стен построились для рукопашного боя. Тогда меченосец замахнулся на меня. Я закрылся от меча трубой, отступил на карниз. А мы были вместе... — Он неожиданно притянул Братика за плечо, и тот послушно прижался к старшему брату.

— Я отступил, — сказал Валерка, — и толкнул его случайно. Он упал в ров. Тут уж я про все забыл, обернулся, чтобы посмотреть, испугался. А он даже не ушибся: было невысоко, и трава густая. Стоит внизу и на меня смотрит. Я обрадовался, а меня вдруг как толкнет что-то. Я упал... и вот здесь...

— Если бы ты знал, — тихо сказал он. — Ходишь, ходишь по этой траве... Думаешь, может, хоть камушек знакомый попадется. А ничего нет... И как там кончился бой?

Я молчал.

— У меня даже трубы не осталось, — вздохнул Валерка.

Наяву я, конечно, бросился бы в темную пропасть догадок: кто он, откуда? Ведь он был даже не из прошлого. Потому что никто никогда, кроме половцев и татар, не штурмовал Северо-Подольскую крепость. Не было здесь никакого Данаты с тяжелыми меченосцами. С какой планеты эти двое мальчишек, из какой Атлантиды? Уж чего-чего, а фантастики я начитался и умел размышлять о таинственных ветрах пространства и времени.

Но там, на крепостном холме, я думал совсем о другом. Я с возрастающей грустью думал, что он скоро уйдет. Мне очень нужен был друг, но Валерка собирался уйти, и Братик тоже.

Из жерла пушки, не торопясь, вылез котенок. Было еще не совсем темно, и я разглядел, что это наш знакомый — рыжик. Он опять сипло мяукнул, выгнул спину и начал мягко тереться о мою ногу.

— Смотри, — сказал я Братику. Он тихонько обрадовался, подхватил котенка на колени, и тот заурчал негромко, будто наш электросчетчик в коридоре.

— Пойдем искупаемся, — сказал Валерка. — До двенадцати далеко.

Я встал. Я тоже любил купаться в сумерках. Мы гуськом спустились к маленькому пруду.

Вечер темнел. Был он не синий, не сиреневый, а какой-то коричневатый. Бывают такие вечера. Желтый шар луны повис в теплом воздухе и отражался в воде расплывчатым блином. Высокие кусты окружили пруд, закрыв огоньки и темные силуэты крыш. Пахло чуть-чуть болотом и горьковатой корой деревьев.

Мы ступили на дощатый мостик.

— Раздевайся, — сказал Валерка Братику.

— Нет. Он тогда убежит... — Братик покачал у груди котенка. Потом он стряхнул сандалии и сел, опустив ноги в воду.

— Ух, какая теплая...

Мы с Валеркой разделись. Я сразу скользнул с мостика — осторожно, чтобы не испугать плеском тишину. Вода и в самом деле была словно кипяченая. Дно оказалось илистым, но не очень вязким. Я пяткой попал на бугорок из увядших водорослей. Оттуда, рванувшись, побежала вверх по ноге щекочущая цепочка воздушных пузырьков.

Я присел на корточки, распрямился у самого дна и поплыл под водой, раздвигая редкие камышинки. Потом открыл глаза и глянул вверх. Луна просвечивала, как большой желток. Я вылез на мостик, дождался Валерку. Мы молчали. Оделись и пошли к старому дому.

Вечер превратился в ночь. Небо стало темно-зеленым, а луна — почти белой.

Я боялся только одного: вдруг появится опять непонятный, тягучий страх. Но страха не было. Темный дом под луной казался таинственным, но не опасным.

Мы раскрыли окно. Я скользнул в него первым. Пол был ниже земли, и, когда я прыгнул внутрь, подоконник оказался выше моей головы. Я принял на руки Братика. Он сразу прижался ко мне.

— Боишься? — удивился я.

— Немножко, — шепотом сказал он.

Спустился Валерка. Половицы дружелюбно скрипнули.

Мы были в широком коридоре, вдоль которого посередине зачем-то тянулись точеные перила. На горбатом полу раскинулись зеленые лунные квадраты. От них было светло.

Скользя ладонью по перилам, я пошел к открытой двери, из которой доносился стук часов. Был он громкий, словно в металлический ковшик роняли железные шарики. Бра-

Даната с конниками ворвался в ворота.

тик обогнал меня, он уже перестал бояться.

Мы вошли в квадратную комнату и сразу увидели часы. Они были очень старые и громадные, ростом со взрослого мужчину. Стояли они на полу — такой узкий застекленный шкаф с резными деревянными рыцарями по бокам дверцы. Рыцари были ростом с Братика. Они стояли, положив руки в боевых перчатках на перекладины мечей. Я почему-то подумал о меченосцах Данаты.

Высоко вверху за стеклом дверцы мерцал фарфоровый круг с черными трещинами и медными римскими цифрами. Узорные стрелки показывали без двух минут двенадцать. Внизу тяжело ходил медный маятник, похожий на сковородку.

— Ну, давай, берись за стрелки, — сказал я. — Пора.

Валерка с досадой пожал плечами.

— Да не могу я. Ну... нельзя нам. Ничего не выйдет. Это ты один можешь. Понимаешь?

Я кивнул и, покосившись на рыцарей, потянул дверцу. Она отошла, и стук часов стал еще громче. Я поднялся на цыпочки и прикоснулся к большой стрелке. Она была холодная, как сосулька.

Внутри часов нарастало скрежетанье. Мы напряженно замерли. Скрежетанье исчезло, и мягко, негромко, толкнулся первый удар.

— Верти! — тонко крикнул Братик.

Я завертел стрелку так, что она расплылась в прозрачный круг, на котором вспыхнули лунные искры. Часы удивленно промолчали, потом ударили еще два раза. И тут я с отчетливой тоской понял, что мы расстаемся. Валерка и Братик исчезнут сейчас, и я останусь в этом пустом лунном одиночестве. Мы даже не успеем ничего сказать друг другу.

Я так не мог!

Рука слегка задержала стрелку.

— Ну что ты? — не сердито, а как-то жалобно крикнул Валерка. — Крути! Боишься?

Я подумал, что теперь всю жизнь он будет считать меня предателем. И снова нажал на стрелку (а часы били). Но тут пришла спасительная мысль.

— Бесполезно, — сказал я, устало обернувшись. — Потому что не успеть. Ну смотри: один круг — это один час. В сутки двадцать четыре часа. В году триста шестьдесят пять суток. А за пятьсот лет? Это больше четырех миллионов оборотов!

Наяву я ни за что не сосчитал бы так быстро: арифметику всегда еле тянул на тройку...

Часы ударили последний раз, и навалилась тишина.

Валерка и Братик были рядом, но я не радовался. Им было очень грустно, и я чувствовал себя виноватым. Надо было все же вертеть стрелки до конца. Всегда надо вертеть до конца.

— Тогда пусть возьмет меч, — вполголоса, но настойчиво сказал Братик.

— Какой меч? — спросил я.

— Он не тяжелый, — торопливо сказал Братик. — Только им надо убить железного змея. Это он держит нас в плену.

— Сможешь? — нерешительно и с надеждой спросил Валерка.

Начиналась совсем уже сказка. А у сказки свои правила. Я знал, что смогу. Убью железного змея, и все будет хорошо. Для Валерки и для Братика. А для меня?

— Только этот меч на старом кладбище, — виновато сказал Валерка.

— Подумаешь...

— Тогда пойдем?

— Пойдем.

Мне очень не хотелось идти. Я ни капельки не боялся ночного кладбища, но опять стало тоскливо. Сказка разворачивалась по своим законам, и я знал: скоро надо расставаться с Валеркой.

Можно было бы не ходить, придумать что-нибудь, отказаться. Я чувствовал, что он даже не обидится. Но я шел, потому что ни во сне, ни наяву дружбу не завоюешь предательством.

Лунные улицы были совсем непохожи на дневные. Афишные тумбы напоминали маленькие терема. От них падали очень черные тени. Каждый дом был загадочен, словно в нем пряталась целая приключенческая повесть. На углу, где раньше стоял газетный киоск, возвышалась трансформаторная будка, очень странная: на громадном, разлапистом пне — бревенчатая кособокая избушка. От нее тянулись провода. С пня прыгнул на асфальт крошечный гном с электрическим фонариком и юркнул в подворотню. Я не удивился.

Мы вышли на освещенное луной место. Кругом были травянистые холмики и серые продолговатые камни, похожие на обломки бетонных панелей. На камнях темнели буквы. Торчало несколько кривых крестов. Один крест — очень маленький, но на длинной ножке — ярко блестел. И вдруг я понял: это воткнутый в холмик меч с крестообразной рукоятью.

Валерка с Братиком остановились. Я шагнул к мечу. Витая рукоятка с перекладиной была на уровне моих плеч. Я ухватил ее двумя руками и потянул. Клинок легко-легко вышел из земли. На лезвии не осталось ни крошки чернозема. Лунный свет буквально стекал по сверкающему лезвию. Казалось, он начнет падать с острия тяжелыми, как ртуть, каплями.

Меч был удобный — рукоятка увесистая, а клинок легкий. Крути над головой, как хочешь. Я взмахнул им и...

Земля ушла из-под ног, словно пол рванувшегося автобуса. Пространство сдвинулось, перекосилось... и мы опять оказались в старом доме.

Шкаф из-под часов стоял на прежнем месте, но циферблата и маятника не было. Вместо них блестел за стеклом дверцы мой меч.

Без страха, даже без всякой тревоги я поднял навстречу сверкающий меч.

— Теперь бери смело, — сказал Валерка.

— Бери, — сказал Братик.

И я взял этот меч, хотя сердце бухало, как колокол.

— Ну, где ваш змей?

— Пойдем, — как-то скованно отозвался Валерка.

Я его понимал: ему неловко было, что не он идет на поединок. Но ведь он был не виноват, что у этой сказки такие законы.

Снова мы пошли по ночному городу. По краям улицы стояли темные деревья. Идти было грустно.

— Знаешь, что... — сказал Валерка.

Я знал. Он хотел сказать, что остался бы, но не может. Обязательно ему надо туда, где не закончена битва, где он оставил свою трубу.

— Понимаю... — сказал я и посмотрел на Братика. Вот Братик, пожалуй, остался бы. Если с Валеркой. Потому что ему важно одно: чтобы рядом был старший брат.

Улица становилась все темнее, превращалась в глухую аллею. Стволы и ветки смыкались, заслоняя лунный свет. А мы шли и шли.

А потом за поворотом ударили по глазам лучи, и мы увидели, что уже утро, почти день.

Мы стояли на большом пустыре, поросшем чахлой полынью. В полыни валялся белый конский череп. Костлявый старик таскал за собой на веревке костлявую козу: искал, где трава получше. На нас он посмотрел со злобой и опаской.

На краю пустыря желтел глинистый бугор с черной норой, похожей на подземный ход.

— Смотрите, — звонко сказал Братик. Из черной дыры выбиралось на свет смешное железное чудище. Этакий громыхающий Змей Горыныч. Туловище было похоже на ржавую цистерну с наростами из помятых рыцарских панцирей и кирас. Сзади волочился членистый хвост из металлических бочек, дырявых ведер и бидонов. Между ними я заметил несколько сломанных набедренников и налокотников от старинных лат. Скрежетали крылья из кровельных листов и автомобильных дверок. Голова щелкала челюстями, как медвежьим капканом. Вместо глаз у нее блестели треснувшие фары.

Я с любопытством следил за этой живой грудой металлолома. Она вдруг перестала

грохотать, бесшумно поднялась в воздух и понеслась на меня с нарастающим реактивным свистом.

Без страха, даже без всякой тревоги я поднял навстречу сверкающий меч. Он прошел сквозь железную рухлядь, как сквозь бумагу. И тут же вокруг меня стали падать друг на друга гремящие обломки. Последним упало к моей ноге старое автомобильное колесо.

— Вот и все, — сказал я.

— Вот и все, — повторил Валерка.

Сухо пахло пылью и полынью.

Валерка и Братик стояли рядом. Они были рядом со мной, но уже как бы за стеклянной стенкой. Они думали не обо мне. Смотрели мимо, за горизонт.

«Может быть, останутся все-таки?» — подумал я, но вслух не спросил. Знал, что не останутся, и было горько.

Что-то пушистое задело ногу. На автомобильном колесе сидел и зевал рыжий котенок. А я и забыл про него! Я взял котенка на руки, и он, конечно, опять заурчал. Валерка и Братик смотрели на меня молча.

— Как же вы попадете домой? — спросил я.

— А, теперь это все равно, как. Пустяки, — с какой-то преувеличенной бодростью откликнулся Валерка. Он уложил поровнее на земле дверцу от самосвала, пристроил к ней железную стойку, а на нее прицепил автомобильный руль.

— Вот и машина, — сказал он. — Это ведь неважно... Пора.

Он и Братик встали на дверцу. Я понял, что сейчас они уйдут совсем. Было нечего сказать на прощание. Вернее, незачем было говорить. Валерка смотрел на меня виновато.

Братик вдруг поднялся на цыпочки и зашептал ему на ухо. Валерка неловко улыбнулся.

— Он спрашивает, можно ли взять с собой котенка.

— Конечно! — торопливо воскликнул я.

Невидимая стеклянная стенка на несколько секунд растаяла. Братик прыгнул с дверцы, подошел и торопливо взял в ладошки нашего рыжего найденыша. Тот даже не перестал урчать.

— Спасибо, — одними губами сказал Братик.

Потом они опять встали рядом, и «машина», приподнявшись над землей, заскользила к горизонту. И сразу стала таять...

— Может быть, еще вернутся? — сказал я себе вполголоса.

— Зачем? — скрипуче спросил подошедший старик. Я промолчал.

— Хулиганство одно на уме, — проворчал он.

У меня скребло в горле: не то от слез, не то от полыни. И болела рука. На тыльной стороне ладони алел глубокий порез. Видно, царапнуло обломком железного змея.

«Приложи подорожник, и все пройдет...» — вспомнил я. И пошел искать подорожник. Но его не было. За пустырем началась густая трава. Я брел по ней, и пушистые метелки ласково трогали колени. Я слизывал с руки капельки крови. Сон угасал, как гаснет киноэкран, когда на кадрах бывает затемнение...

Я просыпался, будто проваливаясь в светлую щель. В окно било яркое утро. Однако сон еще держал меня в мягких ладонях. Я машинально поднес к губам руку, чтобы слизнуть кровь. Но пореза не было, боль быстро проходила.

Во дворе хлопала калитка и деловито орал соседский петух. Я вскочил, оделся и стал жужжать электробритвой.

И тут пришел Володька, с которым два дня назад мы сильно поссорились. Он был сам тогда виноват, но обиделся и ушел со слезинками на ресницах. Ушел, не сказав ничего, не ответив на оклик. Так уходят, чтобы совсем уж не возвращаться. И мне было очень горько, что он не придет, не будет, сидя в кресле, листать мои книги, не будет «давить клопов» на моей пишущей машинке и рассказывать о своих приключениях. И я хотел даже найти Володьку, чтобы помириться, хотя и не был виноват. Но не помирился. Не потому, что я взрослый, а он маленький. Просто он уехал к своему деду на другой конец города.

И вот он пришел. Вернее, прибежал. Коричневый, в белой маечке, натянутой на мокрое тело, с влажными волосами. Легкий и тонконогий, как олененок.

— Здравствуй! — сказал он. — Ты дома? Пойдем купаться! Знаешь, какая теплая вода! Ну пойдем... Да?

Он говорил, пританцовывая на пороге, и смотрел веселыми влажными глазами. И только в глубине этих глаз была виноватинка: «Ты не вспомнишь обиду?»

А обиды у меня и не было. Была только радость, что он вернулся.

И мы, конечно, пошли купаться на пруд, к плотине, где уже собрались все мальчишки с нашей улицы. По краям тропинки цвела белая кашка, отчаянно звенели кузнечики, а в небе стояли желтые кучевые облака, похожие на дирижабли.

Володька прыгал впереди и порой оглядывался. Виноватинки в глазах еще не совсем исчезли.

Я улыбался ему и вспоминал сон. Хороший сон про возвращение в детство. Про то, как грустно бывает расставаться с другом, но тут уж ничего не поделаешь. Раз у него страна, где не доиграна битва и где он оставил свою трубу.

А может быть, он все-таки вернулся бы?

Я тоже порой ухожу в далекую страну, где живет мой друг Алька Головкин из четвертого «А» и пружинит под ногами деревянный

тротуар, и сосновые кораблики с клетчатыми парусами плывут к дальним архипелагам. Там сколько хочешь можно ходить по колено в траве, запускать с крыши бумажного змея и воевать с пиратами. Там всегда выходишь победителем из поединка со злом, потому что нет оружия сильнее, чем деревянная шпага.

Но ведь я возвращаюсь. К Володьке. Ко всем.

Конечно, если бы сделать, чтобы никакие ветры, никакие годы не разделяли друзей! Вот здорово было бы! Если бы время не отнимало у человека детство... А может быть, это можно сделать? Если очень постараться?

— Если постараться, всего добьешься. Да, Володька? — спросил я.

— Нет, — сказал он, даже не обернувшись. — Не всего.

— Почему?

— Нипочему. Не всего, вот и все.

— Например? — начал я раздражаться.

— Например, попробуй загнать муху в мыльный пузырь и чтобы он не лопнул.

Я обиделся, но он даже не заметил. Потом я перестал обижаться, и мы купались, пока не перемерзли до крупной дрожи. Тогда мы пошли домой.

Я насвистывал сигнал, который запомнился мне во сне: «Та-а-та-та та-та...»

— Это ты «исполнение» свистишь? — вдруг спросил Володька.

— Что?

— Ну, сигнал. Я же знаю. Я два раза в лагере горнистом был. Это сигнал «Все исполняйте».

И он просвистел так же, как я, пять протяжных нот.

— Выдумываешь все, — проворчал я.

— Пойдем напрямик, через парк, — сказал Володька.

— А куда ты идешь? Вон где ворота!

Он вздохнул, удивляясь моей недогадливости. Отодвинул в заборе доску и показал: «Лезь».

По ту сторону забора, на опрокинутой мусорной урне, сидел рыжий котенок с удивительно знакомой мордой.

— Что-то знакомая личность, — сказал я.

— Это же Митька. Мы его в беседке нашли. Кормим по очереди. А он привык и за нами бегает, за всеми ребятами... Ну опять сбежал из дома, разбойник!

Митька беззвучно мявкнул. Володька сгреб его и сунул под майку.

— Сиди тихо!

Я свернул на дорожку, но Володька сказал:

— Куда ты? Пойдем прямо.

Он дал мне мокрую ладошку и повел через высокую траву и кусты шиповника.

— И как ты ухитряешься не исцарапаться? — спросил я.

— Пфе, — сказал он. И шлепнул по животу, чтобы рыжий разбойник Митька сидел спокойно.

Л. МОЧАЛОВ

Зима пришла

Позову: вставай, пора!
Ну, а вслед за этим,
что не видели вчера,
мы с тобой заметим.
Это снег!
Это снег!
Он идет на все и всех!
Он идет,
идет,
идет
и всему ведет
учет.

Налетая роем пчел,
белых и пушистых,
он и дерево учел,
и карниз, и выступ.
Каждый кустик и балкон,
каждый буторочек
спрятан в белый балахон,
пухом оторочен.

Озадачен человек —
и за поворотом
точно так же занят снег
важным пересчетом.
И за рощей, за рекой —
в мире все иначе!
Да, вчера еще такой
не было задачи.

Сколько простынь и перин,
колпаков и шапок,
сколько снег пораздарил
радости охапок?
Все помечено зимой,
что ни ветка — метка.
И глядит,
себе самой
изумляясь,
ветка.

Говорит она: «И я
тоже что-то значу.
А теперь, мои друзья,
вам решать задачу!»

Ст. РАССАДИН

Это прекрасное имя — Грибоедов...

А. С. Грибоедов.
Акварель В. Машкова. 1827 г.

Красивое имя,
Высокая честь...
Михаил СВЕТЛОВ

Всем известно: бывают фамилии звучные и красивые, а бывают и такие, которые доставляют своим владельцам одни огорчения. Тут уж как кому повезет.

Но вот, скажем, красивая ли фамилия — Пушкин? Я спросил об этом у знакомого мальчика. И он удивленно ответил:

— Ну, конечно! Ведь это же Пушкин!

Причем так думает не только мой маленький знакомый. И Александр Блок когда-то сказал: «Веселое имя — Пушкин».

Писатель Михаил Зощенко однажды объяснил этот факт в привычной для себя полуиронической манере, но, по сути, вполне серьезно:

«Такая, скажем, блестящая и сияющая, как фейерверк, фамилия Пушкин мало обозначает чего хорошего, если от нее немного отвлечься и если отойти от привычки к ней. Это будет средняя фамильица из батальной жизни, вроде Ядров, Пулев или Пушкарев.

А между тем фамилия эта благодаря великим делам засияла, как фейерверк, как комета на небе и как солнце в мировом пространстве».

Помню, что, когда я был совсем маленьким, задолго до того, как прочел и полюбил «Горе от ума», мне показалась смешной впервые услышанная мною фамилия — Грибоедов. Грибоед... Человек, который ест грибы...

А теперь мне это и в голову не приходит...

Наоборот. Теперь при упоминании этого имени — Грибоедов — я испытываю нежность и гордость. Оно кажется мне одним из самых благозвучных в мире. Оно прекрасно, потому что был прекрасен носивший его человек.

Молодые люди того времени подражали Грибоедову, подражали даже его прическе и его манерам. И вовсе не оттого, что он был красавцем или законодателем мод. Грибоедов был красив красотой своего ума, выделявшего его в обществе.

Причесываясь «под Грибоедова», какой-нибудь молодой литератор или чиновник наивно стремился хоть этим походить на своего кумира, на человека проницательнейшего ума и разносторонних дарований.

А дарования были и в самом деле разносторонними. Не говоря уже о литературном таланте, Грибоедов был одаренным музыкантом. И обладал, как выразился Пушкин, «способностями человека государственного».

Если бы случилось такое несчастье и «Горе от ума» по какой-то причине не было написано, то он остался бы в нашей памяти как выдающийся дипломат, который и погиб на дипломатическом посту, погиб, как воин, со шпагою в руке, защищая от озверелой толпы русское посольство в Тегеране.

Помнили бы мы Грибоедова и как одного из образованнейших людей своей эпохи. Он, например, так говорил только об одной стороне своего образования — о владении языками:

«Познания, которыми я владею, заключаются в знании языков: славянского и русского, латинского, французского, английского, немецкого. В бытность мою в Персии я занялся персидским и арабским».

И добавлял: «Чем человек просвещеннее, тем он полезнее своему отечеству».

И все же именно «Горе от ума» составило славу Грибоедова. Без «Горя» все, совершенное им, как Кавказский хребет без Казбека...

Театральный режиссер как-то раз имел с молодым драматургом примерно такой разговор.

— Представьте себе,— говорил он,— сюжет: молодой человек, бывший в долгом отъезде, возвращается на родину и видит, что любимая девушка охладела к нему. Он ревнует, страдает — и наконец убеждается, что подозрения его верны. Вдохновляет ли вас такой сюжет?

— Разумеется, нет,— ответил драматург.— Это очень банально!

— Так-то оно так,— заключил режиссер.— Но Грибоедов сумел из этого сделать «Горе от ума».

Дом в Москве на Новинском бульваре. (Старинная фотография.) Здесь родился и провел детские годы Александр Грибоедов.

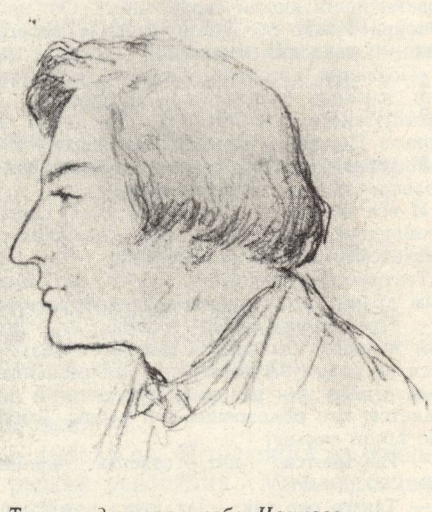
И в самом деле: события, происходящие в комедии, весьма обыкновенны. Тем, кто обожает острые и неожиданные сюжеты, происходящее в «Горе от ума», пожалуй, может показаться малоинтересным. Но в том-то и сила комедии, что драматизм, напряженность действий не рассчитаны на внешний эффект, а заключены в характерах, в их столкновениях.

Помните, как Софья, раздосадованная насмешками Чацкого над Молчалиным, полуслучайно пускает про него слух: «Он не в своем уме»? И сплетня эта охотно подхватывается всеми, растет, как снежный ком, вплоть до того, что уже все общество уверенно выносит Чацкому нелепый приговор: «Безумный по всему».

Что это? Просто забавное недоразумение?

В том-то и дело, что нет.

Вспомним Дон-Кихота. Ведь безумным его считали вовсе не только за то, что, начитавшись рыцарских романов, он поверил в существование великанов и волшебников, но и за то, что он в одиночку выходил на бой с подлостью и несправедливостью.

Так представлял себе Чацкого художник — современник Грибоедова.

Вспомним и шекспировского принца Гамлета. Окружающие верили в его сумасшествие опять-таки не только потому, что сам Гамлет притворился безумным: и тогда, когда принц всерьез говорил о благородстве и чести, все это казалось нелепостью тем, кто жил по законам корысти и бесчестности, кто льстил и подличал, предавал и воровал власть.

И Дон-Кихот и Гамлет были слишком не похожи на окружающих.

А Чацкий? Вот персонажи «Горя от ума» перечисляют причины, побудившие их поверить в его безумие. И, оказывается, все дело в том, что, говоря с Фамусовым, он назвал подлецом подхалима, в разговоре с Молчалиным презрительно отозвался о его бессмысленной службе; графиню-внучку высмеял за аристократическую спесь...

Только и всего!

То есть сумасшедшим Чацкий признан потому, что говорил правду. И ведь этот пущенный про него слух не просто уловка тех, кто обижен его прямотой. Нет! Фамусовские гости искренне верят, что назвать подлеца подлецом может только сумасшедший. Таковы нравственные понятия общества, обличаемые Грибоедовым.

Общество это не замедлило доказать, что Грибоедов не наговорил на него лишнего. В 1823 году герои его комедии объявили честного человека, Чацкого, безумцем. А тринадцать лет спустя уже не на бумаге, а в действительности один из умнейших людей России, Чаадаев, был официально объявлен сумасшедшим за смелость своей мысли, не понравившуюся царю.

Предвидение Грибоедова тем более поразительно, что Чаадаев — прототип Чацкого. Сходны даже их фамилии, в особенности если учесть, что друзья называли Чаадаева Чадаевым (Пушкин писал: «Чадаев, помнишь ли былое?..»), а Чацкий в первоначальных вариантах комедии именовался Чадским.

Да и в здравости ума самого Грибоедова порою сомневались. Полицейский агент и доносчик (не хуже Загорецкого) Булгарин так объяснял один из благородных порывов Грибоедова: «Грибоедов в минуту сумасшествия».

Так что и прототип Чацкого и автор его в той или иной степени повторяли его судьбу.

Конечно, сам Грибоедов не похож на своего героя. Но ведь и не об этом речь. И Чацкого, и Чаадаева, и Грибоедова преследовало и ненавидело одно и то же общество. Отсюда и совпадения.

А их немало. Вот еще примеры.

Грибоедов был связан с декабристами. Насколько тесно, до сих пор трудно сказать. Когда участники декабрьского восстания были арестованы и содержались под следствием, им задавали вопрос о причастности Грибоедова. И они отвечали по-разному. Князь Трубецкой сообщал: «Слышал от Рылеева, что он принял Грибоедова в члены тайного общества». А сам Рылеев утверждал, что этого не было.

Вероятнее всего, Грибоедов в самом деле не принадлежал к обществу декабристов. В нем не было романтической пылкости его Чацкого или, допустим, декабриста Александра Одоевского, друга его и двоюродного брата, который, предчувствуя бой, горячо и радостно повторял: «Умрем, ах, как славно мы умрем!» В победу декабристов Грибоедов не верил, но идеям их сочувствовал. Власти понимали это, и Грибоедов вначале был арестован и доставлен для допроса в главный штаб. Да и назначение его послом в Персию все — и он сам тоже — расценивали как почетное изгнание из России.

О своем недолгом пребывании под арестом Грибоедов написал стихотворение, которое одна из его знакомых объясняла так: «Как Грибоедов определял мнение о себе московских дам». И эти московские дамы толковали об авторе «Горя от ума» точь-в-точь, как фамусовские гости о Чацком:

— По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб».
— За то попался в главный штаб
И был притянут к Иисусу!.. [1]
— Ему не свято ничего...
— Он враг царю!..— Он друг сестрицын!..
— Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?..

Так и кажется, что эти реплики произносят графиня-внучка, Наталья Дмитриевна или Хлестова.

Больше того. Вот что говорил о Чацком Павел Афанасьевич Фамусов: «Ах! боже мой! он карбонари!» [2]. Или: «Он вольность хочет проповедать!» И вот что, по воспоминаниям очевидца, говорила Настасья Федоровна Грибоедова (кстати сказать, крутая крепостница) о своем арестованном сыне: «и карбонарий-то он, и вольнодумец...»

Как мы уже поняли, совпадения эти не случайны. «Горе уму» — так вначале называлась комедия Грибоедова. И, пожалуй, в таком виде название даже точнее выражает суть ее. Горе уму, горе благородству, горе свободолюбию в обществе, подобном обществу царской России, где правили Фамусовы, те, кому они прислуживали, и те, кто им прислуживал.

Уму Грибоедова не нашлось в том обществе места. Советский писатель Леонид Леонов говорил: «Если Пушкин писал жене: "Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом",— Грибоедов сказал бы: «...с талантом и умом».

Когда Грибоедов был молод, казалось, ничто не предвещало таких трудных, трагических отношений с обществом. Семейное его положение было благополучно. Учился юный Грибоедов с огромным увлечением и чрезвычайно успешно: всего за шесть с половиной лет он прошел курс целых трех факультетов Московского университета. А потом его захватила разгульная жизнь тогдашней молодежи.

«Я такой же, какой и был прежде... и очень доволен своей судьбой... Еду в Шустерклуб; кабы ты был здесь, и ты бы с нами дурачился. Сколько здесь портеру, и как дешево!»

Это пишет приятелю молодой Грибоедов.

А через несколько лет в одном из писем он же напишет строчку из арабского стихотворения:

[1] То есть — привлечен к суду.
[2] Так в Италии начала XIX века назывались члены тайной революционной организации.

*П. Я. Чаадаев.
1814 г.*

*Москва. Тверской бульвар.
Литография XIX века.*

«Шаруль-бело из кана ла садык».

Напишет, не сопроводив ее русским переводом.

И эта строчка содержит горькое признание: «Величайшее несчастие, когда нет истинного друга».

Самое поразительное, что эта стихотворная строчка содержится в письме к человеку, который считал себя истинным другом Грибоедова.

Одиноким Грибоедов чувствовал себя не только в далекой Персии, куда услал его царь, но и в Петербурге. Даже среди литераторов. И вовсе не потому, что они не любили и не признавали его. Нет, он по-прежнему был кумиром.

Но вот что он пишет еще в одном письме:

«Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленопреклонения и фимиам, но вместе с тем сытость от их дурачества, их сплетен, их мишурных талантов и мелких душишек».

Вы можете сказать: да, но в Петербурге жили не только «мишурные таланты», но и, например, Пушкин! Да и он ли один?!

Конечно, к Пушкину Грибоедов относился с величайшим уважением, как и Пушкин к Грибоедову. Но близкими людьми они не стали.

Почему так произошло? Трудно сказать. Они были слишком разными людьми, и если мы сейчас и мо-

жем жалеть о том, что они не сблизились, то разве лишь потому, что Пушкин был одним из немногих людей, едва ли не единственным, кто мог оценить ум Грибоедова.

А именно ум, на редкость проницательный и мощный, во многом мешал Грибоедову чувствовать себя своим среди современников. Горе уму его было в тогдашнем обществе.

В последние годы жизни у Грибоедова не было истинных друзей.

Зато была любовь.

Но долго ли она продолжалась?

22 августа 1828 года Грибоедов венчается с Ниной Чавчавадзе, которую полюбил так нежно и трогательно, что просто удивительно читать его письма к ней. Неужели их писал человек, о котором молва говорила как об озлобленном и язвительном?

Итак, 22 августа... А через пять месяцев Грибоедов гибнет. И юная Нина остается вдовой.

Прошло еще несколько недель.

«Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их.— «Из Тегерана».— «Что вы везете?» — «Грибоеда».— Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

Строки эти — из пушкинского «Путешествия в Арзрум». Это встреча двух поэтов, один из которых уже был убит, а другому скоро предстояло погибнуть.

Гибель Грибоедова может показаться случайностью. Ведь мог он, допустим, заболеть и не приехать в Тегеран. Мог отказаться... Да мало ли что могло случиться? Но ведь и Дантес мог не подвернуться Пушкину. И Мартынов — Лермонтову. Значит, их судьбы зависели от случая?

Если и да, то в очень малой мере.

Я помню, что мальчишками мы мечтали, как можно было бы изменить судьбы великих людей прошлого — того же Пушкина, например. Как мы, если бы это было возможно, помешали бы Дантесу, что-нибудь да придумали бы...

Но в трагической судьбе этих русских поэтов была закономерность. Могла не состояться та или иная дуэль, мог не разразиться тегеранский бунт, но все равно жизнь Пушкина, Лермонтова, Грибоедова была в опасности. Они сами избрали смертельно опасный путь, избрали уже тем, что в несвободном и несправедливом обществе проповедовали любовь к свободе и справедливости.

С точки зрения тех, кто объявлял сумасшедшими Гамлета или Чацкого, Пушкин и Грибоедов тоже безумцы. Зачем же, мол, они поступали во вред себе? Почему не хотели жить тихо и мирно, жить-поживать и добро наживать?

В самом деле, что заставляло их лезть на рожон? Что заставляло Пушкина стремиться к дуэли с Дантесом, а Грибоедова — принимать предложение царя, понимая, как оно опасно? А заставляли их делать это те самые высокие мысли и чувства, которые они воспевали.

Поэт не может изменять тому, что он утверждает в стихах. Если бы он утверждал одно, а делал совсем другое, откуда взял бы он ту искренность, ту душевную силу, которая и заставляет нас с вами верить его словам и заражаться его чувствами? Раздваиваться в искусстве нельзя, и вот, выступая против современного им общества в стихах, Пушкин, Лермонтов и Грибоедов — не они одни! — бросают ему вызов и в жизни.

И гибнут. Гибнут, чтобы не смириться и не перестать быть самими собой, гибнут на дуэли или на дипломатическом посту, но так или иначе — в борьбе за правду и добро.

Такова поэзия. Таковы ее нелегкие законы.

Одним из гигантов ее, одним из людей, наиболее ясно сознававших долг поэта в борьбе за лучшее, был Александр Сергеевич Грибоедов, великий русский человек, в свое трудное время утверждавший благородство и прямоту, неподкупный ум и смелое сердце. Александр Сергеевич Грибоедов, имя которого всегда будет для нас славным и прекрасным.

С. СОЛОВЕЙЧИК

Рисунки Ф. ТЕРЛЕЦКОГО и Ю. ВЛАДИМИРОВА.

Сколько лет школе?

В последних номерах прошлого года рассказывалось, как школа стала немножко похожей на школу. Прежде ученики занимались сами по себе. В комнате (ее и классом назвать трудно) стоял гул: каждый зубрил свое, учитель по очереди спрашивал, остальные ребята продолжали заниматься своим делом. А в самом конце восемнадцатого века появились классы, общее учение и одна общая классная доска на всех. Учитель стал похож на дирижера, который руководит занятиями сразу всего класса: он рассказывает — все слушают. Он пишет на доске — все открывают тетради и пишут то же самое. Во всех тетрадях одни и те же задачки. Почерки разные, и решения разные (у одних правильные, у других неправильные), но задачки одни и те же.

Если сравнить нынешнюю школу и гимназию самого начала прошлого, девятнадцатого века,

то окажется, что у них довольно похожие очертания — рисунки можно наложить один на другой, и они примерно совпадут. Но только очертания общие! А подробности, а краски, само содержание рисунка — все разное.

Целых сто лет — весь девятнадцатый век — школа сама училась быть школой.

Многие вещи, которые сейчас кажутся совершенно простыми, приходилось мучительно изобретать.

Например, чему учить в школе? Сегодня расписание уроков привычно: литература, математика, физика, химия, география, история, иностранный язык, обществоведение, биология, рисование, пение, уроки труда.

Но ведь и сегодня спорят, какие предметы надо изучать, а какие не надо. И на какие предметы больше отводить уроков, а на какие меньше.

Ну, например, уроки физкультуры — два раза в неделю. А может быть, нужно проводить их каждый день, а уроки математики сократить? Или ввести совсем другие предметы, скажем, стенографию, которая учит человека очень быстро и потому очень точно записывать чужую речь и свои мысли. Тоже ведь очень полезно! Или, может, ввести уроки логики — науки о законах мышления, или уроки психологии — науки о душевной жизни человека...

Так спорят сегодня; а что творилось в прошлом веке, когда вся система предметов еще не устоялась!

Тогда многим учителям казалось, что главными предметами в школе должны быть не литература, не математика, не биология, а латинский и древнегреческий языки.

Им говорили: «Да зачем же учить латинский язык, если сегодня никто на этом языке не разговаривает?»

«Ну и что же,— отвечали сторонники «классического» образования, то есть такого образования, в основу которого положено преподавание древних, уже умерших языков,— ну и что же? Зато латинский язык — строгий, красивый, на этом языке написано много прекрасных книг и научных сочинений. Латинский язык сам по себе, конечно, не нужен, но зато он развивает ум и память...»

И вот гимназисты каждый день учили латинский и греческий. Почти половина всего их времени (точнее 41 процент) уходила на уроки древних языков!

Родители возмущались. Латынь — очень красивый язык, но нельзя забивать головы одной латынью! Однажды в Москве, в Малом театре, артист Музиль спел такие куплеты:

У нас сильное внимание
На одно обращено,
Чтобы наше воспитание
Ведено было умно.
И теперь уж есть надежда,
Что чрез несколько годов
Выйдут круглые невежды
Из классических голов...

Когда артист Музиль пропел эти куплеты, в зале поднялось что-то невообразимое: все повскакали, затопали ногами, стали кричать: «Браво, браво, бис, бис!» Оркестр хотел было продолжать, да его заглушали криками — пусть артист еще раз повторит свой куплет про круглых невежд из классических голов... Почти целое столетие шла борьба: изучать или не изучать латынь и древнегреческий? Латынь то отменяли, то вводили вновь, да еще больше уроков давали ей, но постепенно «мертвые» языки вытеснялись «реальными» науками: физикой, химией, биологией, географией, астрономией. Но только после Октябрьской революции от древних, «мертвых» языков совсем отказались, и расписание уроков (тоже, конечно, не сразу) стало похожим на нынешнее.

А отметки? Отметки ведь тоже не всегда были, как сегодня. Михаил Васильевич Ломоносов предлагал, например, ставить такие отметки:

В. И.— все исполнил.
Н. У.— не знал уроки.
Н. Ч. У.— не знал части урока.
З. У. Н. Т.— знал уроки нетвердо.
Н. З.— не подал задачи.
Х. З. — худа задача.
Б. Б.— был болен.

У других учителей были свои обозначения, и, в общем, можно сказать, отметки ставили кто как хотел и кто какие хотел. Но в 1835 году было введено единообразие: появились оценки «5», «4», «3», «2», «1». Так, что в этом году нашим «пятеркам», «тройкам» и «колам» ровно сто тридцать пять лет.

Страшно даже подумать, сколько «пятерок» и «единиц» поставлено за эти сто тридцать пять лет. Миллиарды, наверно!

Может, кому-нибудь это кажется утешительным: что, дескать, моя маленькая «двойка» в таком огромном море отметок?

Но лучше поговорить о «пятерках». Вы заметили, что человека, у которого все «пятерки», не называют «пятерочник» (как, например, «двоечник»), а говорят «отличник». Это потому, что еще перед войной и в начале войны отметки в школе были другие: «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» и «очень плохо». Отсюда — «отличник», это слово осталось. В некоторых школах говорят еще «хорошист» (человек, у кого одни «пятерки» и «четверки», а «троек» нет). Но это слово звучит ужасно, и лучше его не употреблять.

Кроме плохих отметок, прежде существовали и другие наказания. Мы уже знаем из прошлых номеров «Пионера», что розги в русской школе были полностью отменены сто лет назад — в 1864 году. А вот карцер — особые комнаты, куда нерадивых учеников запирали после уроков «без обеда»,— оставался до самой революции. Особенно строго наказывало гимназическое начальство тех гимназистов старших классов, кто читал «запрещенную» литературу: книги революционеров. Сегодня сочинения великого критика В. Г. Белинского изучают в старших классах, читают статьи Добролюбова, Писарева, Герцена. А прежде существовало негласное правило: за чтение Белинского — шесть часов карцера, за чтение Добролюбова — в первый раз двенадцать часов, а если снова попадешься, то целые сутки. А за Писарева или Герцена — «аминь!». Так гимназисты называли исключение из гимназии с «волчьим билетом» — без права поступить в другую гимназию.

За гимназистами вообще следили очень строго; им ни в коем случае нельзя было появляться, например, на улице позже установленного времени. Специальные надзиратели следили за этим. В городе Немирове перед первой мировой войной произошел такой случай: два гимназических надзирателя спрятались за забором и оттуда через щелочку выслеживали запоздавших гимназистов. Вдруг видят: один гимназист

на велосипеде едет. Не положено! В карцер его! Выбежали, догнали, налетели — оказалось, что это не гимназист, а студент, да еще и бойкий: он подал на надзирателей в суд — зачем к людям пристают на улице? И суд стал на сторону студента!

Прилежных и успевающих учеников и прежде награждали подарками — книгами, а при выпуске—золотыми медалями. С 1872 года в школах появилась еще «Красная доска», или, как сейчас сказали бы, «Доска почета». На этой доске вывешивали таблички с именами лучших учеников. Кстати, в этом же, 1872, году, то есть без малого сто лет назад, вместе с учебниками гимназисты стали носить в ранцах и дневники для записи уроков на дом и для отметок учителя: школа стала регулярно сообщать папам и мамам своих учеников, как идут занятия. До того времени школа к родителям обращалась только в самых крайних случаях, когда дело шло об исключении. А еще позже, во время революции 1905 года, в гимназиях стали создавать родительские комитеты — родители начали принимать участие в жизни школы. Педагогические же советы, педсоветы, появились, конечно, гораздо раньше — в 1827 году. Вернее, вышло такое распоряжение — создавать педагогические советы. А на самом деле советов не было, и директор гимназии правил единолично до середины прошлого века, когда великий русский педагог Николай Иванович Пирогов добился, чтобы они работали.

О старой, дореволюционной гимназии есть очень много воспоминаний. Наверно, все читали интересную книгу Корнея Ивановича Чуковского — она так и называется: «Гимназия». И во многих других книгах описывается, как трудно было учиться прежде, какие бездушные были порядки. Один из прежних гимназистов пишет, например, что дружбу между учителем и учеником в гимназии было так же невозможно представить себе, как невозможно увидеть лилию, выросшую у берегов Ледовитого океана.

Но, конечно, было и много очень хороших учителей и очень хороших гимназий.

Надежда Константиновна Крупская писала, что она никогда не забудет своих учителей, и об этом же говорили многие выдающиеся люди. Порядки порядками, но всегда были учителя, которые любили детей, встречались с ними после уроков, рассказывали о своей науке интересно и увлеченно. Учителем гимназии в Саратове был несколько лет молодой Николай Гаврилович Чернышевский. Когда он уезжал из Саратова, все гимназисты собрались у дверей его дома — им было жалко, что их учитель уезжает. Очень добрым учителем был отец В. И. Ленина Илья Николаевич Ульянов. Он, например, никогда не ставил «двоек» своим ученикам, чтобы не навлечь на них гнев директора, чтобы не стали их сажать в карцер. Вместо «двоек» он ставил в журнале точки — кому поменьше, кому пожирнее, и тот, кто не выучил урока, знал, что Илья Николаевич все равно спросит его, и все хорошо учились. В школе до революции было много плохого, но не надо забывать, что в этой же самой школе выучились многие выдающиеся люди нашей страны, большие ученые и писатели. Иногда рассказывают, что тот или другой из знаменитых людей учился в школе плохо. Верно, так бывало. Отметки не всегда были хорошими, не все получали золотые медали, как Ленин. Но все очень много занимались. И в конце концов без учения ни один великий человек на свете не стал бы великим!

Конец

журнал в журнале

Печатает только тебя

Облако-медведь

На вечернем небе
Вижу облако — серого медведя.
Он бежит с громадною сумой.
Думаю: куда? К себе домой?
Он бежит, а там горит закат.
Красит красным в небе облака.
И заходит солнце... А медведь?
Он бежит к нему, и солнца медь,
Вспыхнув, словно уголек в руке,
Угасает в мишкином мешке.
И пришла в долину неба ночь:
Небо тоже отдохнуть не прочь.
А медведь по-прежнему бежит
Вниз, где лесом горизонт дрожит.
Он бежит, но тут, прорвав мешок,
Вышел в небо лунный серпушок;
Закружился звездный фейерверк.
Разозлился мишка, прыгнул вверх,
Месяц ухватил за правый рог,
Удержаться все равно не смог.
Вниз упал (наверное, смешно),
Не куда-нибудь, а в собственный мешок.
Стало пусто, небо — синий зонт.
Ветры унесли мешок за горизонт.

Сережа ДМИТРИЕНКО, 15 лет.
г. Орджоникидзе. 1.

Мои четырнадцать лет

РАССКАЗ

Мне уже целую неделю четырнадцать. Я выхожу во двор и стараюсь не забывать, что я взрослая. Снисходительно здороваюсь с детьми от шести до тринадцати, сажусь на скамейку и болтаю с девчонками: делаю вид, что решаю научные проблемы. А сегодня воскресенье. Все девчонки поднялись и ушли в кино, только Маринка сидит у подъезда. У Маринки болит зуб, и разговаривать с ней бесполезно. Я смотрю во двор. У мальчишек сейчас мода катать колесики. Маленький Саша вынес пирамидку, ее тут же отняли и разобрали. Самому толстому и нерасторопному досталось колесико с палкой, он не знает, что с ним делать. Катятся в разные стороны колесики, желтые, зеленые, красные. А маленький Сашка не стал кричать, он пошел домой и вынес котенка.

Во двор вылетает Лена с прыгалками, вокруг нее сразу собрались младшие девчонки. Они скачут, хохочут, зовут меня, а я завидую им, но не иду. Мне уже четырнадцать. Они бегут на карусель и кричат: «Наташа, иди с нами!» Но мне четырнадцать, неловко. А девчонки визжат. Мелькают разноцветные платья: зеленое, красное, голубое. Им хорошо. А почему я должна завидовать? Я подхожу к карусели, вспрыгиваю на всем ходу и начинаю раскручивать.

Ведь мне только четырнадцать лет!

Наташа ХМЕЛИК, 14 лет.
г. Москва.

2.

Зимний лес

Морозное утро,
Январский денек.
В лесу притаился
Под снегом пенек.

И ветка осины
Прикрыта
снежком,
И скачет
зайчишка
Белесым комком.

Боярыни-елки
Одеты в парчу.
И хлопает ветер
Сосну по плечу.

Присыпана снегом,
Искрится на солнце
Красавица верба
В овраге на донце.

Люба СМИРНОВА, 14 лет.
г. Москва. 3.

4. 5.

Эти стихотворения написал
Коля СЕМЧЕНКО.
Ему 15 лет, он живет в Хабаровском крае на ст. Верино.

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Я встречаю с радостью зарю
И с грустью теплый вечер,
Я не то все время говорю
И жду какой-то встречи.

Из рук кормлю хромую птицу,
Сам хочу попробовать жмыха.
Детство не повторится —
Об этом думаю очень тихо.

Как мне жить теперь на свете?
Как пускать кораблики в кадушке?
А с улицы в дверь стучится ветер,
И я утыкаюсь лицом в подушки.

Мама слышать всхлипы не могла,
А у меня в глазах все мутилось.
И деревня куда-то по лужам плыла,
И никто не знал, что случилось.

Зимой

**Зима накидала снегу корзины —
Все вокруг в одеянии белом,
Блестят на солнце инея паутины,
А мне осени захотелось.**

6.

**Чтоб снова запылали боярок ветки,
И снова пошел дождь неуклюжий,
И паук растянул серебряные сетки
Над маленькой и холодной лужей.**

**А зима снегом посыпает деревню
И запорашивает зелень стройных елок,
Ветер раскачивает голые деревья,
И звездный свет не нежен — колок.**

**Вьюга воет над старой крышей,
И рисует узоры старик мороз...
А я хотел бы долго слушать
Осенний шум золотокосых берез.**

Вечером

**Запел соловей вечером.
Светила луна среди звезд.
Небо казалось рекою
Среди потемневших берез.**

Алла ДЕМИНА, 8 лет.
г. Москва.

7.

ПОЧЕМУ рыбы молчат

Борис ЗАХОДЕР

СКАЗКА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

В старину рыбы любили поговорить, а Судак — так даже слишком. И добро бы он дело говорил, а то все пустяки: то лясы точит, то ерунду мелет, то чепуху несет, а бывало, и того хуже: лишнее болтает.

И до того он как-то всем рыбам надоел, что ни одна с ним и разговаривать не желает: только разлетится он к какой-нибудь рыбе посудачить, а она вильнет хвостом — и поминай как звали!

Вот плавал он, плавал, молчал-молчал — до того намолчался, хоть топись!

Подплыл Судак с горя к берегу. Думает: нет ли хоть там кого, с кем бы побеседовать, душу отвести?

Высунул нос из воды, смотрит: верно, сидит на берегу кто-то мохнатенький, четыре лапки, пятый — хвост.

— Эй ты, Мохнатенький,— говорит Судак.— Ты кто будешь? Рыба?

— Да что ты,— говорит Мохнатенький,— какая же я рыба? Я зверь, Выдра.

— Вот я и думаю, что не рыба,— говорит Судак. — А то что рыбе на сухом месте делать? Дура она, что ли?

Сказал и тут же язык прикусил.

Но Выдра — ничего, не обиделась, только облизнулась.

— Почему же это сразу — дура? — спрашивает.— Разве на бережку плохо?

— Еще бы не плохо,— говорит Судак.— Совсем жить нельзя!

— А в воде, выходит, можно?

— В воде-то? Сравнила тоже! В воде знай плавай в свое удовольствие!

— А если я плавать не умею?

— Плавать не умеешь? — удивился Судак.— Вот смехота! Да ведь это проще всего — плавать! Войди в воду — сразу и поплывешь!

— А не утону?

Судак со смеху чуть не захлебнулся. Даже пузыри пустил.

— Да что ты,— говорит,— кто же это в воде тонет? Мы вот, рыбы, всю жизнь в воде живем, и ни одна не утонула.

Вошла Выдра в воду осторожно-осторожно: сперва по грудку, потом по шейку... поплыла, поплыла... да вдруг как кинется на Судака!

Еле-еле он от нее ушел, только из хвоста она ему середку вырвала: был хвост лопатой, а стал уголками.

«Ой-ой-ой,— думает Судак,— ни за что не буду с незнакомыми разговаривать, особенно со зверями! Ты им слово, а они за хвост. Ишь, звери!»

Сказать сказал, а язык-то все чешется! Поплавал немного, в другом месте к берегу подплыл. Опять нос высунул.

Смотрит, а на большом камне Незнакомка сидит, вся в перьях, беленькая, хорошенькая, а сама плачет жалостно-прежалостно: «Чаю! Чаю!»

Жалко ее стало Судаку.

— Эй ты,— говорит,— Беленькая-хорошенькая! Ты не зверь?

— Да что ты,— говорит Незнакомка,— я, чай, птица! Чай, знаешь, Чайка я!

— И чего же ты плачешь?

— Отчего плачу? Есть хочу, оттого и плачу!

— Есть хочешь? — удивился Судак.— Так зачем плакать? Возьми да поешь!

— Хорошо тебе советы давать! «Возьми да поешь!» — говорит Чайка.— Я, чай, это и сама знаю! А что тут поешь? Взять-то нечего, кроме песка да гальки!

Судак ну хохотать!

— Ох, уморила ты меня. Еды сколько хочешь, а она говорит, есть нечего!

— Где?

— Да у нас в воде! И ракушки вкусные, и червяки, и раки ничего себе, а вкуснее всего...

Тут запнулся было Судачишка, да язык у него сам собой выговорил:

— ...Вкуснее всего кой-какие рыбешки!

И только у него это слово вырвалось, Чайка как взлетит, как ухватит его за спину, за самую середину!

Ну, Судак, он тоже не промах, кой-как извернулся, ушел. Только плавник спинной ему Чайка изорвала, он у Судаков и по сие время неровный.

Уплыл Судак в море, на глубокое место. Еле-еле отдышался. Сам себя ругает ругательски!

«Так мне, Судаку-дураку, и нужно,— думает.— Ведь знал же, что не годится с

незнакомыми разговаривать! Ну уж теперь, хоть режьте меня, ни за что не буду! Зарок даю! Ни со зверями, ни с птицами! И к берегу не подплыву! Пусть у меня плавники отсохнут!»

И долго крепился, терпел. Целый день почти. Только уж к вечеру душа не вынесла, опять к берегу подобрался. «Хоть одним глазком погляжу,— думает,— а говорить — ни-ни!»

Смотрит: что за чудо такое? Сидит на берегу Незнакомец, а кто он, и не понять! Вроде бы птица: на двух ногах и посвистывает, да перьев нет! Вроде бы и зверь, да нет: хвоста не видно и шерсти мало! Сидит, вечернюю зорьку встречает.

Глядел, глядел на него Судак, а заговорить боится: плавник-то еще щиплет.

А Незнакомец заметил Судака и говорит:

— Добрый вечер!

Судак молчит.

— Что ж ты не отвечаешь? — говорит Незнакомец.— Невежливо, брат!

Молчит Судак.

— А-а, ты, наверно, говорить не умеешь,— догадался Незнакомец.— Верно, верно, рыбы ведь говорить не умеют! Забыл я, извини!

Обидно стало Судачишке. До того обидно, мочи нет!

— Это мы-то не умеем? — выпалил.— Да мы, если хочешь знать, ого-го-го как умеем! Еще и тебя научим!

— Да ну? — удивился Незнакомец.— Так что ж ты раньше-то молчал?

— А потому молчал, что я зарок дал: ни со зверями, ни с птицами не разговаривать, а то больно кусаться любят! Ты-то сам что за птица?

— Что ты,— говорит Незнакомец,— какая я тебе птица!

— Тогда, выходит, зверь!

— И не зверь я... Я, как бы тебе понятней объяснить, буду Человек.

— Челове-ек? — повторил Судак.— Первый раз слышу! Ну, если Человек, тогда ничего.

— Вот и я думаю — ничего,— говорит Незнакомец.— А тебя-то как звать?

— Судак.

— Ну, вот и познакомились,— говорит Человек.—Можем и побеседовать с тобой, пока я снасть налажу.

А сам к палке нитку привязывает.

— И для чего же такая снасть? — спрашивает Судак.

— Это я,— отвечает Человек,— врать тебе не стану, рыбки надумал наловить.

А Судак — от большого ума — как захохочет!

— Ры-ы-ы-бки? — говорит.— Да как же это ты палкой рыбку ловить будешь?

— Там видно будет,—говорит Человек, а сам на нитку тоже что-то привязал, загогулинку какую-то.

— Хотя верно,—говорит Судак,— у нас в море-океане такая дура рыба есть, что и на палку клюнет! Не поверишь, какая дура! Камни, и то хватает! Но,— говорит,— если хорошую рыбу хочешь подманить, ты ей...

И пошел и пошел болтать, что какая рыба ест да что особо любит, где ходит, да когда спит, да когда кормится.

Все выложил. Болтал, болтал, даже самому есть захотелось.

И вдруг видит: перед самым его носом червячок в воде вьется-извивается, аппетитный, толстый, словно говорит: «Съешь меня!» Судак его и хамкнул.

Да только проглотить не успел: оказался на крючке.

— Ну,— говорит Человек,— что же мы с тобой делать будем? Уху варить?

А Судак от страха и «мама» сказать не может. Замер.

Жалко стало его Человеку.

— Так и быть, — говорит, — отпущу тебя для первого знакомства. Но, гляди, в другой раз не попадайся!

Снял он Судачишку с крючка и в воду бросил.

Судак как припустится и «спасибо» не сказал! Обеспамятел от радости, видно.

Но только с этого самого дня стало рыбы в реках-морях заметно убавляться.

И собрались однажды все рыбы на совет.

— В чем,— говорят,— причина? То нас ни зверь, ни птица, ни человек не трогали, а теперь таскают не судом! Признавайся, кто их научил!

Пришлось Судачишке каяться. «Так и так,— говорит,— я всему виной. Я, дурак, лишнего наболтал! Делайте со мной что хотите!»

Хотели было рыбы его за это смерти предать, да, спасибо, Камбала — умнее ее рыбы на свете нет — отговорила.

— Этим,— говорит,— горю все равно не поможешь. И Судак у нас теперь ученый — будет молчать, как рыба! Вот лучше-ка давайте и мы все вперед будем язык за зубами держать, чтобы ни люди, ни птицы, ни звери больше никаких наших рыбьих хитростей не узнали.

Так и порешили.

С тех-то самых пор все рыбы воды в рот набрали.

Говорят только между собой.

И то тихо-тихо.

СЛОВО КЛУБАМ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ
ДРУЖБЫ

Мои друзья французы

Нина Короткова — член Клуба интернациональной дружбы Московского Дворца пионеров. В школе Нина учит французский язык, в клубе — испанский, а дома сама занимается еще болгарским и румынским. И поэтому она может переписываться с ребятами из разных стран. Смотри, какие замечательные письма приходят к ней. Но сначала слово Нине.

Мои друзья живут в Болгарии, в Румынии, в Алжире, в Уругвае. Много друзей у меня во Франции. Я давно учу французский, и меня очень интересует эта страна. Я всегда с нетерпением жду писем от своих друзей из Франции. Вы увидите, они все очень разные. У каждого свой характер, свои взгляды на вещи. Но все они очень интересуются тем, что происходит в мире, любят нашу страну. Письма помогают нам лучше понимать друг друга.

Жанин Лешар из Бордо

Знаешь, твои письма — всегда праздник для меня. Я их читаю всем своим подругам, и мы каждый раз узнаем много нового. Мне неудобно просить тебя писать больше, я понимаю: нелегкое это дело — писать не на родном языке. Но для нас это единственно верный источник. Мы очень интересуемся вашей страной, а в газетах сведения довольно противоречивы. В одной пишут одно, в другой — другое. Где же правда?

Я посоветовала Жанин читать «Юманите», газету Французской коммунистической партии. Она ответила мне, что читает теперь «Юма», но ее папа очень этим недоволен.

Шанталь Мажек из Бофора

Бофор — маленький городок на севере Франции. Отец и братья Шанталь — шахтеры, а сама она учится в лицее.

Поздравляю тебя со вступлением в комсомол, я тоже член нашего Союза молодых коммунистов. В нашем городе мэр и весь муниципалитет — коммунисты. И нам охотно помогают, выделили даже небольшое помещение для собраний. Недавно мы участвовали в операции «Пуловер-Вьетнам», помогали нашим «отважным» (отважные — это пионеры Франции). Мы ходили по домам и собирали шерсть для вязания. Все, что собрали, отдали в Союз французских женщин. Там из шерсти вязали пуловеры и отправляли их во Вьетнам.

Мартина Сэзон из Кале

Это письмо я получила в ответ на свой рассказ о встрече с вьетнамским поэтом Фан Хо, который приезжал к нам в школу.

Сегодня пришло твое письмо, и оно меня очень взволновало. Ты говоришь о своем друге из Вьетнама, передаешь его рассказ о том, как бомбы падают на школы и гибнут дети, и даже самые маленькие девочки и мальчики помогают взрослым в их борьбе против американских империалистов. Подумать только! Мы такие счастливые, а там ребята видят только горе, только несчастье. И почему это на земле до сих пор существуют войны?

Мы должны делать все, что в наших силах, чтобы все войны скорее исчезли. Как часто я мечтаю о том времени, когда в мире не останется жестокости.

Мои друзья часто пишут о школе. И о чем бы ни рассказывали ребята: о системе образования во Франции или о недавних школьных событиях, — всегда чувствуешь, как много у нас общего.

Жоселин Катэлино из Ньора

Люблю получать ее письма. Пишет она интересно, живо, с юмором.

В Ньоре идет снег! Фантастично! Ни за что бы не поверила, что такое может приключиться сегодня. В четыре часа, когда я вышла из школы, шел дождь, правда, очень холодный. А потом капли превратились в хлопья. Все просто прыгали от радости — мы ведь очень редко видим снег. Тебе, наверное, это кажется смешным, ты привыкла и не обращаешь на него внимания, а для нас это большое событие. Какие вы счастливые, что можете наслаждаться снегом три-четыре месяца каждый год!

Наш снег таял, чуть прикоснувшись к земле. Мы было приуныли, но потом подморозило, и все кругом стало белым-бело. Старые ели в школьном саду похорошели, снег оттенил их темнозеленые ветви. Стало красиво, как в сказке. Но никогда еще мне не было так трудно ехать домой на велосипеде. Я все время скользила и в конце концов грохнулась на дорогу. К счастью, не очень ушиблась... Сейчас, когда я пишу тебе, снег все еще идет. Но вот беда, мне нельзя идти гулять, меня наказали. Одна девочка в нашем классе подсыпала чихательный порошок в табакерку нашей классной дамы, которая будто вернулась из прошлого века. Ну, я тебе скажу, и чихала же она!

В этом году мы тоже стали проходить анатомию. У нас в школе есть очень симпатичный скелет. Мы зовем его Альбер. Когда мы приходим в класс, обязательно жмем ему руку и говорим: «Привет!» — а уходя, вежливо прощаемся: «До скорого!»

Очень часто вместе с письмом друзья присылают мне фотографии и открытки. Жак-Поль Можи прислал мне эту открытку, чтобы познакомить со своим городом. Город называется Конфлан-Сент-Онорин. Жак-Поль живет в новом квартале. Видите, свой дом он отметил крестиком, а лицей, в котором учится, ноликом. ▼

Клод Пеллюар из Реньяка

Это письмо я получила давно, летом 1968 года, когда по всей Франции прошли забастовки. О том, что ребята тоже бастовали, я узнала из писем своих друзей.

Долго не писал тебе, извини. Почта бастовала. Мы тоже не сидели сложа руки. Бастовали, как это делалось повсюду во Франции. Заняли лицей, спорили с учителями. Наша забастовка длилась с 20 мая по 12 июня. Мы многого добились: старую систему выставления оценок отменили, теперь вместо двадцати нас будут судить пятью баллами. Четвертные и годовые оценки будут выставляться не по одной контрольной работе, а по среднему арифметическому из всех отметок. В общем, ты видишь, удалось немного двинуться с места.

Мари-Элен Кюльоли из Парижа

Очень интересно узнавать из писем о таких школьных традициях, каких у нас нет.

Недавно у нас в школе проходили выборы на «Приз товарищества». Я тебе сейчас объясню, что это такое. Нужно решить, кто у нас в школе самый хороший товарищ, кого любят больше всех. Каждый терминаль («терминаль» — значит последний, то есть выпускной, класс) выставляет своего кандидата. Избирательная кампания проходит очень весело. В день выборов кандидаты и их избиратели делают юмористические афиши,

наряжаются в шутовские костюмы и разбрасывают повсюду цветы и конфеты. И вот наступает час голосования. Кто же он, лучший товарищ? Право голоса имеют только старшие классы — третьи, вторые и первые. Я тоже голосовала. Жаль только, выбрали не того кандидата, кого я хотела, но это не беда...

Жоселин Катэлино из Ньора

Я вижу, ты славно отпраздновала свой день рождения. Какой смешной обычай — дергать за уши столько раз, сколько исполнилось лет. Тебе, должно быть, было очень больно. Я подсчитала, что тебя дергали пятьсот восемнадцать раз! Удивляюсь, как уцелели твои уши?! Во Франции нет такого обычая, но, уверяю тебя, я его введу в первый же день рождения одной из моих подруг. Ручаюсь, что ваш обычай будет иметь успех... Мы тоже недавно здорово повеселились... У нас есть смешной праздник «Праздник Бобового короля». В дни этого праздника пекут очень вкусный пирог с сушеными фруктами, сделан он в форме круга. В пирог запекают маленький предмет, который называют «боб». Тот, кому он попадается, становится королем (если это мальчик) или королевой (если это девочка). Мне повезло — я стала королевой.

А вот еще одно письмо Жоселин Катэлино. Жоселин охотно помогает мне учиться правильно говорить и писать по-французски.

Ты пишешь мне, что не все поняла в разговоре твоих страсбургских друзей. (Два года назад к нам в школу приезжала группа ребят из Страсбурга.) Не пугайся и не думай, что ты плохо знаешь французский. Ты пишешь очень хорошо. Мне кажется, что ты не все поняла потому, что французы между собой говорят очень быстро и не все звуки четко выговаривают. Я тоже говорю так. Вот, например, мы никогда не говорим «il faut» (надо), а только «faut», потому что мы говорим быстро. Мы также плохо произносим «r» в конце слов. И вместо «lettre» (письмо) получается «lett». Кроме того, во французском языке существует много разных выражений и оборотов, которых ты не найдешь ни в одном словаре, а в разговоре обязательно услышишь. Ну, и, конечно, у некоторых не совсем правильное произношение. Я думаю, что только поэтому ты не совсем поняла то, что говорили твои товарищи из Страсбурга.

А этот милый дворик виден из окна Мари-Элен Кюльоли, которая живет в Париже.

Ребята, которые недавно пришли в Клуб интернациональной дружбы, часто спрашивают меня, как писать письма, о чем писать. Мне хочется им сказать, что писать нужно о том, что тебя самого увлекает, о том, что тебе самому было бы интересно узнать из писем друзей. Если бы я не рассказывала подробно обо всем, чем мы живем в школе, что радует нас и что волнует, не узнала бы я и о «Призе товарищества» и о «Празднике Бобового короля».

И еще я советую писать просто, так, как разговариваешь с друзьями, которых видишь каждый день. А то некоторые думают, что письма надо писать официальным языком, точно это не письмо другу, а какой-то отчет. И, конечно, надо аккуратно отвечать на письма...

Если и ты, наш читатель, тоже член Клуба интернациональной дружбы, расскажи нам о своих друзьях в других городах, республиках, странах. Что ты узнал из их писем? Чем ты сумел помочь им? Чем они помогли тебе? Пришли нам самые интересные письма своих друзей.

НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ

Мы живем далеко за Полярным кругом, на берегу моря Лаптевых. У нас суровая зима, часто дуют сильные ветры, достигающие одиннадцати-двенадцати баллов. Бывает, конечно, и хорошая погода.

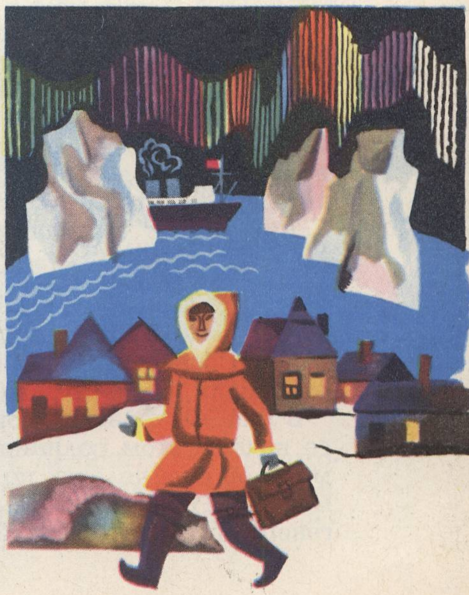
У нас в поселке есть маленькая, но очень уютная начальная школа. В пионерской комнате мы организовали музей В. И. Ленина. Мы проводим там сборы, утренники, читаем книги, смотрим диафильмы.

Нам очень хотелось бы дружить с ребятами других городов, республик и стран!

Ведь многие наши ребята родились и выросли здесь, на севере. Они никогда не видели деревьев, многих кустарников, а особенно южных растений. Дружба с ребятами других мест помогла бы нам больше узнать о нашей Родине, они могли бы послать нам образцы растений, полезных ископаемых.

Дорогие ребята! Пишите нам. Мы всегда вам ответим и будем с вами дружить.

Наш адрес: Якутская АССР, Булунский район, Сого, начальная школа.

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Странный приют

Финские товарищи устроили Владимира Ильича в глухой деревне у хороших людей. Но там остановка получилась недолгой. Деревенька была от станции верстах в десяти, газеты прибывали с большим опозданием, а то и вовсе их не было. А Владимиру Ильичу без газет все равно что без воздуха. И товарищи нашли для него новый приют.

В главном финском городе Гельсингфорсе начальником полиции был в это время молодой еще человек по имени Густав Семенович Ровио. Однажды Ровио вызвали к генерал-губернатору. Губернатор был русским. Петроградские власти назначили его наблюдать за финскими порядками. У финнов было свое управление, но приходилось петроградского начальника слушать, поскольку Финляндия входила тогда в состав Русского государства.

— Господин полицеймейстер, все ли спокойно в городе Гельсингфорсе? — строго спросил генерал-губернатор.

Густаву Ровио было едва тридцать лет, но, несмотря на молодость, он, как все финны, был нетороплив и рассудителен.

— Господин генерал-губернатор, в таком большом городе иной раз без происшествия не обойдется,— рассудительно отвечал Густав Ровио.

— Что-нибудь политическое? — нахмурился губернатор.

— Нет, всего лишь мелкая кража, господин генерал-губернатор.

Губернатор, прямой, как доска, еще прямее расправил плечи, устрашающим голосом тихо сказал:

— Из Петербурга получен секретный приказ.

— Слушаю,— ответил начальник полиции.

— Знаете, кто такой Ленин? — спросил губернатор.

Ровио немного помешкал, пощупал бритый подбородок, потом ответил, что знает, да, знает, конечно! Ведь во всех газетах напечатано, что Временное правительство хочет Ленина арестовать, но никак не разыщет.

— Есть подозрение...— начал губернатор и с опаской огляделся, хотя в губернаторском кабинете они были вдвоем,— есть подозрение, что Ленин может скрываться здесь, в Гельсингфорсе.

Ровио молчал и в упор, с вниманием глядел на губернатора, ожидая, что будет дальше.

— Вы должны принять самые срочные меры.

— Непременно, господин генерал-губернатор!

— Если Ленин попадется вам в руки...

— Если Ленин ко мне попадет, будет сделано все необходимое, господин генерал-губернатор!

— Имейте в виду, за поимку Ленина назначена большая награда,— милостиво поощрил губернатор.—Поняли? Можете идти. И старайтесь.

Густав Ровио поклонился и оставил губернаторский кабинет. Капли пота крупно выступали у него на висках. Большим клетчатым платком Ровио вытер виски. Затем потрогал карман и как бы с облегчением вздохнул.

От губернатора он пошел не на службу, а на вокзал. Почтовый поезд Гельсингфорс — Петроград отходил нескоро, но состав был готов, и на перроне Густава Ровио дожидался поездной почтальон, безразличный и сонный на вид. Казалось, ничто на свете не может его удивить. Они не спеша прошлись вдоль перрона, малолюдного в этот час. Улучив минуту, Ровио вынул из кармана пакет и передал почтальону. Почтальон с неожиданной быстротой в мгновение ока сунул его за пазуху.

— От того человека в прежний адрес,— сказал Ровио.

— Ясно,— ответил почтальон и передал Густаву другой пакет, который тот так же живо упрятал. После этого они разошлись.

Но и теперь начальник полиции направился не на службу.

«Имею я право использовать обеденный час? — спросил себя Ровио.— Имею».

И пошагал в бакалейную лавочку. Купил десяток яиц, четверть фунта масла и булку.

«Теперь курс на дом»,— мысленно скомандовал Ровио. Он избегал центральных улиц, шагал переулками и делал довольно порядочный крюк. Вообще, если бы внимательно за ним понаблюдать, непонятными показались бы его некоторые действия. Но кто станет наблюдать за начальником полиции? Это его дело — смотреть, чтобы в городе все шло по порядку.

«Секретный приказ, а? Скажите, пожалуйста!» — вспомнил он разговор с губернатором, поднимаясь на пятый этаж большого дома на Хагнесской площади, где была его однокомнатная квартира и где сейчас сидел за столом — если бы знал губернатор! — сидел Владимир Ильич и писал книгу «Государство и революция». И синяя тетрадь с цюрихскими выписками из шалаша перекочевала сюда. Лежала перед Владимиром Ильичем на столе. Он так был занят работой, что не сразу услышал приход Ровио.

Ровио осторожно кашлянул. Владимир Ильич вскочил.

— Почта есть?

— Почта-то есть, да сначала пообедать надо бы, Владимир Ильич, с утра ведь не евши.

— Нет, сначала посмотрим почту. Давайте, давайте.

Владимир Ильич потирал от нетерпения руки, пока Ровио доставал из грудного кармана пакет.

— В обмен на ваш получайте, Владимир Ильич.

В пакете было несколько писем. Владимир Ильич одно пробежал. Другое. А это химическое. Зажгли лампу. Исписанную страницу нагрел над лампой. Выступили между строчками буквы. Владимир Ильич читал, приговаривая:

— Так. Так. Так. Интересные новости.

Новости были о том, что в Петрограде и Москве большевики все сильнее оказывали влияние на Советы. Советы стали большевистскими, нашими. «Народ потерял веру в буржуазную власть. Народ все больше верит нам»,— писали из Питера.

Вот какие были новости, и Владимир Ильич, то хмуря брови, то светлея лицом, прохаживался по комнате, где у стен благопристойно выстроилась обитая зеленым бархатом мебель, высокое зеркало украшало пузатый комод, а в углу ютился небольшой книжный шкаф.

Полицеймейстер снял визитку, в которую обычно наряжался, идя к генерал-губернатору, засучил рукава и принялся готовить на кухне яичницу.

Странно все же: почему этот полицеймейстер был не с генерал-губернатором, а с Лениным?

Потому он был с Лениным, что происходил из потомственной пролетарской семьи, работал токарем и с восемнадцати лет

вступил в большевистскую партию. Это только после свержения царя рабочие выбрали Ровио начальником гельсингфорсской милиции. По-старому должность его называлась: полицеймейстер. Так именовал Густава Ровио генерал-губернатор да и многие другие, туго привыкавшие к новому.

Состряпав яичницу, Ровио снова облачился в визитку с манишкой и черным вместо галстука бантиком и пригласил Владимира Ильича пообедать.

У Владимира Ильича от полученных новостей настроение было отличное. Скоро вернется в Россию! Партия большевиков поднимет рабочий класс на восстание. Рабочие свергнут Временное правительство. Будет рабочая власть. Об этом Ленин писал в статьях, которые секретно посылал в Петроград. Писал в своей книге.

А Ровио уплетал яичницу и рассказывал о генерал-губернаторе. Владимир Ильич выслушал, лукаво сощурился.

— Бывают несуразности в жизни: хозяин к генерал-губернатору ходит с докладами, а кого у себя принимает?

— Как кого? — хладнокровно возразил хозяин.— Почтенного финского пастора.

Ах, и расхохотался же Владимир Ильич! Верно, он приехал в Гельсингфорс под видом пастора. В деревеньку, где Владимир Ильич жил после шалаша, финские товарищи прислали любителей-актеров. Актеры были рабочими, социал-демократами. Ловко они загримировали Ленина! Привезли из города пасторский длинный сюртук, высокую шляпу с черной лентой, как полагается. Приклеили пышные брови, надели парик, нарядили... хоть сейчас в кирку! Богобоязненные финки при встрече с Владимиром Ильичем смиренно отвешивали низкие, в пояс поклоны. Так прибыл он в Гельсингфорс. А теперь скоро о новом парике надо заботиться.

Да, скоро. В один прекрасный день Густав Ровио повел Владимира Ильича к парикмахеру. Парикмахер был петербуржец, маленький, шустрый, как обезьянка. Он был старым театральным парикмахером и знал в столице множество графов и князей. Графам и князьям хотелось быть изящными кавалерами, он их всех подмолаживал, красил бороды, мастерил парики.

— А вы и без парика довольно еще молодой,— успокаивающе сказал Владимиру Ильичу парикмахер.

— Вот хочу постареть,— ответил Владимир Ильич.

— Да зачем? Для чего? — изумился парикмахер, всплеснув коротенькими морщинистыми ручками.

— Солиднее как-то, внушительнее, — сказал Владимир Ильич.— Сделайте меня с сединой, лет эдак под шестьдесят.

— Под шестьдесят? С сединой? Никогда!

— Почему?

— Чтобы я довольно молодого еще человека раньше времени в старика превращал? Ни за что! — кипятился маленький парикмахер, размахивая ручками. — Мое призвание — возвращать людям молодость.

— Благородное призвание, но сделайте для меня исключение,— с улыбкой настаивал Владимир Ильич.

Парикмахер ахал и охал. Владимир Ильич сквозь смех его убеждал, а Густав Ровио думал: «Долго ли будет еще Владимир Ильич менять парики и одежды? Долго ли будет скитаться?»

Еще одно подполье

Осенний ветер насквозь продувал старинные выборгские улицы. В один такой холодный день из Питера в Выборг приехал молодой рабочий Эйно Рахья. Высокий, большелобый, с пышными на удивление усами.

Это был один из тех финнов, которые вместе с оружейником Емельяновым провели Владимира Ильича от озера Разлив через лес. ЦК партии прикрепил Эйно Рахья к Ленину связным.

Сейчас Рахья прибыл в Выборг за Лениным. Ленин сюда перебрался из Гельсингфорса, поближе к России. Он рвался в Россию! Вот и настал этот день.

Владимир Ильич был неспокоен. А Рахья хоть бы что!

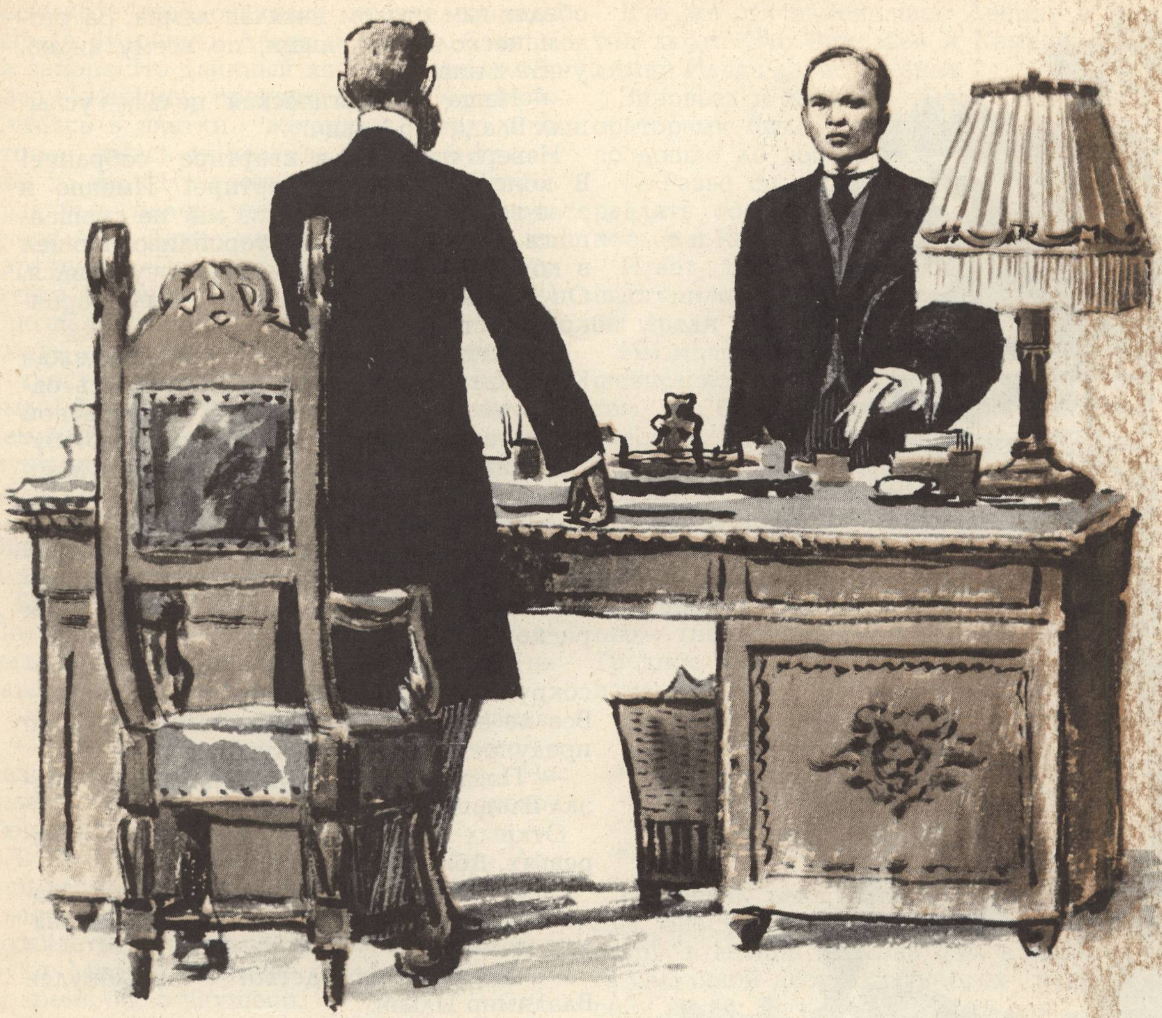
— На вокзал двинем, Владимир Ильич?

И знай себе отмеривает по аршину, благо ноги длинные. Впрочем, нет, Эйно волновался. Только не показывал виду. Владимир Ильич тоже, конечно, скрывал беспокойство.

Они сели в поезд и молча доехали до одной финской станции. В вагоне были все финны, а Владимир Ильич не очень-то знал финский язык, так что уж лучше помалкивать, чтобы не привлекать внимания.

Время от времени Владимир Ильич незаметно проверял, цел ли в кармане ключ. Цел, куда ему деться! Этот ключ Надежда Константиновна привезла Владимиру Ильичу еще в Гельсингфорс. Емельянов достал Надежде Константиновне пропуск в Финляндию. Оделась работницей, нахлобучила на брови темный платок, навела под глазами морщины. А все-таки глаза молодые. Умные, внимательные глаза!

Ключ был от конспиративной квартиры

— Господин полицеймейстер, все ли спокойно в городе Гельсингфорсе? — строго спросил генерал-губернатор.

на рабочей окраине Питера, на Сердобольской улице, недалеко от Финляндской железной дороги.

И план, как квартиру найти, Надежда Константиновна привезла. Владимир Ильич план заучил и порвал. А ключ спрятал и теперь ехал с ним в Петроград.

Поезд приближался к станции. Рахья встал, пошел из вагона. Владимир Ильич за ним. На станции слезли, и у Владимира Ильича сердце так и подпрыгнуло. На путях стоял дачный питерский поезд, а паровоз у поезда номер двести девяносто три. «Здравствуй, старый приятель! Выручил меня раз. Еще выручай!»

Из паровозного окошка выглядывал машинист Гуго Ялава. Серьезный-пресерьезный, но при виде Рахьи и с ним знакомого кочегара заулыбался.

— Что-то поседел наш кочегар!

Словом, Владимир Ильич возвращался из Финляндии в Петроград на том же паровозе, на ту же станцию Удельная. Эйно Рахья доехал пассажиром в вагоне.

От станции Удельная до Сердобольской улицы верст пять пустырями. В тот студеный октябрьский вечер и вовсе было на улицах пусто. Только ветер гулял да свистел.

Но Надежда Константиновна дожидалась в условленном месте. В драповом полупальто, в круглой фетровой шапочке. Владимир Ильич взял ее иззябшую руку. Без перчатки. Никогда не умела она о себе позаботиться! Работа, работа, работа для революции. Где велит Партия, куда пошлет Партия.

На углу Сердобольской улицы и Большого Самсоньевского проспекта высился кирпичный некрашеный дом, мрачноватый на вид. Четырехэтажный, он казался громадным посреди ветхих деревянных домишек. Владимир Ильич решительно направился к подъезду, будто всю жизнь здесь ходил. Эйно Рахья свернул на Самсоньевский (сегодняшняя его задача выполнена), а Владимир Ильич впереди Надежды Константиновны поднялся на четвертый этаж. Открыл дверь ключом. От двери пойдет коридорчик. Его комната в конце коридорчика, налево четвертая. Владимир Ильич твердо все это усвоил из пла-

Поезд приближался к станции.

на. Надя сказала, в квартире нет никого, только хозяйка, Надюшина подруга, Маргарита Васильевна Фофанова.

Но что такое? Владимир Ильич отпер дверь: голоса. Из одной двери в коридорчик широко падал свет. Ярко горела над обеденным столом висячая лампа. За столом несколько женщин, по всему видно, учительницы.

— Наша педагогическая цель...— услышал Владимир Ильич.

Невероятно, но в квартире собрание! В конспиративной квартире! Именно в этот вечер приезда! Ни на миг не смешавшись, Владимир Ильич торопливо прошел в конец коридора. Немного ссутулился. Он был в седом парике. Он был старичком, быстрым и легким.

— Батюшки мои! — охнула Надежда Константиновна, когда они очутились одни в чистой, поразительно аккуратной комнате, где теперь Владимир Ильич будет жить.— Батюшки мои, как мы с Маргаритой опростоволосились-то!

— Да,— сказал Владимир Ильич.

Он не стал успокаивать Надежду Константиновну, что, мол, ничего, обойдется. Наверное, обойдется, но нельзя так рисковать!

— Почти три недели ждали тебя! — сокрушалась Надежда Константиновна.— Все не едешь... А сегодня как раз я и не предупредила Маргариту.

— Последнее подполье, надеюсь,— сказал Владимир Ильич.

Открыл окно. Внизу шумел ветер в деревьях. Должно быть, там сад.

— И птичий питомник,— сказала Надежда Константиновна, как всегда, угадывая его мысли.

— Смешное соседство! — улыбнулся Владимир Ильич.

Из коридорчика донеслись обрывки фраз.

— До свидания! — слышен был голос Фофановой. Она выпроваживала учительниц.

— Последнее подполье, надеюсь,— повторил Владимир Ильич.

— Очень опасное! — вырвалось у Надежды Константиновны.

Владимир Ильич увидел нескрытую тревогу у нее в глазах. Да, здесь, на Сердобольской улице, было опаснее, чем в шалаше или в Гельсингфорсе. Сыщики Временного правительства за каждым углом, на каждом шагу.

Здесь так было опасно, что никто, даже члены ЦК партии не знали, где поселился вернувшийся из Финляндии Ленин.

Знали только Надежда Константиновна и связной Эйно Рахья.

Накануне

Через несколько дней Эйно Рахья пришел проводить Владимира Ильича на одно тайное собрание. Был поздний вечер. Магазины закрылись. Неподалеку от дома

вывеска с позолоченным кренделем указывала булочную. Дверь на замке. Ставни на запоре. Но длинный хвост, главным образом женщин, протянулся от булочной. Кутаясь в платки, женщины терпеливо стояли, ежась от холода. У другой булочной то же. И у третьей. Вечерний Петроград был полон унылыми, безмолвными очередями. Давно уже хлеб продавали по карточкам. Полфунта, а то и четверть фунта в день. Надо успеть захватить. Опоздал — и ни за какие деньги куска хлеба не купишь. Женщины становились в хвост у булочных на ночь. Тяжко им было! Мужья на фронте. Ведь война с немцами все тянулась. Мужья и сыновья мучились на фронтах, ни за что пропадали.

— И дома хорошего мало,— сказал Эйно Рахья.— Хозяева закрывают заводы. Заводы стоят. Безработица.

Было бедственное положение в стране. Поезда ходили кое-как. Расписание сломалось. Поезда не везли уголь и сырье на заводы. Не везли хлеб в города.

— Чего ждать? — сказал Эйно Рахья.

— Большевик должен знать, чего,— резко ответил Владимир Ильич.— Не ждать, а делать надо рабочую революцию.

В начале Февральской революции Ленин верил, что рабочий класс может взять власть мирным путем. Но надо брать, а не дожидаться, что власть сама свалится в руки. Многие с ним не согласились тогда. И время было упущено.

Теперь только вооруженное восстание может спасти революцию.

В тот октябрьский вечер на тайное собрание пришли члены Центрального Комитета партии. Все знали, что будет Ленин. Его давно не видели и теперь ожидали с надеждами. Владимир Ильич был неузнаваем в своем седом парике. Но голос, но мысли, но призывы и воля были ленинские.

Надо готовить вооруженное восстание! Привлекать на сторону рабочих войска. Направить сильнейших большевиков в различные области и по другим городам. Крепче вооружить отряды Красной гвардии на заводах и фабриках. Назначить умных командиров в отряды. Распределить точно, куда двинутся тот и этот отряды Красной гвардии, когда час пробьет.

Руководить восстанием должен Военно-революционный комитет.

Вот какой план намечен был Лениным. ЦК обсудил. Хороший план. Все правильно, ясно. Все согласились.

Но нашлись двое членов ЦК... Напрасно называли они себя большевиками. В трудные дни изменить — разве поступит так большевик? Только предатели так поступают.

Кто же эти изменившие Ленину и партии люди? Это Зиновьев и Каменев. Владимир Ильич давно их знал.

Зиновьев и Каменев умели рассуждать, ораторами были отличными! А когда дело дошло до восстания — струсили.

— Разве способен рабочий класс управлять государством? — не верили Зиновьев и Каменев.

И вот теперь, в решающее время, они выступили против восстания. Ну, пусть бы среди своих: не согласны — спорьте.

Им мало споров. Вдруг в одной небольшевистской газете появилась статья о том, что большевики готовят восстание. Где, как, когда — все выболтали Зиновьев и Каменев. Все выложили Временному правительству. А о себе: мы против восстания.

Выдали капиталистам товарищей. Нет, они не товарищи! «Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю,— гневно писал Владимир Ильич.— Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена».

Но Ленин не дрогнул. Восстание будет.

В Смольный

На берегу реки Невы, где, круто повернув, она устремляет путь к Ладожскому озеру, в давние времена был в Петербурге Смоляной двор. В огромных чанах варили смолу. Тут и хранили ее для судостроения. А судостроительные верфи расположились через Неву на той стороне.

Потом на месте Смоляного двора построили монастырь, а затем институт для благородных девиц, то есть дворянских девочек. Вытянутое почти на четверть версты трехэтажное строгое здание, с колоннами, мраморной лестницей и просторным входом под арками. От Смоляного двора институту пошло название Смольный.

В семнадцатом году после свержения царя институток распустили по домам, а в Смольном разместился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. И Военно-революционный комитет тоже был в Смольном.

Военно-революционный комитет держал связь со всеми заводами. Организовал на заводах красногвардейские боевые отряды. Двадцать тысяч петроградских рабочих были вооружены и только ждали призыва: начинайте восстание! Военно-революционный комитет посылал большевистских комиссаров к матросам Балтийского флота агитировать против буржуйского правительства и господ морских офицеров. Матросы рвались в бой. Целые полки солдат переходили на

сторону большевиков и Военно-революционного комитета.

А Временное правительство что? Временное правительство боялось большевиков и рабочих.

«Запрещается рабочим носить оружие! — издало Временное правительство строгий приказ.— Арестовать членов Комитета! Найти Ленина, заточить в каземат».

И, конечно, Временное правительство не сидело сложа руки, а всячески старалось собрать силы против большевиков и рабочих, стягивало свои войска к Петрограду, окружало его кольцом.

Ленин написал товарищам в ЦК: «Нельзя откладывать дальше восстание! Настал час».

Двадцать четвертого октября Владимир Ильич снова послал записку в ЦК. Хозяйка квартиры Маргарита Васильевна Фофанова сходила с запиской в ЦК, принесла ответ. ЦК не разрешал Ленину выходить из подполья. Любой офицер мог бы застрелить или зарубить Ленина шашкой, если бы увидел его на улице. Товарищи оберегали Ленина.

Но почему Военно-революционный комитет не начинает восстания? Завтра, 25 октября, в Смольном открывается Второй съезд Советов. Делегаты съехались в Петроград из всех городов.

«Необходимо начать восстание сегодня, до открытия съезда,— думал Владимир Ильич.— Свергнуть Временное правительство и завтра передать власть Советам».

Так Ленин думал. Но шли часы. Ленин еще послал записку в ЦК. Нет, они не начинали восстания. Как беспокойно было у Владимира Ильича на душе! В этой беленькой квартирке на Сердобольской улице он был заперт, как в клетке. Даже пошагать свободно нельзя: через стену услышат. Скажут: кто там у Фофановой?

К вечеру Фофанова вернулась со службы. Владимир Ильич взволнованно встретил ее.

— Пожалуйста, отнесите еще письмо. Сейчас же, сразу, не раздевайтесь, пожалуйста. Я сейчас...

И он быстро ушел к себе. И написал членам ЦК:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

И дальше он писал, что надо выступить нынче же, свергнуть Временное правительство, взять власть. История не простит нам, если мы не решимся сегодня. Завтра может быть уже поздно.

— Скорее несите письмо! — торопил Ленин Фофанову.

И остался один. Как неспокойно! Сел, к чему-то прислушиваясь. Чего-то будто ждал. И вдруг, и верно, у входной двери раздался звонок. Пришел связной Эйно Рахья.

— Что в городе делается, Владимир Ильич!

Вот что было в городе. Был сырой, неприютный вечер. Резкий ветер налетал рывками с Невы. Тяжелый туман окутывал улицы. Падал мокрыми хлопьями снег. Или принимался нудно сеять маленький дождь. И сеял и сеял. Но люди кучками собирались то здесь, то там. Пронесется грузовик, полный солдат или рабочих с ружьями. Где-то бабахнет выстрел. Застрочит пулемет. Снова тихо, тревожно.

Возле мостов горели костры, красногвардейцы несли караул. Днем Временное правительство распорядилось разводить мосты над Невой. Прискакали юнкера, согнали с мостов пешеходов, остановили движение.

Только один Николаевский мост развели. Подоспели наши. Шуганули юнкеров.

Если бы юнкерам удалось развести мосты, была бы беда: все районы оказались бы друг от друга отрезанными. Тут по одиночке юнкера и разбили бы революционных рабочих.

Вот что рассказал Владимиру Ильичу связной Эйно Рахья.

Владимир Ильич выслушал молча. Помолчал и стремительно поднялся со стула. Не говоря ни слова, вытащил из комода свой старый парик. «Что это он?» — встревожился Рахья. Партия поручила ему охранять Ленина, ему, рабочему-большевику Эйно Рахья.

— Куда вы, Владимир Ильич?

— Немедленно в Смольный! — твердо ответил Владимир Ильич.

— Да ведь убьют вас. На юнкеров нарвемся, застрелят!

Владимир Ильич не спорил. Знай себе, налаживал парик перед зеркалом. Надел старый пиджачишко, пальто. И Рахья понял, что напрасно отговаривать, стал сам собираться.

Придумали они еще завязать Владимиру Ильичу щеку, будто болят зубы, тогда уж совсем трудно будет узнать.

И вышли из дому. Владимир Ильич пошел в Смольный.

Началось

Легко сказать — пошел. Десять верст от Сердобольской до Смольного! Трамваев не видать, не слыхать. Люди попрятались. Темь непроглядная. Под ногами чавкала

Кутаясь в платки, женщины терпеливо стояли, ежась от холода.

грязь и растаявший снег. Ветер резал лицо.

Владимир Ильич шел, слегка нагнув голову, выставив грудь навстречу ветру. Эйно Рахья на своих длинных ногах едва за ним поспевал.

— Стой, стой! — во все горло закричал Эйно Рахья, увидев приближающийся к остановке трамвай.

Трамвай и сам стал. Вскочили на подножку. Трамвай, почти пустой, следовал в парк. Подвезло. Хоть полдороги доехать.

Владимир Ильич зорко вглядывался в темноту, в осеннюю ночь. Грузовик, полный вооруженных солдат, поравнялся с трамваем и умчался вперед. Еще грузовик обогнал.

— Лихо нынче буржуям придется,— сказал кто-то.

— Сворачиваем в парк, вылезайте,— объявила кондукторша.

Снова Владимир Ильич и Эйно Рахья шагали ночными пустынными улицами. На юнкеров не нарваться бы!

Но вот как раз послышался цокот копыт по булыжнику. Два юнкера выскочили навстречу верхами.

— Пропуск!

Один круто натянул поводья. Конь, заломив шею, вздыбился.

— Пропуск! — требовал юнкер, тесня Эйно Рахья конем.

На старика юнкера не обратили внимания. Чего с деда взять? Держась за подвязанную щеку, дед просеменил мимо вздыбленной лошади.

— Какой такой пропуск? — притворяясь простачком, отговаривался Рахья, стараясь выиграть время, пока Ленин уйдет.— Знать не знаю, где и добывать-то его. Да зачем? Без пропуска человека рабочего видно. — Он уже револьвер в кармане нащупывал.

Юнкер с ругательством занес над головой Рахьи нагайку.

— Брось ты его,— кинул другой.

Они ускакали. Эйно Рахья бегом поспешил догнать Владимира Ильича.

— Спасибо,— коротко сказал Владимир Ильич.

Огромное поле перед Смольным, перерезанное мостовой, поросшее тощими деревцами и редким кустарником, было людно и шумно. Горели костры. Стреляли в небо пучками огненных искр. Солдаты топтались у костров, грелись. Один за другим подъезжали грузовики. Соскакивали с грузовиков вооруженные матросы и рабочие. Валом валили в Смольный. Господских пальто и фетровых котелков было не видно. Все простой люд.

Доносилась с поля команда:

— Отряд, строй-си!

Слышались зовы:

— Путиловцы где? Откликнитесь, путиловцы!

— Братцы, семянниковцев не видели?

Толпа гудела. Все поле было в движении. У лестницы в Смольный стояли орудия. Часовые караулили входы. Окна всех трех этажей длинного здания Смольного ярко светились. Величественно было это зрелище освещенного Смольного и возбужденных, с горящими глазами людей. За спинами щетинились дула винтовок.

У Владимира Ильича сильно билось

сердце. Настал день, ради которого он жил.

Их пропустили в Смольный. Для входа в Смольный у Эйно Рахья нашлись пропуска. Не очень по форме, липовые, если правду сказать, но ничего. Свои люди — сочтемся.

Владимир Ильич, в распахнутом пальто, руки в карманы, забыв о дедовском парике, стремительно прошел коридором, людным и тесным от ящиков с патронами и штабелей винтовок. Взбежал на третий этаж, в комнату Военно-революционного комитета. Члены комитета все были в сборе. Шло заседание. Кто стоял, кто сидел. Секретарь писал протокол. Непрерывно, вот уже полсуток, шло заседание. Обсуждали план выступления.

Непрерывно вбегали связисты Красной гвардии, воинских частей и заводов.

Ленин вошел. Снял кепку. Вместе с кепкой снялся парик. Навсегда. Отслужил службу.

— Ленин! — узнали все.

Председатель Военно-революционного комитета Николай Ильич Подвойский, длинный, худощавый человек, с растрепанной бородой и воспаленными от недосыпания глазами, кинулся к Ленину:

— Владимир Ильич!

— Промедление смерти подобно! — быстро, решительно сказал Владимир Ильич.— Надо захватить телеграф, телефонную станцию, вокзалы, мосты. Без промедления. Сейчас. В эту ночь.

Связисты вбегали в комнату, где помещался Военно-революционный комитет, штаб революции, куда пришел Ленин.

— Ленин пришел! Ленин! — полетело по Смольному.

Связисты входили и получали приказы. Военно-революционный комитет приказывает. Занять телеграф, телефонную станцию, вокзалы, мосты. Занять все правительственные учреждения.

— Красная гвардия, строить-ся! — гремело на поле перед Смольным.

Горели костры. Грузовики, полные вооруженных рабочих, уезжали во мрак и ненастье октябрьской ночи. Уходили солдаты и матросы.

В ночь с 24-го на 25 октября вооруженный пролетариат и революционные войска взяли в свои руки Петроград, столицу России.

Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

— Пропуск! — требовал юнкер, тесня Эйно Рахья конем.

Мира АЛЕЧКОВИЧ

Мы были детьми

На улице липы в июне цвели,
Одна ароматней другой.
Под этими липами мы с тобой шли,
А кажется — кто-то другой...

Мы были детьми... С плеча моего
Ты робкой руки не снимал.
Казалось: никто еще никого
На свете не обнимал.
И так мы бродили, молчанье храня,
И так трепетала рука,
И так ты боялся обидеть меня,
И так нам была дорога
Доверчивость, дружба и теплота!
Казалось: мы в мире одни...
О где ты, далекая улица та,
О где вы, далекие дни,
Когда мы умели не взять, а отдать,
И каждый был этим богат,
Когда мы умели без слов угадать,
Что значит улыбка и взгляд.

Июни проходят, и липы цветут,
Как прежде, на улице той.
И новые тени, обнявшись, бредут
И дышат цветущей мечтой.

На юношей этих, мой друг, оглянись.
Смотри — и себя вспоминай.
По лестнице нашей спускаются вниз,
Глядят, как и мы, на Дунай...
Нам волосы снегом засыплют года,
В сраженьях состаримся мы...

Настанет ли вечное лето, когда
Не будет войны и зимы?
Настанет ли солнечный полдень
в цвету,
Которого льду не сковать?
И девочка будет смеяться в саду.
И голуби ворковать.
И голуби будут над нами кружить
И перья ронять с высоты.
И люди рождаться будут и жить
Для дружбы, любви, красоты.

Перевел с сербскохорватского
Герман ПЛИСЕЦКИЙ.

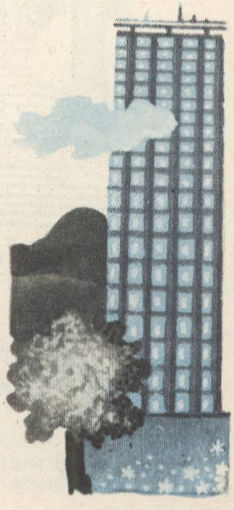
Новое платье

В небе — одуванчик желтый.
Небо — голубое.
Сшили платье мне из шелка
Светло-голубое.
Я плыла под парусами голубыми,
Были волосы мои золотыми.
Далека была зима с холодами
И тяжелое пальто с башмаками.
Платье новое мое, голубое!
Синева над золотой головою.
Расцветет цветок и охрой
По лазури брызнет...
Перед дальнею дорогой,
Перед жизнью...

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Удивление

Удивляться вовек не устану.
Небоскребу или каштану.
Встану.
Голову запрокину.
Загляжусь в голубую пучину.
На глаза навернется влага.
Горе сменится новой верой.
В грудь вольется полною мерой,
Словно пенная брага, отвага.
Я столкну свою лодку с мели —
Пусть несут меня бурные реки.
Я на белом коне карусели
Буду долго, безумно вертеться.
Все так ново!
Как в раннем детстве.
Как в любимом тобой человеке.

Двести сорок

15 января 1970 года начнется Всесоюзная перепись населения. В 8 часов утра во всех городах, поселках, деревнях нашей страны появятся люди с особой эмблемой на груди и с папкой или портфелем в руках. Это счетчики, им поручено вести перепись. Счетчиков будет очень много — полмиллиона, и через восемь дней работа будет закончена: не останется ни одной квартиры, ни одного дома, где бы они не побывали. К 22 января все двести сорок миллионов советских людей должны ответить на все вопросы переписи. Конечно, за самых маленьких ответят на вопросы их мамы и папы.

Это и будет Всесоюзная перепись населения 1970 года.

Для чего проводят переписи?

Какие вопросы будут в переписных листах?

Почему именно эти, а не какие-нибудь другие?

За ответами мы отправились в главный штаб переписи — ЦСУ, Центральное статистическое управление РСФСР.

Возрастная пирамида населения СССР по переписи 1959 г. (в млн. человек)

«ПИОНЕР». Почему именно 15 января начнется перепись, а не в какой-нибудь другой день?

ЦСУ. И верно, казалось бы, чем 15 января лучше 7 февраля или 30 марта? Как будто ничем. И все же выбрали 15 января и в 1959 году, когда тоже проводили перепись, и сейчас, в 1970 году. Почему? Взгляните на календарь — это обычный день недели, четверг. Как правило, большинство разъездов у людей приходится на другие дни — на воскресенье, субботу, понедельник. Значит, многих людей счетчики застанут дома. Да и январь поможет: зимой не очень-то отправишься в путешествие и отпусков меньше.

«ПИОНЕР». Для чего государство проводит перепись? Почему тратит на это большие деньги?

ЦСУ. Если говорить коротко, перепись должна рассказать, что представляет собой население нашей страны, и подсказать, что нужно сделать, чтобы жилось людям лучше, а страна росла и крепла.

Перепись можно сравнить с фантастическим прибором высокой точности. У него множество стрелок и циферблатов. Закончится перепись, и одна стрелка прибора, к примеру, покажет, сколько в стране детей-трехлеток, другая — сколько семилеток. Госплану будет ясно, сколько нужно строить детских садов и школ.

Еще на одном циферблате — число людей с высшим образованием по всей стране и по республикам. И таких циферблатов десятки.

И строители, и врачи, и педагоги, и плановики — все с нетерпением ждут, что же покажут стрелки этого прибора, какие цифры даст перепись по стране, какие задачи поставит на будущее.

миллионов отвечают на вопросы

Рисунки А. БОРИСОВА.

«ПИОНЕР». А разве без переписи все это нельзя узнать?

ЦСУ. Разумеется, многое учитывается в тех толстых книгах, что ведутся в загсах, школах, домоуправлениях. Но для государства, для его планов на будущее эти сведения недостаточны.

Судите сами. Каждую минуту в стране рождается в среднем 8 человек и умирает 3. Значит, ежеминутно население увеличивается почти на 5 человек, а за сутки — на 7000! Ежедневно многие тысячи людей переезжают с места на место, одни поступают на работу, другие в вуз или в школу. Население страны все время в чем-то меняется. Даже если мы соберем вдруг все домовые книги и все записи из загсов, мы не получим ответа на многие вопросы, которые интересуют государство. Например, сколько украинцев живет на Украине и сколько в других республиках страны? Сколько в стране семей, где один ребенок, и сколько семей, где растут двое или трое ребят? Есть только один способ узнать все это — провести **по всей стране** перепись **в одно и то же время и по одинаковой программе.**

«ПИОНЕР». Какой же вопрос в переписи самый главный?

ЦСУ. Это нелегко определить. Вопросы для переписи тщательно отбирались, и все они первой важности — образование, профессия, место работы, состав семьи, национальность и т. д. И все же можно один выделить: вопрос о возрасте. Как показывает практика, получить точный ответ на этот простой вопрос совсем не просто.

Ученым давно известно, что люди почему-то склонны, называя свой возраст, округлять его, причем отмечена особая любовь к цифрам, оканчивающимся на 0 или 5. Два человека иной раз говорят, что им по 40 лет, хотя одному 39, а другому 41. Ребенку 11 месяцев, а родители округляют: «Годик».

Так что иногда счетчику придется доставать специальную табличку и проверять, правильно ли ты назвал свой возраст.

К примеру, тебе должно исполниться 11 лет. Если твой день рождения 14 января, а счетчик придет 15-го, то он запишет тебе 11 лет. А если ты родился 16 января, то по правилам переписи 15-го тебе будет только 10 лет.

«ПИОНЕР». Что же расскажут цифры возрастов?

ЦСУ. Прежде всего они уточнят задания Госплану и всему нашему хозяйству.

А кроме того, будет сделан самый главный для государства подсчет — подсчет трудовых ресурсов, как говорят в ЦСУ.

240 миллионов — люди разных поколений. Мы выделяем три основных поколения: дети и подростки до 16 лет, это «дорабочий» возраст, затем мужчины от 16 до 59 лет и женщины от 16 до 54 лет, это основной, рабочий возраст. И третий — «послерабочий», пенсионный возраст.

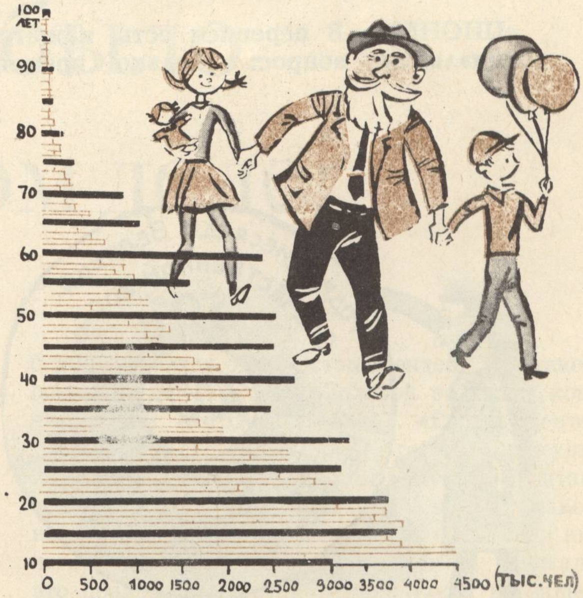
Основной, рабочий возраст — это и есть те люди, которые кормят всех нас: и себя, и детей, и тех, кто уже не работает.

240 миллионов заполнят графу «Возраст» в переписных листах, и государство ясно увидит, сколько людей трудится сейчас и сколько в стране тех, кто еще мал или уже слишком стар, чтобы работать.

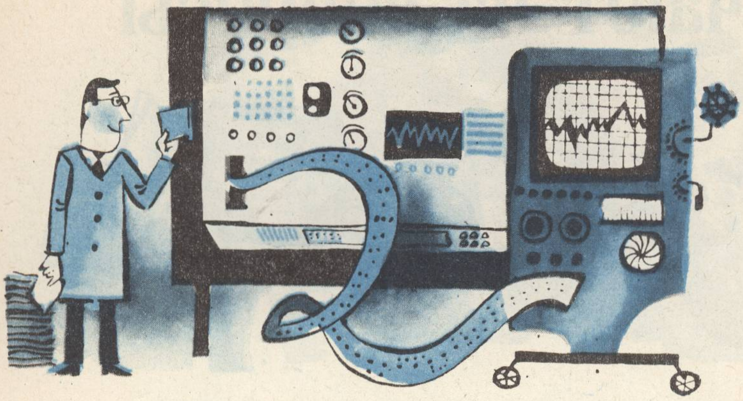
«ПИОНЕР». А как быть, если человек, отвечая на вопросы счетчика, почему-то сказал неправду?

ЦСУ. Закон переписи — полное доверие тому, что отвечают люди. Счетчику запрещается требовать у людей документы, чтобы проверить их слова.

И все же человек может сказать неправду, и некоторые так и делают.

Возрастная аккумуляция по данным переписи населения в СССР в 1926 г.

Происходит это оттого, что иной человек не понимает смысла переписи, боится каких-то неприятностей. В царской России, где огромное большинство народа было невежественно, крестьяне просто скрывались от счетчиков — боялись их. В 1897 году, во время переписи, целые деревни убегали в леса. А. П. Чехов, который в этой переписи участвовал, писал в Москву о приближающейся эпидемии чумы: «Чума будет тем страшна, что она явится через два-три месяца после переписи: народ истолкует перепись по-своему и начнет лупить врачей, отравляют-де лишних, чтобы господам больше земли было».

И сейчас нужно разъяснять смысл переписи тем, кто его не понимает. Тут как раз и для пионеров найдется работа. Надо, чтобы всем было ясно: государству нужны цифры сводные, в целом по стране. Взгляните на переписной лист — там так прямо и указано: «Запрещается сообщать кому бы то ни было содержание ответов». Государство гарантирует каждому неразглашение ответов и поэтому рассчитывает на то, что ответы будут правдивыми.

Разные бывают случаи. Когда счетчики пришли к рыбакам на Камчатских островах, то застали там семьи рыбаков. Жены рыбаков с детьми приехали погостить с материка. Так вот, некоторые взрослые опасались переписываться на островах: боялись, что их могут оставить здесь жить. Это, конечно, были напрасные волнения. Счетчики успокоили людей, объяснили им, что сведения эти нужны государству, чтобы узнать, как передвигается население, и что никому это ничем не грозит.

«ПИОНЕР». В переписи есть, кажется, специальный вопрос: сколько времени живешь постоянно в данном месте? Почему это важно знать?

ЦСУ. Давно известно, что в стране тысячи людей поднимаются с «насиженных» мест, чтобы ехать в новые края, на стройки, заводы, фабрики.

В одни районы стекаются новоселы, а в других, наоборот, жителей не прибавляется, а то и меньше становится.

Отчего это происходит? Почему нередко люди покидают такие красивые и богатые края нашей страны, как Сибирь, Дальний Восток, Север? Часто это связано с недостатком удобств, необходимых для жизни.

Как же сделать, чтобы людям было везде хорошо и удобно жить, чтобы наше хозяйство развивалось равномерно по всей стране? Перепись поможет решить и эти вопросы.

«ПИОНЕР». Не всегда просто ответить на такой вопрос, как национальность. Как быть, если у мальчишки, например, отец украинец, а мать русская?

ЦСУ. Взрослые это решают сами, и счетчик запишет в лист, что они скажут. А за детей говорят родители.

«ПИОНЕР». Когда перепись закончится, как будут подсчитывать результаты?

ЦСУ. Закончится перепись 22 января, а предварительные итоги будут подсчитаны и доложены правительству 25 апреля 1970 года.

На эти три месяца — февраль, март, апрель — ложится работа не менее ответственная, чем сама перепись.

Миллионы ответов попадут в электронно-вычислительные машины. В Вычислительном центре переписи их будет десять, и все самой последней модели — «Минск-32».

Если просто взять переписной лист, где проставлены ответы на вопросы, и предложить его машине, из этого ничего не выйдет. Надо ответы перевести на машинный язык, то есть зашифровать с помощью цифр. Некоторые ответы уже зашифрованы в переписном листе. Если ты учишься в шестом классе, то в графе «Образование» счетчик подчеркнет слова «неполное среднее». Посмотри внимательно на лист — там около этих слов стоит цифра 5. Но это не отметка, как в школе, а просто значок, понятный машине. Высшее образование помечено цифрой 1, начальное — 6 и так далее.

Машина даст подсчет в самых разных направлениях, не только, к примеру, количество людей с высшим образованием. Тут же будут данные о том, сколько среди них женщин, сколько врачей и сколько агрономов, сколько на Украине и сколько в Эстонии, кто живет в городе и кто в деревне.

Эти цифры уже можно использовать в Госплане, в ЦСУ и вообще в народном хозяйстве.

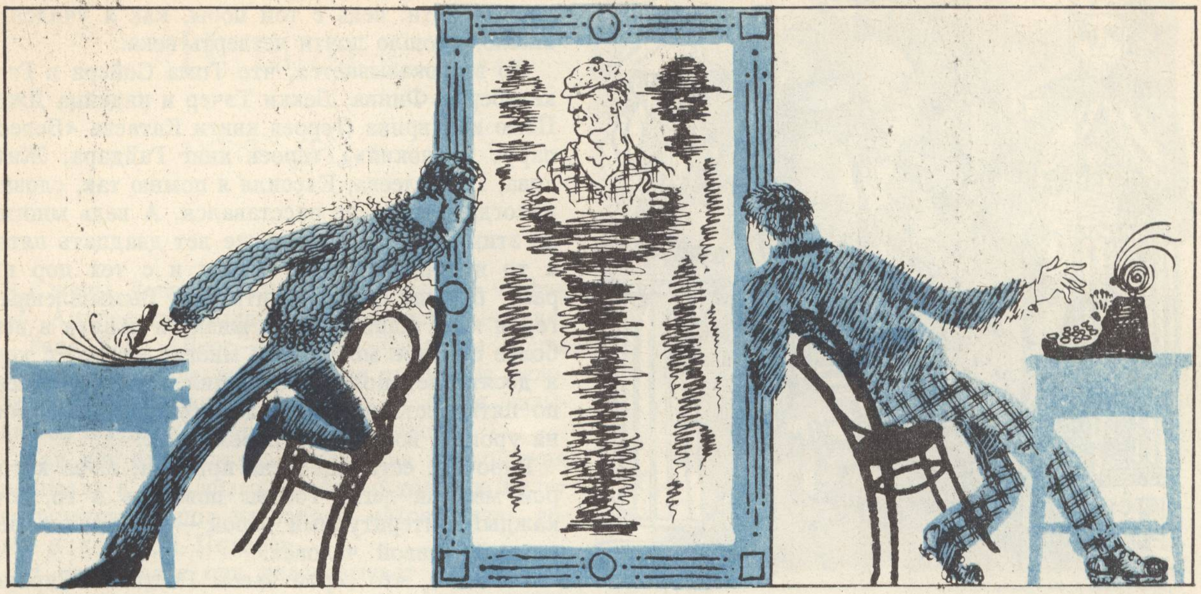
240 миллионов ответили на вопросы, вопросы подсчитаны, и теперь нужно их изучать, строить с их помощью планы на будущее.

«ПИОНЕР». Мы очень благодарны работникам ЦСУ за этот разговор. Думаем, что многие ребята, прочитав журнал, постараются помочь счетчикам, а значит, и всему огромному делу переписи.

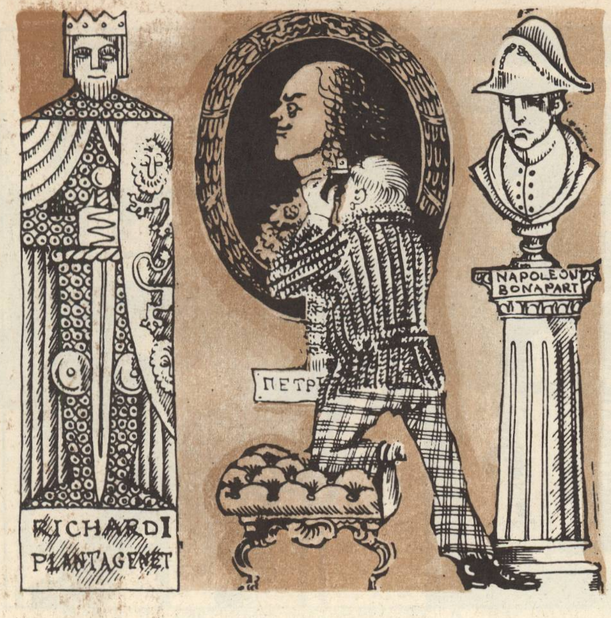
Б. САРНОВ

Писатель выдумывает или это было на самом деле?

Кем работает Остап Бендер?

В редакцию пришло такое письмо: «Я очень люблю романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Это самые любимые мои книги. Особенно нравится мне Остап Бендер. Он такой остроумный, веселый! «Золотой теленок» кончается тем, что Остап говорит: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы». Когда я читаю эти слова, мне всегда бывает жалко, что такой незаурядный человек не придумал для себя ничего лучшего, чем стать управдомом. Неужели это правда, что Остап Бендер так и не нашел своего настоящего места в жизни?

Дорогая редакция! Узнайте, если сможете,

кем теперь работает Остап Бендер и, пожалуйста, сообщите мне».

Может быть, найдутся охотники посмеяться над автором этого письма, над его наивностью.

Скажут:

— Вот чудак! Что ж он, маленький, что ли? Не знает разве, что писатели все выдумывают? Ясно ведь, что никакого такого Остапа Бендера на самом деле никогда не существовало...

Положим, автор этого письма действительно маленький. Ему всего двенадцать лет. Но очень часто такие письма пишут вполне взрослые люди. Писатель В. А. Каверин как-то рассказывал, что на протяжении многих лет он был буквально завален письмами, авторы которых, все как один, задавали один и тот же вопрос: как поживает и что нынче поделывает герой «Двух капитанов» Саня Григорьев?

Вообще уверенность в том, что все литературные герои — подлинные, живые лица, добросовестно и правдиво описанные писателями,— такая уверенность очень распространена.

Истоки этого убеждения понятны.

Герой хорошей, талантливой книги всегда бывает воссоздан писателем с такой физической ощутимостью, с такой наглядной убедительностью, что он невольно кажется нам вполне реальным, живым человеком. Сплошь и рядом даже более живым и более реальным, чем многие наши знакомые.

Вот простой пример.

Когда я учился в школе, в классе у нас было никак не меньше сорока человек. Сейчас я из них могу вспомнить лишь нескольких — тех, с которыми дружил, или тех, с которыми, наоборот, был связан долгой и страстной враждой.

Можно предположить, что остальных я не помню, потому что у меня плохая память или потому, что таково вообще свойство человеческой памяти: ведь с той поры, как я учился в школе, прошло почти четверть века.

Но вот оказывается, что Тома Сойера и Гекельберри Финна, Бекки Тэчер и индейца Джо, Петю и Гаврика (героев книги Катаева «Белеет парус одинокий»), героев книг Гайдара, Житкова, Пантелеева, Кассиля я помню так, словно никогда с ними не расставался. А ведь многие из этих книг я прочел тоже лет двадцать пять, а то и тридцать тому назад и с тех пор ни разу больше не перечитывал! Вымышленные герои книг вошли в мою жизнь и заняли в ней более прочное место, чем многие из тех, с кем я десять лет подряд проводил не меньше чем по пять-шесть часов на дню, сидел бок о бок на уроках, возился на переменах...

Впрочем, есть еще одна причина, из-за которой мы так легко готовы поверить в то, что каждый литературный герой — это вполне реальный, живой человек.

Известно, что герой пьесы Ростана «Сирано де Бержерак» действительно существовал, жил во Франции в XVIII веке.

Известно, что знаменитые Атос, Портос и Арамис тоже не выдуманы Александром Дюма. Писатель воспроизвел в своих романах многие подлинные факты и события, заимствованные из мемуаров реального д'Артаньяна, а также из других исторических документов.

Реальным историческим лицом был Ричард Львиное Сердце, описанный в романе Вальтера Скотта «Айвенго», и Робин Гуд, о котором рассказано в том же романе.

Герои романа А. Н. Толстого «Петр I» — Петр, Меншиков и другие — тоже жили на самом деле. И будущий светлейший князь Меншиков в детские годы действительно торговал пирогами с тухлой зайчатиной.

Список реальных, живых людей, ставших литературными героями, можно при желании развернуть на десяток, а то и на добрую сотню страниц. Причем в этот список попадут не только герои многочисленных исторических романов. Немало книг написано и о наших современниках, людях, которые живут где-нибудь совсем неподалеку от нас с вами.

Даже одних только приведенных примеров слишком много, чтобы их можно было счесть исключением из общего правила. Но вот что самое замечательное. Оказывается, даже в тех случаях, когда мы сталкиваемся с явно выдуманным, вымышленным героем, сплошь и рядом находятся люди, которые говорят:

— Ничего подобного! Это не выдумка! Это было со мной! Это меня писатель описал в своей книге...

И не просто говорят, а приводят доказательства: факты, документы. Эти факты и документы имеют, по-видимому, довольно большое значение для науки о литературе. Иначе вряд ли ученые-литературоведы стали бы тратить так много времени, сил, чтобы выяснить, был ли у того или иного литературного героя реальный, жизненный прообраз (как говорят в таких случаях, прототип).

«Наташа— это я!..»

У жены Льва Николаевича Толстого, Софьи Андреевны, была младшая сестра — Таня.

Таня Берс (Берс — девичья фамилия жены Толстого) вышла впоследствии замуж за человека по фамилии Кузминский и стала называться Татьяна Андреевна Кузминская.

Так вот эта Татьяна Андреевна Кузминская написала в свое время довольно толстую книгу воспоминаний под названием «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

В этой книге она рассказывает о том, как Лев Николаевич, еще в пору ее детства, часто ходил к ним в дом и как атмосфера и вся жизнь этого дома были потом воссозданы им в романе «Война и мир».

Кузминская точно называет, кого именно из ее родственников и знакомых Толстой вывел в своем романе и под какими именами.

— Борис Друбецкой,— говорит она,— это Поливанов. Графиня Ростова — живая мама... А Наташа — это я!..

Образ Наташи Ростовой — один из самых пленительных женских образов во всей мировой литературе. Естественно, что история создания этого художественного образа представляет чрезвычайный интерес для науки.

Литературоведы с большим вниманием отнеслись к утверждению Т. А. Кузминской, что она и есть Наташа Ростова. Вопрос был досконально изучен, и оказалось, что для такого предположения имеются весьма и весьма серьезные основания.

Нечто подобное утверждал, оказывается, и сам Толстой.

8 декабря 1866 года Лев Николаевич написал письмо художнику М. С. Башилову, который работал над иллюстрациями к «Войне и миру». Толстой уделил особое внимание рисунку, на котором была изображена Наташа. Рисунок этот Толстой называет прелестным, но все-таки дает понять, что не худо было бы сделать другой, воспользовавшись в качестве образца фотографией (как тогда говорили, «дагеротипом») Тани Кузминской.

«Я чувствую,— пишет Толстой Башилову,— что бессовестно говорить вам теперь о типе Наташи, когда у вас уже сделан прелестный рисунок; но само собой разумеется, что вы можете оставить мои слова без внимания. Но я уверен, что вы, как художник, посмотрев Танин дагеротип 12-ти лет, потом ее карточку в белой рубашке 16-ти лет и потом ее большой портрет прошлого года, не упустите воспользоваться этим типом и его переходами, особенно близко подходящим к моему типу».

Выходит, что и сам Толстой как бы подтвердил, что его Наташа — это Таня Кузминская. Во всяком случае, он прямо говорит, что облик Тани «особенно близко подходит» к созданному им «типу». А это уже не так мало.

Из этого можно заключить, что Толстой и в самом деле нередко описывал в романах живых людей, своих родственников, друзей, знакомых.

Кузминская уверена, что это так и есть.

Она приводит в своих воспоминаниях, например, такой случай:

«Я помню, когда вышел роман «Анна Каренина», в Москве распространился слух, что Степан Аркадьевич Облонский очень напоминает типом своим Василия Степановича Перфильева. Этот слух дошел до ушей самого Василия Степановича. Лев Николаевич не опровергал этого слуха. Прочитав в начале романа описание Облонского за утренним кофе, Василий Степанович говорил Льву Николаевичу:

— Ну, Левочка, целого калача с маслом за кофеем я никогда не съедал. Это ты на меня уже наклепал!

Эти слова насмешили Льва Николаевича...»

Как видим, Лев Николаевич довольно добродушно отнесся к слуху о том, что он вывел в своем романе живого человека, своего доброго знакомого. Он слуха этого даже не опровергал, а только посмеивался.

Но далеко не всегда дело ограничивалось шутками. Иногда слухи такого рода немало его раздражали.

Был однажды такой случай.

Одна из княгинь Волконских запросила Л. Н. Толстого, правда ли, что под именем князя Андрея Болконского он вывел в романе «Война и мир» какого-то ее родственника.

Толстой ответил на это предположение с яростью, едва прикрытой общепринятыми формулами вежливости:

«Очень рад, любезная княгиня, тому случаю, который заставил вас вспомнить обо мне, и в доказательство того, спешу сделать для вас невозможное, т. е. ответить на ваш вопрос. Андрей Болконский никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить...»

Желая, чтобы имена его героев звучали правдиво для слуха читателей, знающих отечественную историю, Толстой, называя своих персонажей, лишь слегка видоизменял подлинные, знакомые каждому русскому уху дворянские фамилии. Так появились в его романе Друбецкой, Болконский. (Слегка измененные подлинные фамилии: «Трубецкой, Волконский» и т. п.)

Эта замена в подлинной фамилии всего лишь одной буквы навела некоторых наивных читателей на мысль, что под видом Друбецкого в романе выведен какой-то реальный Трубецкой, а под видом Болконского — вполне конкретный Волконский. Оставалось только догадаться, кого именно из Волконских имел в виду писатель.

Догадок и предположений было много. И все они так раздражали Толстого, что в конце концов он даже написал специальную статью: «Несколько слов по поводу книги «Война и мир».

В этой статье он прямо и недвусмысленно заявил:

«Я БЫ ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЛ, ЕЖЕЛИ БЫ СХОДСТВО ВЫМЫШЛЕННЫХ ИМЕН С ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ МОГЛО БЫ КОМУ-НИБУДЬ ДАТЬ МЫСЛЬ, ЧТО Я ХОТЕЛ ОПИСАТЬ ТО ИЛИ ДРУГОЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО; В ОСОБЕННОСТИ ПОТОМУ, ЧТО ТА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КОТОРАЯ СОСТОИТ В ОПИСАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЮЩИХ ЛИЦ, НЕ ИМЕЕТ НИЧЕГО ОБЩЕГО С ТОЮ, КОТОРОЮ Я ЗАНИМАЛСЯ».

Заявление это вполне ясно и точно. Оно не допускает никаких двусмысленностей, никаких различных толкований. Из него определенно следует, что Татьяна Андреевна Кузминская ошиблась. Выходит, Толстой даже и не думал описывать ее в своем романе под именем Наташи Ростовой...

Но тогда непонятно, зачем он так настоятельно рекомендовал художнику Башилову изучать «Танины дагеротипы», чтобы использовать их в работе над рисунком, изображающим Наташу Ростову.

Чем больше читаешь писем Толстого, тем более странным и непримиримым кажется это противоречие.

С одной стороны, Толстой не устает подчеркивать, что описывание действительно существующих или существовавших лиц не имеет ничего общего с работой настоящего писателя.

С другой стороны, он то и дело обращается к родственникам, друзьям и знакомым с такими просьбами:

«Таня, милый друг, сделай мне одолжение. Спроси у Саши брата, можно ли мне в романе, который я пишу, поместить историю, которую он мне рассказывал...»

В одном из писем он прямо говорит, что у него в голове созрел план романа, в котором он хотел бы описать участника Бородинского сражения генерала В. А. Перовского:

«...Все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично. Что бы вы сказали и его родные? Не дадите ли вы и его родные мне бумаг, писем? с уверенностью, что никто, кроме меня, их читать не будет, что я их возвращу, не переписывая, и ничего из них не помещу. Но хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу...»

Так что же, может быть, Т. А. Кузминская все-таки была права? Может быть, Толстой просто не хотел посвящать широкую публику в секреты своего ремесла и сознательно утаивал истину?

«Эмма— это я!..»

Когда знаменитый французский писатель Гюстав Флобер написал один из лучших своих романов—«Госпожа Бовари», сразу поползли слухи, что в романе этом описана какая-то подлинная история, чья-то реальная судьба.

В маленьком французском городе, где происходит действие романа, до сих пор показывают туристам дом, где жила несчастная Эмма Бовари, аптеку, где она купила яд, чтобы покончить с собой.

Впрочем, говорят, жители какого-то другого маленького городка искренне убеждены, что история, описанная Флобером, на самом деле произошла у них в городе.

Литературоведы долго спорили о том, кто был прототипом Эммы. Высказывались разные предположения, назывались разные имена. Наконец большинство сошлось на том, что Флобер рассказал в своем романе историю некоего доктора Деламара и Дельфины Кутюрье, живших близ Руана.

И вот тут, когда, казалось, все было наконец выяснено и установлено, раздался еще один голос, который произнес:

— Эмма — это я!..

К голосу этому нельзя было не прислушаться, потому что он принадлежал самому Флоберу.

На первый взгляд заявление это кажется странным и даже довольно нелепым.

Что может быть общего между пожилым холостяком, готовым лишить себя всех земных удовольствий ради того, чтобы неделями отшлифовывать какую-нибудь одну фразу, доводя ее до предельной выразительности, и мечтательной, легкомысленной, любящей удовольствия, слегка безвкусной молодой женщиной?

Но Флобер не солгал.

С полным основанием он мог сказать «Эмма — это я!..», потому что вложил в облик своей героини немалую часть собственной души, наделил ее своими сокровенными душевными чертами, свойствами, особенностями. И кто мог знать об этом лучше, чем он сам?

То, что Флобер сказал про Эмму Бовари, в известном смысле мог бы повторить каждый писатель.

С ничуть не меньшим основанием мог бы и Толстой заметить: «Наташа — это я!..»

Толстой, пожалуй, даже с большим основанием, чем кто бы то ни было.

Всю свою долгую жизнь Толстой вглядывался в себя, изучал, исследовал, анализировал собственную душу. На протяжении всей жизни, стараясь не пропускать ни одного дня, он вел дневник, мучительно стремясь закрепить в слове и понять каждый оттенок чувства, каждое свое душевное движение.

Именно с попытки заглянуть в с е б я, понять с е б я начинается у Толстого сложный путь создания литературного героя.

То, что Флобер сказал про свою Эмму, Толстой мог бы сказать и про Наташу Ростову, и про Анну Каренину, и про Андрея Болконского, и про Пьера Безухова, и про Левина, фамилию которого он не зря образовал от своего собственного имени.

Каждому из своих персонажей Толстой отдал какую-то часть себя. Андрею Болконскому — свое юношеское честолюбие, свои разочарования. Пьеру — свою застенчивость, свои любимые мысли. Наташе — свою страстность, свой бешеный азарт, свое обостренное чувство жизни.

Без этого все они не были бы такими живыми!

Но, разумеется, создавая художественный образ, писатель «строит» его не только из материала, взятого у себя. На это даже Толстого не хватило бы. Кое-что приходится брать и со стороны.

В воспоминаниях той же Т. А. Кузминской рассказан такой эпизод:

«Я больна... Жар с каждым часом увеличивается... Слушая мои стоны и бред, Агафья Михайловна испугалась и пошла будить сестру. Через десять минут, как мне рассказывали, пришли Соня и Лев Николаевич... По словам Агафьи Михайловны, я встала с постели и в бреду пошла, не зная куда и зачем...

На другой день, когда бред прошел, Лев Николаевич спросил меня, что мне чудилось. Я... рассказала ему, что мне чудилось бесконечное поле, покрытое местами белой густой паутиной. Куда бы я ни шла, она ползла за мной,

обвивала шею, ноги, грудь, и я не могла дышать и не могла уйти...

— То-то ты все повторяла в бреду: «Тянется, тянется, снимите с меня...», а Соня спросила: «Что снять?» А ты такая жалкая была и опять повторяла: «Тянется...», а про паутину не сказала,— говорил Лев Николаевич.

Этот бред Лев Николаевич вложил в уста князя Андрея...»

Т. А. Кузминская, сама того не замечая, невольно опровергает тут свое давнее убеждение, что Наташа — это она.

Если бы Толстой действительно описывал Таню Кузминскую под именем Наташи, он бы рассказ Тани о ее болезни использовал, скорее всего, для характеристики именно Наташи. Но ему этот рассказ почему-то больше пригодился для характеристики другого героя.

Крохотный эпизод этот (а таких эпизодов в работе каждого писателя тысячи) неопровержимо свидетельствует о том, что «списывание с натуры» — лишь о д н о из множества мелких, подсобных средств, которыми писатель пользуется в своей работе. Но это ни в коем случае не основное, не главное средство. Главное все-таки — это то, что дает основание писателю сказать о своем герое: «Он — это я!»

Но тут возникает такой вопрос: сохраняет ли этот закон свою силу в тех случаях, когда литературный герой и в самом деле имеет реального прототипа? Ведь таких случаев, как я уже говорил, множество. У того же Толстого в «Войне и мире» действуют Наполеон, Кутузов, Багратион — вполне реальные исторические лица.

Что же все-таки происходит в тех случаях, когда натурой писателю служит вполне реальный, живой человек, когда не только какой-нибудь эпизод, какая-нибудь одна подробность, но и в е с ь с ю ж е т книги, в с е е с о д е р ж а н и е как бы «списаны с натуры»?

Герасим и Андрей. Снова Остап Бендер.

Многие из вас, конечно, читали повесть Тургенева «Муму».

История, описанная в этой повести, случилась на самом деле в усадьбе матери Тургенева, властной и своенравной помещицы Варвары Петровны.

Существовали в действительности и маленькая Муму и немой дворник, утопивший ее по приказу жестокой барыни. Только звали немого не Герасим, а Андрей.

История, послужившая основанием тургеневской повести, очень подробно описана в воспоминаниях воспитанницы матери Тургенева — В. Н. Житовой.

По мнению Житовой, Тургенев в «Муму» все рассказал точь-в-точь, как оно было на самом деле. С одной только маленькой поправкой.

В жизни немой дворник Андрей остался верен своей госпоже и до самой смерти преданно служил ей. А у Тургенева, как вы помните, Герасим ушел от своей барыни и вернулся в родную деревню.

Вот как описывает В. Н. Житова в своих воспоминаниях конец истории, случившейся с немым Андреем.

Помещица, довольная послушанием и преданностью немого, подарила ему десять рублей:

«От удовольствия и радости Андрей оглушительно мычал и смеялся... Он показал пальцем на свою барыню и ударил себя в грудь, что на его языке значило, что он ее очень любит. Он ей даже простил смерть своей Муму!»

А вот как кончается та же история в повести Тургенева:

«По Т-му шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Дорогу он хорошо заметил еще тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел по нем с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе с жадной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед...»

По мнению В. Н. Житовой, Тургенев описал в своей повести немого очень точно, с полным сохранением портретного сходства. Однако, если сравнить эти два отрывка, сразу становится видно, что перед нами, в сущности, два совершенно разных человека. В первом случае — какое-то тупое, забитое и покорное существо, вполне довольное своим рабским существованием. Во втором — человек, способный на сильные и глубокие движения души, не желающий тупо, покорно сносить издевательства, человек, уже осознавший свое человеческое достоинство.

Тургенев верно, с сохранением портретного сходства описал *внешность* Андрея, внешние, сразу бросающиеся в глаза особенности его характера. И тем не менее Герасим у него вышел совсем не таким, как Андрей. Произошло это все по той причине: как каждый истинный художник, Тургенев наделил его своим естественным чувством справедливости, своей жаждой независимости, своим сознанием собственного достоинства. И получился другой человек. Этот другой человек уже не мог поступить так, как кроткий, забитый, покорный Андрей. Он не мог «простить» свою барыню.

Он должен был взбунтоваться. Пусть этот бунт был еще довольно пассивным и частным. Но все-таки это был уже бунт!

Если бы Тургенев с той художественной силой, какая была ему свойственна, просто рассказал историю немого Андрея точь-в-точь так, как она происходила в жизни, даже в этом случае он создал бы замечательное произведение. Но тогда повесть начисто лишилась бы одного очень важного свойства.

Вложив в своего героя часть собственной души и изменив вследствие этого конец всей истории, Тургенев тем самым резко изменил смысл повести. Он как бы сказал этим: «Народ еще нем. Пока он безмолвствует. Но зреет в нем упорная, еле сдерживаемая сила. Настанет день, когда эта сила выплеснется наружу и народ перестанет покорно сносить издевательства своих угнетателей». Вышло так, что Тургенев как бы провидел тот день, когда запылают по всей России барские усадьбы. Он словно заглянул в будущее, увидел то, чего пока еще не было в жизни, но что рано или поздно обязательно должно было произойти.

Вот эту удивительную способность перерабатывать все жизненные впечатления на свой лад, изменяя, заново формируя их, и таким образом узнавать глубоко спрятанную, никому пока еще не видную п р а в д у о ж и з н и, люди и называют талантом писателя.

Тут самое время нам опять вспомнить про Остапа Бендера.

В сущности, с ним произошло примерно то же, что и с тургеневским Герасимом.

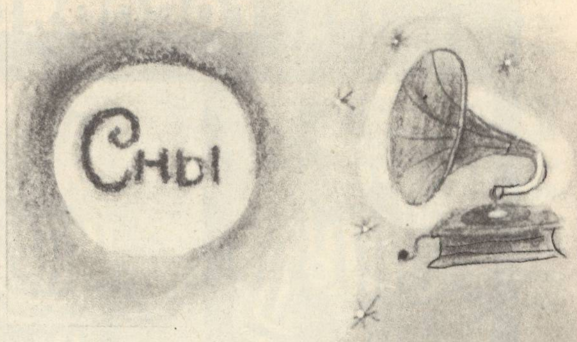
И. Ильф и Е. Петров хотели рассказать историю ловкого жулика. Но, работая над книгой, они, может быть, даже незаметно для себя, наделили своего героя некоторыми собственными чертами. Подарили ему свой юмор, свою наблюдательность, свой резкий, насмешливый ум, свои любимые словечки и выражения. В результате герой стал другим человеком: по-своему значительным, ярким, вызывающим сочувствие. От этого неуловимо изменился и весь смысл книги. Веселая поначалу, она к концу неожиданно становится вдруг грустной. Нет! Нам не хочется, чтобы Остап Бендер переквалифицировался в управдомы! Мы узнали его и верим, что он способен на что-то другое, лучшее.

Удастся ли ему реализовать лучшие свойства своей души, найти им применение в жизни?

Внимательно прочитав «Золотого теленка», вы сами ответите на этот вопрос, потому что авторы этой книги, как и подобает каждому истинному художнику, не только описали настоящее, но и заглянули в будущее, угадали и открыли в окружающей их жизни то, что было тогда еще никому не видно, а стало явным лишь много лет спустя. И удалось это им лишь потому, что, подобно Флоберу, подобно Тургеневу, подобно Толстому, они с полным правом могли бы сказать о своем герое: «Он — это мы!»

Генрих САПГИР

Сны

По вечерам,
По вечерам
Луна глядится
В стекла рам.
И спать ложатся
Чудаки,
Надев пенсне
Или очки,
Чтобы яснее
Видеть сны,
Слетающие
К ним с луны.

Притом одни
Привыкли брать
Карандаши
С собой в кровать,
Чтоб все во сне
Нарисовать.
Другие —
Свой магнитофон,
Чтоб записать
Красивый сон.

А этот пасмурный
Старик
Всегда одетым
Спать привык.
И без калош
И без пальто
Он не ложится
Ни за что.
Его задумчивые
Сны
Всегда дождливы
И грустны.

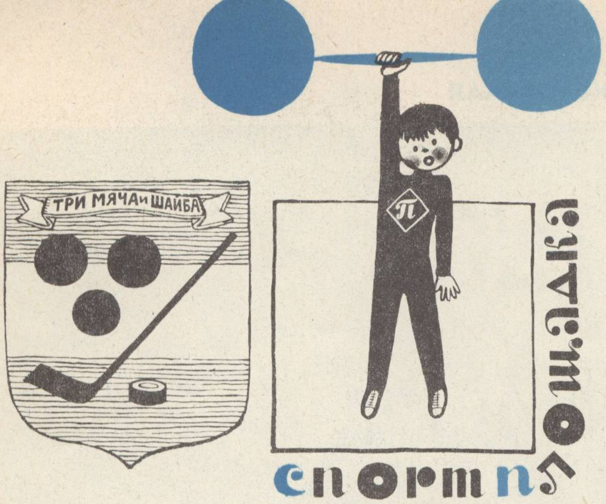

А вот — лукавый
Бородач.
Он под подушкой
Прячет мяч.
Он знает,
Что во сне опять
Он будет прыгать
И играть.

Лужайка будет,
Солнца свет —
И будет снова
Десять лет.

говорящие жесты

Три мяча — футбольный, баскетбольный и волейбольный,— а с ними хоккейная шайба договорились между собой встречаться с читателями по очереди.

Первую очередь в новом году мячи любезно предоставили шайбе.

Внимание, нарушено правило!

Льва Сергеевича Гусева многие знают как арбитра всесоюзной и международной категории. Но он еще и председатель Всесоюзной коллегии судей.

Встретившись с ним на ледяном поле, хозяйка клуба сказала:

— Не все ребята — приверженцы хоккея с шайбой, к сожалению, разбираются в «языке жестов», которым пользуются судьи во время хоккейного матча.

Шайба просила «главного судью страны» расшифровать немой язык судей.

Лев Сергеевич охотно согласился. Вот что он сказал.

1. Если судья вращает перед грудью сжатыми кулаками, он дает знать, что соперник атакует неправильно. «Нельзя так атаковать,— говорит он игрокам,— вы же это отлично знаете».

2. Ударяя сжатым кулаком в открытую ладонь, судья на поле словно говорит: «Нарушено правило № 605! Нельзя толкать игрока на борт ни туловищем, ни руками. Это грубо, друзья, за это полагается штраф — малый или большой, это уже по усмотрению главных судей».

3. Серия движений сжатыми кулаками вперед и назад на расстоянии примерно тридцати сантиметров от груди поясняет, что произошел недозволенный толчок руками. «Ай-ай-ай, тут и до драки недалеко!»

4. На снимке не видно, что судья постукивает снизу по локтю большим пальцем другой руки. Делая так, он говорит: «Ну вот, толкнули игрока локтем. Разве так можно?»

5. Судья поднял сжатые кулаки один над другим на высоту лба. Это значит, что игрок на поле играет клюшкой или держит какую-то ее часть выше своих плеч. «Опасная, запрещенная игра. Штраф!» Удар клюшкой, поднятой выше плеч, почти во всех случаях ведет к остановке игры. Взятие ворот при этом не засчитывается.

6. Этот жест — судья сжал запястье другой руки перед грудью — говорит: «Задержка!» Если команда каким-нибудь способом умышленно задерживает игру, придется кому-то из игроков по решению капитана отсидеть малый скамеечный штраф. Малый штраф получает и игрок, который намеренно сдвинул или опрокинул ворота.

7. Серия движений обеими руками, словно судья подтягивает что-то к себе,— знак задержки клюшкой. Кто-то из игроков задержал клюшкой соперника. Правило № 620 за такое нарушение налагает малый штраф. Если «зацеп» нанес сопернику травму — большой штраф.

8. Скрещивая руки перед туловищем ладонями вниз, судья сообщает: «Нет положения вне игры», «Нет проброса» или «Нет гола».

9. Несколько рубящих движений по руке — соперника ударили клюшкой. «Грубая, недопустимая игра, так не годится!» — говорит судья и накладывает на виновного штраф.

10. Рука со свистком, вытянутая вверх над головой, сообщает: «Свисток задержан». Нарушено правило положения вне игры. Если игрок возвращается в среднюю зону без остановки, судья опускает руку.

11. Ударяя правой рукой по правой ноге, как показано на снимке, судья дает знать, что кто-то из игроков подставил другому подножку.

12. Судья, из зоны которого происходит проброс шайбы, показывает своему коллеге знак поднятой вверх рукой. Увидя его, второй судья вытягивает руку с открытой ладонью и оттопыренным большим пальцем и показывает на шайбу. Судья, поднявший руку вверх, опускает ее, как только шайба пересекла линию — проброс завершен, судья, в зону которого вброшена шайба, поднимает руку. Тогда первый судья дает свисток и подкатывается к конечной точке вбрасывания.

13. Левая рука судьи ладонью вверх показывает место вбрасывания, а правая, вытянутая вверх над головой, держит шайбу.

14. Руки на бока, а потом правой рукой вперед с растопыренными пальцами — так судья выносит свой приговор нарушителю правил — штраф 5 минут.

15. А здесь: «Получи, товарищ, двухминутный штраф».

16. Этот знак — обращение к партнеру, который вбрасывает шайбу: «Подожди, не начинай пока игру!» Это бывает, например, при замене игроков или когда не все игроки покинули поле.

Ганна ОЖОГОВСКАЯ

ДВОЙКИ и трубочки с кремом

РАССКАЗ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Подумать только, всю ответственность за создание «Общества Украшения Жизни Жертвам Несправедливости» взвалили на Марцина Бигошевского! Вот уж несправедливость!

А ведь как призывают всегда ребят пробуждать в себе стремление к общественной деятельности! Сколько раз, как только Марцин увиливал от каких-нибудь мероприятий, слышал он об эгоизме, себялюбии и прочих дурных пережитках!..

И вот когда он наконец решился послужить обществу, то есть всему шестому «А», Марцина, как говаривали в старину, предали позору и бесславию на всю школу.

«Бесславие» вообще-то оказалось не таким уж страшным, потому что, как ни крути, а была в нем и слава. Ученики из других классов показывали на него пальцем и с интересом разглядывали. А в их лаконичных возгласах: «Ну и ну!» — можно было усмотреть не только удивление, но и признание.

Но это было потом...

— Просто невероятно! — восклицала учительница истории, высокая пани Скочелёва, с осуждением глядя на Бигошевского, который стоял посреди кабинета директора с видом жертвы, не знающей, за что ее собираются избивать камнями.

— Да-а-а... Чтобы такое придумать, надо... — строго произнес директор пан Керо. — Тут надо... Нет, просто слов не хватает. И как это тебе пришло в голову?

— Такого еще не бывало! — Географ Томашевский, держа руки за спиной, стоял у окна и переступал с пяток на носки и обратно. — Ни о чем подобном не слыхивали еще нигде на всем земном шаре, ни в одной школе, на какой бы широте и долготе она ни располагалась.

— Нет, как это тебе пришло в голову, Бигошевский? — повторил директор, но вопрос был скорее риторический, чтобы скрыть замешательство, в которое привело его неожиданное вторжение в кабинет пани Скочелёвой с учеником шестого «А» класса.

— И смотри прямо в глаза директору! — приказала историчка. — Имел смелость безобразничать, имей смелость и отвечать как мужчина.

Марцин поднял голову и посмотрел своими большими темными глазами в глаза директора. А что еще говорить? Ведь пани Скочелёва только что изложила все.

В директорском кабинете он бывал редко и всегда без особого удовольствия, но на этот раз не испытывал ни страха, ни стыда. Сам он фондом общества пользовался мало, это можно проверить, а если речь идет о целях общества, то они объяснялись самыми благородными побуждениями. На это и надо будет напирать. И он начал так:

— Я просто даже и не знаю... из-за чего... столько шуму...

— Что я слышу?! — воскликнула пани Скочелёва так громко, что черная челка подпрыгнула у нее на лбу. — Он это еще называет шумом!

— ...потому что цель общества вытекала из благородных побуждений...

— Из благородных побуждений!.. — вновь прервала пани Скочелёва, возмущенная до глубины души. — У тебя хватает еще наглости говорить здесь о благородных побуждениях.

Марцин, вскинув брови, посмотрел на пани Скочелёву, потом на директора, как будто вопрошая: так что же ему делать?

Директор вытащил платок и приложил его к лицу, закрывая подозрительно дрогнувшие губы.

Географ быстрыми шагами направился к двери, бросив:

— Я... потом... — И скрылся.

— Сейчас, гм... сейчас... — кашлянул Керо. — Я вижу, тут история длинная. А ну подойди поближе, чтобы я тебя лучше слышал. А вас, коллега, я благодарю и больше не задерживаю. Только окажите мне услугу и напомните в секретариате насчет месячных проездных билетов. Спасибо, до свидания.

Пани Скочелёва, сжав губы, покинула кабинет, а директор обратился к Марцину:

— Слушай, Бигошевский, я тебя не первый день знаю, так что давай без дураков, а коротко

SZKOLA

и самую суть: за что вы Свентолайтышевича вздули?

— Да разве мы его собирались бить? Вздуть-то надо было Соберайского, а не его.

— Ты не крути. Парень в синяках. Мать его была у меня, всю куртку, говорит, ему разорвали.

— Сам нарвался! Ребята были злы на Соберая за те двадцать трубочек с кремом. А как началась драка...

— Не пойму, какие трубочки?

— Ну... вы же слышали...— И Марцин неохотно принялся объяснять.— Кому из членов общества влепили «пару», тот получал из кассы пять злотых. Когда общество образовалось, так еще мороженое было. За пять злотых — большая порция. А зимой выдавали пять злотых на жевательную резинку или трубочки, кто что хочет. Все-таки можно жизнь подсластить перед тем, как домой с двойкой вернешься, верно ведь? А Соберай... Соберайский, значит, ради этих трубочек на все готов. Вот он нарочно двойки отхватывал и трубочки уминал. А тут как раз олимпиада была, всем не до того, все только про олимпиаду и говорили... Ну, а Соберай — раз, два — весь фонд и проел. Вчера Свин... то есть Свентолайтышевич, схватил двойку по географии, идет к казначею, а тот: «На вот, выкуси да оближись. В кассе ни гроша». Свин на него: «Растратил, да?» А Костек, это кассир, обиделся. Он зовет ребят, показывает кассовую книгу, а там подписей Соберайского на сорок злотых! Тут бы и вы не выдержали. Это что же, за пять дней — сорок злотых?! Тогда Басинский говорит: «Отдай деньги», а Соберай ему: «Пошел ты». Ну, тут ребята и я тоже... Все общественные деньги на трубочки с кремом? Один? И давай... это... Свин полез в середку, а ребята, которые позже прибежали, думали, что это Свин виноват, потому что Свин тоже едок дай бог. Ну и начали Свина...

— Это что же, все на одного?

— На двоих, потому что Соберaю тоже хорошо перепало, но он-то хоть знал, за что, и ничего не говорил. А Свину, понятно, обидно: денег за свою «пару» не получил и еще... это...

— И давно ваше общество существует?

— С осени.

— Какой был членский взнос?

— Небольшой, пятьдесят грошей в неделю, но ребят было куда больше. Из других классов тоже хотели, мы в каждом классе хотели отделения открыть. Так хорошо эта общественная работа шла...

— Ты, конечно, председатель?

— Так ведь выбрали,— скромно сказал Марцин,— как откажешься?

— И как тебе такой «гениальный» замысел пришел в голову?— спросил директор, качая головой явно от восхищения.

— Жизнь подсказала. Как-то Болт из нашего класса получил «пару» и шел домой сам не свой. Смотреть было больно на человека, потому что Болта отец за двойку порет. Ну, Немек Баторович и купил ему большую порцию мороженого. Болт как-то сразу приободрился. Тут у меня в голове и блеснуло: всегда бы так. Как кто упадет духом, так его сразу поддержать, руку по-товарищески протянуть...

— С мороженым!.. Ах вы, умники несчастные!— вздохнул Керо.— Руку протянуть... Да, звучит красиво: «Украшение Жизни Жертвам Несправедливости». Только это не руку протянуть, а ножку подставить. Подумай над этим.

— Да ведь кто мог знать, что Свин так эти трубочки любит?

— Как же теперь с этим обществом?

— Одна кассовая книга осталась. И все из-за одного обжоры!

— Ох, вот вы где у меня сидите!

— А у меня!.. Ребята говорят, что это жульничество, что другой раз уже не дадут себя провести. А что я могу сделать? Ведь сказано было: за двойку — пятерка. Костек платит — распишись. Формально все в порядке. А получилось что?!

— Ты, Бигошевский, смотри мне. Ты у нас не на лучшем счету... Все у тебя этот глобус не так, как надо, крутится. Подумай... И изволь все уладить... Значит, так: матери пострадавшего все объяснить и извиниться. С товарищем помириться. Завтра доложить. Понял? У меня все. Кругом!

— Слушаюсь! — щелкнул каблуками Марцин, четко повернулся и строевым шагом вышел из кабинета.

Вся школа знала, что Керо — бывший офицер и любит иногда обходиться по-военному...

*

В первую минуту Марцин почувствовал облегчение. А потом задумался. Керо любит подкинуть какой-нибудь орешек. «Подумай!» А чего тут думать, все уже ясно: задумано было хорошо, только не до конца продумано. Лучше надо было смотреть, кого принимаешь. Вот, скажем, Немек: двойки никогда не схватит, а взносы платит аккуратно. С такими касса вот бы как распухла!.. В конце года можно было бы что-нибудь устроить для всех...

— В другой раз хорошенько устав обмозгуем,— сказал вчера Костек, но с Марцина пока что хватает всяких обществ. Вот она, благодарность за его инициативу. И что он от этого имел? Две порции мороженого. Да еще извиняться теперь перед матерью Свина. А разве он один дрался со Свином? Изорвана куртка. И вовсе не куртка, а только свитер...

— Ну, что? — спросил Костек, дожидавшийся у двери класса.

— Приказано со Свином все уладить и извиниться.

— Что я слышу?! — воскликнул Костек, в точности как пани Скочелёва.— Это кто же будет перед ним извиняться за то, что он сам в драку полез? Я? Ну, нет!

— Извиниться перед его матерью и все объяснить. Будто взрослым можно что-то объяснить! Но мы должны это сделать. Так сказал Керо.

— Мы — это значит кто? — спросил Костек, подозревая что-то неладное.

— Это значит: я и ты. Ничего не поделаешь. Вот она, награда за наши труды,— добавил он с горечью.

— Ничего себе! — вздохнул Костек и поскреб свою немодную, только что подстриженную по приказу матери шевелюру...

Томек Свентолайтышевич жил на Новогрудзской в старом, чудом уцелевшем довоенном доме.

Друзья встали, задрав головы, посреди узкого двора.

Уже смеркалось. В одном из окон Свентолайтышевичей на третьем этаже зажегся свет.

— Сначала уладим дело со Свином,— решил Марцин.— Ему тоже надо все объяснить. Пусть сам поймет: кто дерется, тому достается. А уж потом пойдем извиняться перед матерью.

— Вызовем его,— предложил Костек,— на дворе лучше говорить.

— Ладно,— согласился Марцин и громко крикнул в сторону окон на третьем этаже: — Сви-ин!

В колодце двора так и зазвенело.

— Свин! — крикнул еще громче Костек.

Неожиданно позади ребят возник какой-то мужчина — уж не дворник ли?

— Что это еще за крик?

— А разве мы кричим? — удивился Марцин.— Просто товарища зовем.

— Идите в дом или убирайтесь отсюда! — рассердился мужчина.— Еще доказывать будут, что не кричат. Ну!..

Пришлось подниматься по лестнице. Звонок, как только на него нажали, взвыл, будто пожарная сирена.

Дверь открыла женщина. Голова ее была наспех повязана цветным полотенцем, из-под которого торчали темные, влажные пряди.

— В чем дело? — спросила женщина, оставив без внимания вежливый поклон.

— Мы к Свину...— сказал Марцин.

— К кому? — переспросила женщина, сдвинув с уха полотенце.

— К Свину! — закричал Марцин, решив, что она плохо слышит.

— Не туда попали! — закричала в ответ женщина и уже хотела закрыть перед их носом дверь, когда они заметили за ее спиной Томека.

— Свин! Мы к тебе! — завопили оба так, что перепуганная дама с полотенцем на голове отшатнулась от порога. Ребята восприняли это как приглашение войти и немедленно воспользовались им.

— Свин! Мы тебе хотим все объяснить. Только, может... Может, ты выйдешь?

Тут открылась дверь из комнаты, и появился высокий, плотный мужчина, на которого Томек был очень похож,— наверняка отец.

— Да-а-а...— протянул обиженно Томек.— Сейчас объяснять, а вчера отлупили, не знаю как.

— Сыночек! — воскликнула дама в полотенце.— Это они тебя избили? Кто они?

— Это вот Бигос, а тот Пшегонь,— указал пальцем Томек,— говорят, что пришли объясняться.

— Прошу прощения,— вежливо сказал Марцин, обращаясь к даме,— это вы будете мать Свина?

— Я?! Санта мадонна! Я?! — поперхнулась та от возмущения.— Я должна быть матерью Свина?!

— Что это еще за театр, черт возьми! — крикнул мужчина и гулко захлопнул входную дверь, отрезав тем самым путь к бегству.— Что это за мальчишки? Сейчас же говори, пока я не вышел из себя!

— Но я же го... говорю,— выдавил, заикаясь от страха, Томек.— Ребята из нашего класса.

— Это они тебя вчера избили?

— Они. Вот этот, Бигос, был председателем общества.

— Они изорвали твой свитер? — грозно осведомилась мать.

— Они. Вот этот, Костек, собирал взносы.

— Свин, говори правду! — воскликнул Костек, видя, что ситуация осложняется.— Ведь не одни мы тебя били!

— Что это еще за «свин»? Немедленно говорите, что это за «свин»? — кипела пани Свентолайтышевич.— Что это такое? Я с ума сойду!

— Свин... это я...— неохотно признался Томек.— Так меня в школе зовут.

— Видите ли...— поспешил с комментарием Марцин.— Полностью произносить Свентолайтышевич было бы длинно, неудобно, поэтому мы покороче — Свин, и все. Меня ведь тоже...

— О, какой ужас! С кем ты водишься, сыночек. Избили, оскорбляют, называют свиньей и еще домой являются! — Мать задыхалась от гнева.— Издеваться над товарищем!.. Над его родителями... Это уже предел наглости!

— Слишком длинно, говоришь? Неудобно, говоришь? — прохрипел отец Томека, оглядываясь в поисках чего-то. Наконец, выдернув из-за радиатора плетеную выбивалку, он принялся угрожающе ею размахивать.— А втягивать невинного ребенка в какие-то подозрительные общества, делать его жертвой... или, как там... принуждать жертвовать взносы — это вам не длинно?! Да я

вас сейчас самым коротким путем с третьего этажа спущу! Вон!!!

Последнему слову сопутствовал громкий стук двери и свист прорезавшей воздух выбивалки.

Дорога с третьего этажа на улицу действительно была удивительно короткой...

Как было приказано, Марцин до уроков явился с рапортом к директору.

— Улажено?

— Улажено, пан директор. Выбивалкой.

— Что это значит?

Марцин коротко изложил ход событий, разукрасив только самый финал, то есть тот момент, когда они «с достоинством покинули квартиру».

— Та-ак,— поскреб подбородок Керо.— Значит, родители Свентолайтышевича все еще расстроены. Пожалуй, следовало бы погодить с этим визитом, а?.. Ну, как бы то ни было, ты свое сделал. У меня все. Можешь идти. Только прошу тебя, Бигошевский, на будущее заранее обдумывай свои затеи. Ладно?..

Перевел с польского
Ю. АБЫЗОВ.

Каникулы. Ранний зимний вечер. За окном лениво движется снег. Марина и Лёка сидят на диване, поджав ноги, и читают. Мама уехала в командировку, папа придет поздно, у него занятия в институте. Алешка, их сосед, уехал в лагерь, и вообще грустно.

— В чем я завтра пойду на елку? В чем? — ноет Лёка.

— Пожалуйста, не реви. Лучше пойди разогрей бульон.

— Не хочу обедать. Сейчас каникулы. Буду есть конфеты, и...

В это мгновение за окном вспыхнул ослепительный свет, что-то засвистело, распахнулась форточка, и в комнате закружился снежный вихрь. «Динь-дон-динь» — послышался перезвон колокольчика, и вихрь умчался на улицу, форточка сама собой захлопнулась, а на любимом мамином кресле, в уголке, девочки увидели маленькую красную фигурку. Все было красное: и сапожки, и клетчатая юбка, и свитер, и щеки с ямочками, только чернели бусинки-глаза и короткая косичка на затылке да в руках была зеленая шапочка с колокольчиком вместо помпона.

— Калинка! — обрадовались девочки.— Ты не улетишь сразу?

— Нет, я пришла к вам в гости,— сказала Калинка.— Куда положить шапочку-невидимку?

— Куда хочешь! На кресло, — сказала Марина,— или на полку...

— Шапочку надо повесить на вешалку,— задумчиво сказала Калинка,— но там столько разных вещей: и шубы, и Маринин домашний халат, и мокрая лыжная куртка, и школьный фартук...

— Мой,— вздохнула Лёка.— А на диван?

— На диване шапочке совсем не место, тем более там бумажки конфетные и даже конфета прилипла. На полке двухдневная пыль.— Калинка осмотрелась.— На полу сор, в кухне немытая посуда, и через стенку видно.

Калинка нахмурилась и сердито топнула своим красным сапожком. «Динь-дон-динь»,— она хотела было уже надеть шапочку, но еще раз внимательно посмотрела на погрустневшую сразу Марину, потом на расстроенную Лёку, потом на диван с бумажками и решительно сказала:

— Хорошо, остаюсь... Тридцать минут даю вам на уборку или...

— Калиночка! Или не будет.— И девочки заметались по комнате с пылесосом и тряпками.

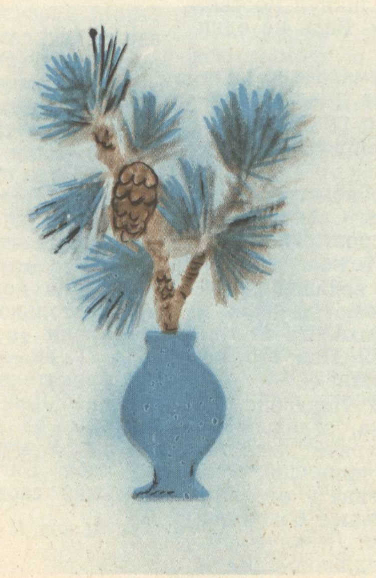
Калинка присела на спинке кресла и, болтая ногами, посматривала, как суетятся девочки. Косичка ее раскачивалась влево-вправо, словно часовой маятник.

— Плохо, когда дом похож на сарай, но еще хуже, когда в доме каждую секунду вылизывают полы, сдувают несуществующие пылинки и с ужасом смотрят на ботинки входящего в дом, как будто высчитывают, сколько он принес пыли на своих подошвах. В такие дома я не хожу. Там не знаешь, куда сесть и что делать. Еще тапочки заставляют надевать.

— А мама говорит, дома надо надевать тапочки,— сказала Марина.

— Тебе и Лёке обязательно, и маме, и папе. И Алеше, он ваш друг и бывает у вас почти каждый день. А гость пусть вытрет хорошенько ноги — у подъезда есть специальная решетка, перед вашей дверью есть резиновый коврик, в коридоре еще мягкий коврик, который Лёка чистит сейчас пылесосом. Тогда тапочки не нужны.

— Калинка! — Лёка опрометью влетела в комнату.— Ровно тридцать минут! И... ты можешь повесить свою шапочку на вешалку.— Она сделала церемонный реверанс, как учили в школе на уроке танца, и все засмеялись.

— Молодцы! Дом очень чистый и очень милый. Чтобы он стал еще приветливее, обязательно нужны цветы. Зимой могут быть еловые или сосновые ветки. Лёка, налей воду в эту синюю вазу.

Калинка хлопнула в ладоши, в комнату влетела пышная сосновая ветка с кругленькой симпатичной шишкой и опустилась в вазу.

— Много веток и не надо. Как красиво стоит одна! И пахнет! Кстати, добавьте в воду **чуть-чуть лимонной кислоты, мела и желатина**, и ветка будет стоять очень долго. Вот дом и улыбнулся... Приятно жить в таком доме.— Калинка с удовольствием прошлась по комнатам.

— Пока вы прополощете пыльные тряпки и вымоете руки, я займусь посудой.

— Не надо, Калиночка,— сказала Лёка,— там такие кастрюли!

— Манная каша подгорела, а молоко убежало,—добавила Марина,— не отмоешь и за год.

Калинка улыбнулась и исчезла, но через минуту появилась снова.

— Не беспокойся,— сказала Марина,— мы домоем руки и все сделаем.

— Не беспокоюсь, я уже все сделала.

Девочки переглянулись и побежали в кухню. Какая там была чистота! Как сияла посуда! Плита была вымыта до блеска и даже кухонное полотенце было выстирано и сушилось на веревочке. Марина взяла кастрюлю и с восхищением ее оглядела.

— Очень просто! — сказала Калинка.

Эмалированную кастрюлю вначале надо помыть водой с мылом, потом налить в нее воды и прокипятить с питьевой содой, а потом потереть жесткой мочалкой.

И кастрюли всегда будут чистейшими. Вы сами готовите обед?

— Мы,— девочки переглянулись,— мы...

— Нет, Калинка,—сказала твердо Лёка,— мы не готовим обед. Мама готовит, а вчера папа бульон варил, и бульон у него получился невкусный. Даже обедать не хочется.

— Вы до сих пор не обедали!— Калинка задумалась. — Хорошо, обед, так обед. Показывайте бульон. Темный, невкусный. Но зато есть большой кусок мяса. Что есть еще?

— Овощи, кажется, есть,— нерешительно сказала Марина,— крупа...

— А в холодильнике?

— Совсем мало. Папа сегодня принесет продукты,— сказала Лёка и открыла холодильник.— Три вареных картошки, стакан сметаны, огурец соленый, четыре яйца, три из них крутые, переварились вчера. Одно яблоко, немного масла и баночка горчицы.

— Превосходно. Будет чудный обед. Сегодня я шеф-повар, а вы мои помощники.— Калинка хлопнула в ладоши, и прямо к ней в

руки прилетел фартук, белоснежный, накрахмаленный и великолепно отглаженный. Девочки не удивились: они знали, что форточка в большой комнате открыта и фартук попал сюда через форточку. Лёка повязала мамин фартук, а Марина — просто полотенце.

— Сейчас,— Калинка прислушалась к чему-то,— ровно пятнадцать минут шестого. Через двадцать восемь минут сядем обедать. Делать все будем быстро, а для этого перед началом надо повернуться на одной ножке, тогда импульсы большой системы входят в соответствие с...— и рассмеялась.— Ах, вы не знаете! Это третья ступень Академии Домашних Волшебников.

— Калинка, зачем волшебникам домашние дела?

— Как зачем? Предположим, надо расстелить скатерть-самобранку. Быстро, в одну секунду, произносишь рецепты выбранных кушаний, добавляешь три фантасмагических слова — и все готово. Но чтобы точно произнести рецепт, надо это блюдо уметь прекрасно готовить. Пока руки не сделают, голова не запомнит,— это главная хитрость домашнего искусства.

— Вот бы нам в эту Академию! — мечтательно вздохнула Лёка.

— Очень хотите?— спросила Калинка.— Хорошо. Принимаю вас в Академию Домашних Волшебников, но только в приготовительный класс.

— Ура! — обрадовались девочки.

— Итак, академики-приготовишки, за работу. Наш первый урок.

ОБЕД ИЗ ТОГО, ЧТО ЕСТЬ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

— Кто хочет все делать быстро, крутись на одной ножке.

Девочки перекрутились, и, правда, сразу стало весело-весело и захотелось все делать быстро-быстро.

СУП С МАННЫМИ КЛЕЦКАМИ И МЯСНОЙ САЛАТ.

Лёка готовит суп, а Марина салат. В салат пойдет мясо из бульона, три картошины, луковка, соленый огурец, яблоко и крутые яйца, кроме одного желтка. Все порезать кубиками, смешать в этой красивой глиняной миске и залить соусом.

Соус — очень ответственная операция, от него зависит, вкусный ли будет салат. В большой чашке надо растереть крутой желток с сахаром (полная чайная ложка), горчицей (половина ложки) и солью (четверть ложки), потом добавить стакан сметаны. Хорошенько размешать и попробовать. Ложку лизать не надо, капни на левую ладонь капельку — руки ведь чистые — и лизни. Вкусно? Нет? Добавь чуть-чуть соли и пол-ложки уксуса и хорошенько размешай. А теперь? Очень вкусно! Мешаем салат и заливаем соусом. Вот и готово.

— Бульон разогрелся,— сказала Лёка.

— Прекрасно. Теперь процеживай бульон через ситечко в две маленькие кастрюли: одну на сегодня, другую на завтра. Завтрашний закипит и отставим в сторону. Головку лука и крупно нарезанную морковку, три минуты потушенные в масле на сковородке, чтобы только подзолотились, бросим в сегодняшний.

Пока бульон закипит, делаем клецки. В чашке растираем сырое яйцо с чайной ложкой сливочного масла. Чуть присаливаем и всыпаем потихоньку две с половиной столовых ложки манной крупы, все время растирая, чтобы получилось тесто, как очень густая сметана.

Уменьшаем огонь. Краешком чайной ложки берем маленькие длинные ломтики теста и бросаем в слегка кипящий бульон. Быстро, одну за одной. Все. Проводим ложкой по дну кастрюли, чтобы ничего не пристало, и прикрываем крышкой, пусть потихоньку кипят. Через десять минут заглядываем в кастрюлю — клецки были маленькие, а стали пышные и аппетитные, так и выпрыгивают из кастрюли. Бульон посветлел и порозовел. Попробуем. Соли достаточно? Да. Можно бросить горошину душистого перца или пять горошин черного и пол-ложки сухой зелени петрушки или укропа. Снимаем с огня — суп готов. Ровно двадцать пять минут... Три минуты осталось, чтобы собрать на стол...

— Вот это салат! — сказала Лёка, подбавляя себе еще.

— Салат «ЧТО ЕСТЬ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ», — улыбнулась Калинка.— Можно делать любые вариации. Вместо мяса — сосиски или колбаса, вместо яблока — сырая тертая морковь, вместо огурца — моченая брусника и так далее, бесконечно.

Теперь закройте глаза. Откройте! И достаньте консервный нож.

Перед девочками на столе оказалась большущая банка с персиковым компотом. На крышке, плотно прикрывающей банку, был нарисован розовый персик и калиновый листок.

— Вкусно! Это ты сама, Калинка? — догадалась Лёка, приканчивая вторую чашку и ласковыми глазами поглядывая на оставшиеся персики.— Я бы ела, ела, но больше не могу. Сейчас зима, а персики как будто с дерева. Неужели мы с Мариной сможем когда-нибудь сделать такой вкусный компот?

— Не когда-нибудь, а будущим летом обязательно научу вас консервировать. И шить будем, и вязать, и многое другое.

— А сегодня будем шить? — хитро прищурившись, спросила Лёка.— Одна девочка идет завтра на елку. Сошьем ей платье в одну секунду.

— Никогда не хитри,— рассердилась Калинка.— Просто скажи что завтра в школе елка и тебе хочется пойти в новом платье. Так?

— Так,— пригорюнилась Лёка.

— Сама себя наказала. Если бы не хитрила, я нарядила бы тебя в односекундное платье, а теперь не могу. Но, пожалуй, можно твое школьное платье превратить в нарядное. Хочешь?

«ОДИН ВОРОТНИК, ДВА МАНЖЕТА»

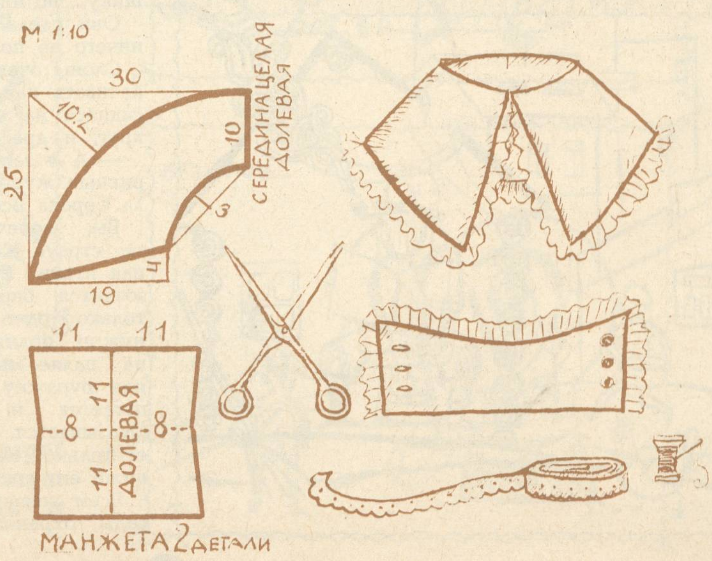
Во-первых, платье надо почистить мокрой щеткой и хорошо проутюжить через влажную тряпку, аккуратно заглаживая все складочки. Теперь дайте лист бумаги. Смотрите, сколько разных воротничков можно сделать. Я думаю, тебе пойдет этот, с отделкой шитьем. Из пике или батиста скроим двойной воротник и двойные манжеты, к первой половине приметаем чуть присобранную полоску шитья. Сшиваем обе половинки вместе и строчим. Теперь выдернем метку и простираем в теплой воде с «Лотосом» или «Чайкой». Густо подкрахмалим (одна большая ложка крахмала на литр воды), высушим. Хорошенько вытягивая, выгладим. Какое красивое стало платье!

Вот и готов твой завтрашний наряд. Выглади с вечера самую красивую ленту, начисть туфли до лаковой зеркальности, завтра с утра пройдись с Мариной на лыжах, чтобы было веселое настроение, и, я ручаюсь, не будет на елочном балу девочки наряднее тебя.

— А я,— Калинка прислушалась к чему-то,— улетаю.

Она сняла с вешалки свою шапочку с колокольчиком и хлопнула в ладоши. В форточку с тихим свистом влетел калиновый листок, Калинка ловко прыгнула на него и в одну секунду исчезла за окном в крутящихся снежных вихрях. «Динь-дон-динь» — послышалось девочкам.

— Ждите меня, до свиданья.

КЛУБ

— Давненько мы вместе не собирались. Вот уже и Новый год наступил. У ребят каникулы начались, а у нас — самая работа. Ну, рассказывайте, где кто побывал за это время.

Бабушка Белобока взяла блокнот, новенькую шариковую ручку, уселась в председательское кресло и приготовилась слушать.

— Ой, ой, ой! Чуть не опоздала! — затрещала взъерошенная Сорока Балаболка.— Я на настоящем пожаре была. Вот! — хвастливо сказала она.— На самом настоящем пожаре. Петька Иванов из шестого «Б» каску надел — он теперь в пожарниках — и думал, что я его не узнаю. А я его сразу узнала.

— Подожди, подожди, какой Петька? Почему в пожарниках? Ничего не понятно,— рассердились сороки.— Рассказывай все по порядку!

— Недавно я была на занятиях Добровольного общества юных пожарников. И Петька Иванов рассказал мне, какая произошла с ним

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Когда я только поступил в пожарное общество, я все ходил и высматривал, не горит ли, не дымит ли где-нибудь что-нибудь. И вдруг я увидел: из сарая у нас во дворе повалил дым.

Я обрадовался, помчался домой, схватил кастрюлю с борщом, быстро долил ее водой — и бегом к сараю. Сарай оказался запертым изнутри. Но это меня не остановило. «Главное, не теряться! — подумал я.— Нужно действовать быстро и решительно». Я взобрался на крышу, вылил содержимое кастрюли прямо в дырку в крыше.

Не успел я ее вылить, как дверь сарая открылась, и на пороге появился мокрый наш дворник.

Это он что-то делал в сарае и курил трубку.

Дворник крепко взял меня за плечо — я и не думал вырываться — и повел домой. Мы оба были очень расстроены.

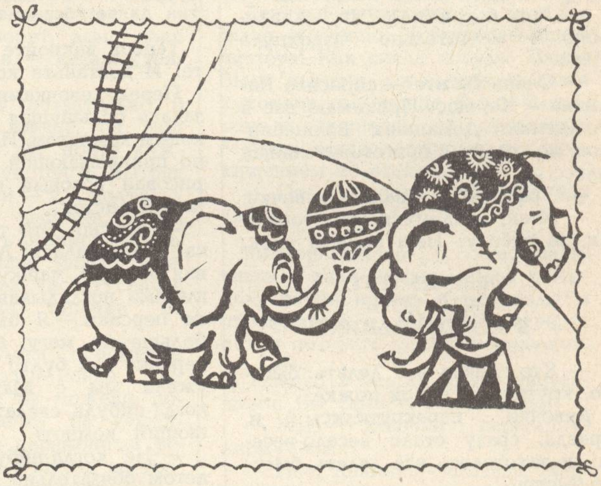
— Так, так, так,— постучала клювом Сорока Белобока и стала записывать эту историю в свой блокнот.

О СЛОНАХ

— Я недавно в цирке была. И с самым главным слоном и слонихой познакомилась. Слон меня всем зверям в цирке представил и на представление пригласил,— сказала Сорока Путешественница.

Вообще-то мои знакомые слоны очень послушные и умные. Они умеют танцевать вальс, делают стойку на передних ногах, берут в хоботы канат и раскачивают его, как качели.

И они хорошо знают: за каждый трюк им полагается лакомство. Но на этот раз сахара в кармане дрессировщика не оказалось. Слоны протанцевали

вальс и привычно протянули хоботы к дрессировщику... но ничего не получили.

Они сделали стойку на передних ногах и снова ничего не получили. Это было уже слишком!

Слоны очень рассердились, но все-таки стали раскачивать канат и — лучше бы уж дрессировщик не садился на него! — раз, два, три... Качели описали круг, и дрессировщик полетел прямо в оркестр...

— А я залетала в читальню, листала разные старинные журналы и вот что там вычитала,— заявила Сорока Всезнайка.

Вы, конечно, знаете: страус — очень сильная птица. Если он разозлится, берегись! Тогда только одно спасение: нужно поднять высоко на палке свою шляпу или фуражку, страус испугается и отступит. Оказывается, он нападает только на тех, кто ниже его ростом.

Всем известно, что сады охраняют собаки.

Сорок сорок

А вот один крестьянин на Зондских островах приручил удава. Он не только охранял сад, но и сбрасывал с деревьев спелые плоды.

А этот случай произошел во время матча. Нападающий сильно ударил по мячу. Мяч взлетел в воздух и... не вернулся. Его схватил в когти пролетавший над стадионом орел.

Один чудак-шахматист положил камбалу в плоскую стеклянную банку, а банку поставил на шахматную доску, и через некоторое время камбала стала пятнистой, на ней можно было играть в шахматы.

НОВОСТИ С СОРОЧЬЕГО ХВОСТА

Одному маленькому мальчику часто говорили:

— Какой ты красивый, за тобой будут бегать все девчонки!

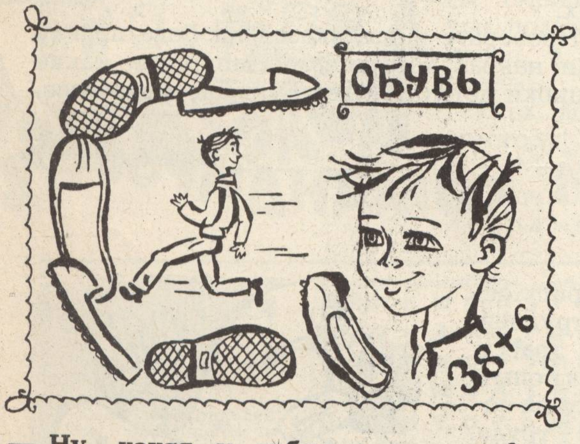
А он невозмутимо отвечал:

— Что вы? Я так быстро бегаю, меня ни одна девчонка не догонит!

●

Малыш пришел в обувной магазин:

— Ой, сколько тут галош, и все вымытые!

— Ну, какая у тебя температура? — спросил у больной девочки врач.

— Сорок четыре.

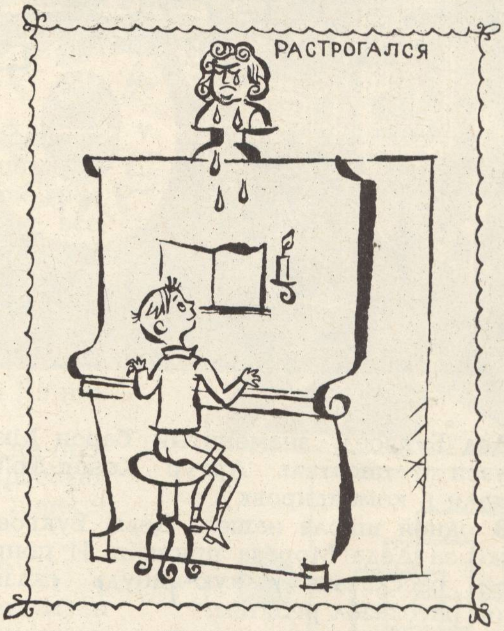
— Что ты говоришь? Как сорок четыре?

— Сорок четыре. Утром мама сказала: «У тебя, доченька, тридцать восемь и шесть».

ОБЪЯВЛЕНИЕ

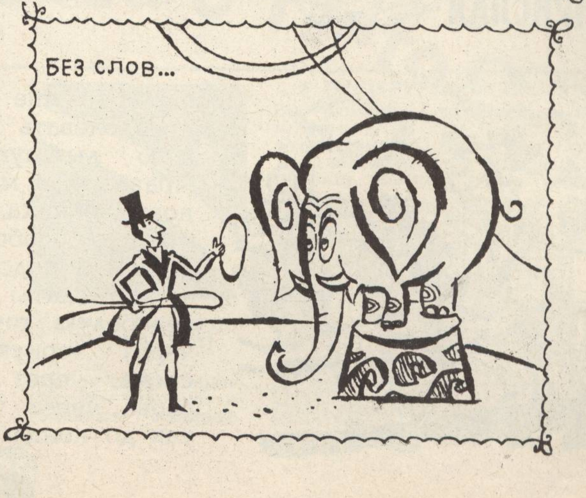
В клубе «Сорок сорок» открылась выставка карикатур. Вот несколько из них:

Сороки рисуют

В цирке

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Дед Буквоед, знаменитый барон Мюнхаузен и писатель Артур Конан-Дойль уехали в командировку.

В одной школе нашего Деда Буквоеда даже за Деда Мороза приняли. И попросили рассказать какую-нибудь сказку. И он рассказал ребятам.

ПРО ПАУКА И МУХУ

Попалась муха пауку в паутину. Паук рад-радешенек: «Вот будет у меня отличный завтрак!» А муха говорит пауку:

— Не ешь меня, паук, ведь я тебе прабабушкой прихожусь!

— Все-то ты выдумываешь! — отвечает ей паук.

— Нет, правда, пауки из мухи получаются. Вот смотри: возьми слово «муха», измени одну букву, получится «муза», измени еще одну букву, получится «луза», еще одну — получится «лужа». Теперь уже до «паука» всего несколько слов осталось. За «лужей» пойдет...

— Дай-ка я сам попробую,— проворчал паук,— не глупее я тебя, цокотухи! — И стал слова подыскивать, да ничего у него не вышло.

А муха из паутины выбралась и улетела.

— Вот обманщица! Все это она нарочно придумала! — закричал паук.

А вы как думаете, обманула муха паука?

Вот письмо-рассказ от Деда Буквоеда про мальчика Вову и зимнюю рыбалку.

ОКУНИ КЛЮЮТ

Едва-едва рассвет рискнул рассеять ночной сумрак, торопя тьму убраться прочь, как Вова уже опять был на реке и, встав за куст около большого камня, закинул удочку.

Дед Василий удил у другого валуна.

— Ну как? — тихо спросил Вова.

— Прошлый год, вестимо, лучше было, а сейчас что-то совсем не клюет, — послышался ответ.

Вдруг Вовин поплавок исчез под водой. Вова подсек и выбросил на берег такого большого окуня, что просто обезумел от радости.

Вова рассказывал потом в школе, что впервые поймал окуня, весившего почти полкило. Ребята не верили ему и посмеивались.

Д. Б.

Зная хитрости Буквоеда, мы решили, что он неспроста прислал нам такой рассказ. Мы перечитали его еще раз, внимательно всматриваясь в каждое слово, и вдруг обнаружили, что вес окуня равен сумме чисел, которые спрятались в словах.

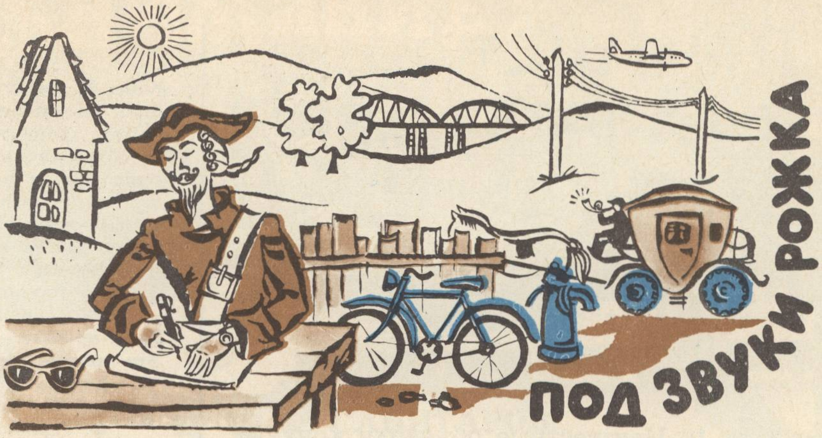
Проверьте и вы, сказал ли Вова правду или наврал товарищам. Напишите, какие ошибки допустил Дед Буквоед в рассказе.

БАРОН МЮНХАУЗЕН ПРИСЛАЛ ОТЧЁТ О СВОЕЙ КОМАНДИРОВКЕ

Как-то мне пришлось преодолевать труднейшую лыжную трассу. Правда, для меня, опытного лыжника, это не составило особого труда. А вам я подскажу, как нужно ехать: раз — через белую точку, раз — через черную, потом снова через белую и снова через черную. И так до конца трассы.

Весной 1759 года я ехал в карете к графу Фуркундскому. Места, по которым проходила дорога, казались мне очень живописными. Около одной харчевни под звуки рожка моего кучера я даже набросал пером рисунок. На нем вы видите и меня и мою карету...

Присмотритесь, ребята, к рисунку и скажите, сколько на нем неправдоподобных вещей. Я насчитал девять.

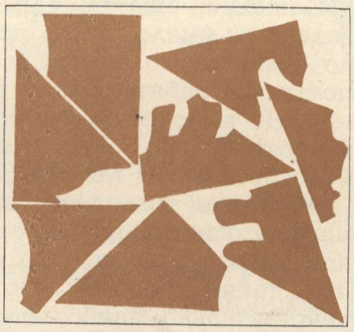
В один морозный и снежный вечер я долго бродил по улицам незнакомого города и так замерз, что решил зайти погреться в первый попавшийся дом. Я заранее знал, что такому гостю, как я, пусть даже и незваному, всегда будут очень рады. За большим столом сидели пятеро ребят и решали какие-то задачи. К моему удивлению, на меня они не обратили ни малейшего внимания.

Я взял ножницы, карандаш: р-раз! И решил сразу обе задачи. Ребята раскрыли рты от изумления.

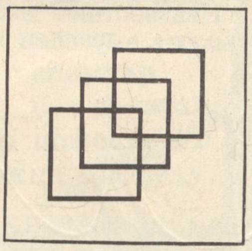
Вот эти кусочки бумаги я вырезал и сложил. Из них у меня получилось всем известное животное.

А потом, не отрывая карандаша от бумаги и не проводя дважды одной и той же линии, быстро нарисовал эту фигуру. Причем линии у меня нигде не пересекались.

1

2

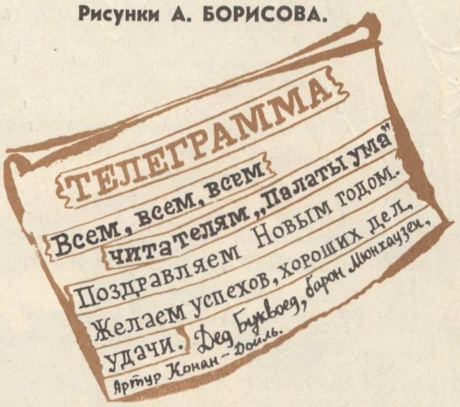
ПОПРОБУЙТЕ И ВЫ РЕШИТЬ ЭТИ ЗАДАЧИ

Мы тоже придумали задачу для наших путешественников. Когда они вернутся в редакцию, мы накроем стол в «Палате ума», нальем в стаканы вкуснейшей сладкой газировки и посмотрим, кто из наших героев одним движением сможет переставить три полных стакана направо, а три пустых — налево.

Итак, до встречи в новом году!

— Минуточку! — сказал почтальон.— Вам телеграмма.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ответы на задачи из № 12

«Ума палата» получила сотни писем от участников марафонского забега. Судейская коллегия до сих пор читает ответы ребят.

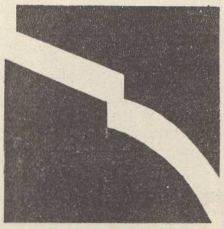
Имена победителей мы опубликуем в следующем номере нашего журнала.

МОНЕТА НАВОДИТ НА СЛЕД

У вас должно получиться: «Завтра в семь часов».

Монету Шерлок Холмс накладывал так.

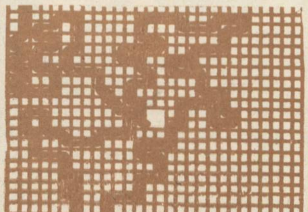

СОВРАЛ ЛИ БАРОН МЮНХАУЗЕН?

Барон сказал правду. Вот как нужно сложить квадрат.

В ПЕЩЕРУ ЗА БИЗОНАМИ

Вы, конечно, догадались, что имя героя — Том Сойер. А в таинственную пещеру со своим веселым спутником вы прошли именно этим путем:

Почетная клетчатая тетрадь Икса, Игрека и Зета

В № 10 Неизвестные объявили конкурс на решение задачи «Расставьте шашки».

Пожалуй, еще ни одна их конкурсная задача не имела такого успеха. Писем было очень много, и, что особенно приятно, почти все ребята задачу решили правильно. Но в Почетную тетрадь Неизвестные заносят только одну фамилию — Миши Голосовского из Москвы.

Миша не только дал верное решение, но еще, как говорят математики, доказал его оптимальность. То есть он доказал, что таким образом можно расставить действительно наибольшее число шашек.

Неизвестные поздравляют Мишу и высылают ему свой Наградной лист.

«ПИОНЕР» переехал!

У редакции «Пионера» новый адрес: **Москва, Ленинградский проспект, 17.**

«Пионер» ждет **посетителей** по этому адресу.

Просит **звонить** по телефону **251-04-27,** а **рукописи и письма** просим направлять по прежнему адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Редакционная коллегия:
Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Оформление **К. Высоцкой.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 251-04-27.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Назарова.**

А 00244. Подписано к печати 10/XII 1969 г. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз. Изд. № 15. Заказ № 3031.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Внимание!
ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ!
Военно-спортивная игра «ЗАРНИЦА»
продолжается.
Победа любого из ребячьих отрядов
зависит не только от разведчиков,
командиров,
но и от
САНИТАРОВ.
Кто окажет помощь раненому? Кто забинтует, перевяжет, отведет в тыл растянувшего ногу?
Кто?
САНИТАР.
Санитар с сумкой на боку — необходимый человек в армии. Санитару нужны острые глаза, быстрые ноги, проворные руки и храбрость, потому что воюет санитар без оружия, а помощь его нужна повсюду.
САНЧАСТЬ
Повторяем,
немалая доля
в победе боевых отрядов
будет принадлежать
санитарам,
тем,
которые знают
свои обязанности
и умеют делать,
что нужно.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Только-только судьи подвели итоги нашего заочного турнира, а Пешкин уже вызывает всех своих друзей, юных любителей шахмат, на линию огня.

Начинается новое соревнование. В него Пешкин включает восемь задач и два этюда. Условия турнира таковы: кто решит все десять заданий, получит третий спортивный разряд и «Грамоту ферзя и ладьи»;

кто решит не менее шести заданий, получит четвертый спортивный разряд.

Для десяти победителей конкурса Пешкин приготовил призы — интересные шахматные книги с автографами чемпиона и экс-чемпионов мира.

Конечно, не все ребята сумеют без промаха поразить шахматные цели, найти решение. Но Пешкин уверен, что никого из вас не испугают трудности. Отступать не к лицу друзьям Пешкина. Поражения тоже учат, закаляют характер. Кто теряется при поражениях, тот никогда не добьется победы.

Итак, перед вами первые мишени, три задания конкурса.

Мишень № 1. В этом положении белые начинают игру и дают мат в два хода.

Мишень № 2. А здесь уже при ходе белых мат достигается в три хода.

Мишень № 3. Этюд, в котором белые начинают и выигрывают.

Кстати, московский школьник Володя Семенов просит объяснить, чем задача отличается от этюда.

Пешкин отвечает.

В задачах решение достигается определенным количеством ходов. Если задачу можно решить меньшим количеством ходов, значит, она слишком простая, неинтересная.

В этюдах количество ходов, позволяющих выиграть или добиться ничьей, не определяется. Как правило, этюды решать труднее.

Свои решения присылайте в редакцию не позднее чем через месяц после получения журнала. В письмах указывайте свой адрес, фамилию, имя, школу и класс, в котором вы учитесь, и спортивный разряд (если он у вас есть).

